

ISSN 2410-1451

**КУЛЬТУРА
НАУКА
ОБРАЗОВАНИЕ**

1

2019

Культура. Наука. Образование. № 1 (50) / 2019

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

КУЛЬТУРА

НАУКА

ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

основан 1 декабря 2006 года

выходит 4 раза в год

№ 1 (50) 2019

Иркутск

КУЛЬТУРА. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет путей сообщения»

Главный редактор журнала: ректор ИрГУПС, д-р техн. наук, проф. *С. К. Каргапольцев*
Заместитель главного редактора: канд. ист. наук, доц. *В. В. Третьяков*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р ист. наук, проф. *Ч. Г. Андреев* (Улан-Удэ); д-р филос. наук, проф. *А. А. Атанов* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *А. В. Гайдамакин* (Омск); д-р ист. наук, проф. *А. В. Дулов* (Иркутск); к. филол. наук, доцент *О. Н. Касаткина* (Иркутск); д-р филос. наук, проф. *В. Е. Осипов* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *Ю. А. Петрушин* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *Н. С. Рубцов* (Красноярск); д-р филос. наук, доц. *Е. Н. Струк* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *В. Г. Третьяков* (Иркутск). д-р ист. наук, проф. *Г. А. Цыкунов* (Иркутск); к. юр. наук, доцент *А. А. Тюкаевкин-Плотников* (Иркутск); к. мед. наук, доцент *В. А. Чичкалюк* (Иркутск); д-р геогр. наук, проф. *А. Я. Якобсон* (Иркутск).

Ответственный секретарь – *Н. В. Никифорова*

Ответственный за выпуск:
д-р ист. наук, профессор *В. Г. Третьяков*

Адрес редакции:
664074, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения»
Кафедра философии и социально-гуманитарных наук
Тел.: (3952) 63-83-11 (01-47)
E-mail: tretvv@yandex.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77 – 68123 от 21 декабря 2016 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Журнал включен в систему РИНЦ

Выходит 4 раза в год
Издается с 2006 года

СОДЕРЖАНИЕ

№ 1 (50)
2019

ФИЛОСОФИЯ

Осипов В. Е. (Иркутск)	
Причина и следствие: формы детерминации	7
Поляков Д. Б. (Чита)	
Жан Бодрияр и постмодернистский анархизм	19
Гущин Е. Ю. (Новосибирск)	
Философский анализ проблемы ментальности и менталитета	28
Кашаев А. Е. (Иркутск)	
У истоков философской антропологии (размышления о С. Кьеркегоре)	34

ИСТОРИЯ

Третьяков В. Г. (Иркутск)	
Японские военнопленные и сооружение железной дороги в Монголии	45
Ткачев В. В. (Иркутск)	
История строительства БАМ в живописи иркутских художников (1970-е – 1980-е гг.): степень изученности темы в исторической литературе	59

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вознюк Е. Б. (Барнаул)	
Факторы изменений в культуре	65
Гусева А. А. (Барнаул)	
На пути к возрождению творческого наследия А. С. Хомякова	73
Васенкин А. В. (Иркутск)	
Экзистенциальное понимание любви	85

ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

Зайковская А. А., Либенсон И. Р., Скитневский Д. М. (Иркутск)	
Эффективность социального управления	91

Баринов Р. Г. (Красноярск), Дорохова М. В. (Иркутск) Опыт адаптации детей-мигрантов в лингвокультурном пространстве на территории Сибирского федерального округа	107
ПСИХОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ	
Зауторова Э. В. (Москва) Особенности жизненных планов осужденных	115
ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА По материалам межвузовской научно-практической конференции Иркутск 4 декабря 2018 г.	
Кустова В. В., Татарникова Н. С., Татарникова Д. С. (Иркутск) Психологические особенности студентов с различной степенью вовлеченности в электронные социальные сети	120
Никифорова Н. В., Анциферова Н. В. (Иркутск) Вагоны для перевозки переселенцев	127
Сергеева И. А., Малов А. С., Николаева А. В. (Иркутск) Исследование способности студентов к осознанной саморегуляции произвольной активности	132
Третьяков В. В., Рогозинская А. Л. (Иркутск) Семья в ценностных ориентациях школьников и студентов	141
Чичкалюк В. А., Есауленко А. С. (Иркутск) Особенности познавательных, мотивационных и личностных показателей студентов-первокурсников	148
Третьяков В. Г., Дунаев Д. В. (Иркутск) Из истории станции Нижнеудинск	153
Требования к оформлению представляемых в редакцию материалов	157

CONTENTS

No 1 (50)
2019

PHILOSOPHY

Osipov V. E. (<i>Irkutsk</i>)	
Cause and effect: form of determination	7
Polyakov D. B. (<i>Chita</i>)	
Jean Baudrillard and postmodern anarchism.....	19
Gushchin E. Yu. (<i>Novosibirsk</i>)	
Philosophical analysis of the problem of mentality	28
Kaschaev A. E. (<i>Iirkutsk</i>)	
At the origins of philosophical anthropology (reflections on S. Kierkegaard)	34

HISTORY

Tretyakov V. G. (<i>Iirkutsk</i>)	
Japanese prisoners of war And railway construction in Mongolia	45
Tkachev V. V. (<i>Irkutsk</i>)	
History of BAM's construction In painting by Irkutsk artists (1970-1980): degree of study of the theme in historical literature	59

CULTURAL SCIENCE AND LINGUISTICS

Voznyuk E. B. (<i>Barnaul</i>)	
Factors of cultural change	65
Guseva A. A. (<i>Barnaul</i>)	
Revival creative heritage of A. S. Khomyakov	73
Vasenkin A. V. (<i>Iirkutsk</i>)	
On an existential understanding of love	85

LAW AND MANAGEMENT

Zaikovskaya A. A., Libenson I. R., Skitnevski D. M. (<i>Irkutsk</i>)	
Social needs, management and progress of the society	91
Barinov R. G. (<i>Krasnoyarsk</i>), Dorokhova M. V. (<i>Irkutsk</i>)	
The experience of the adaptation of children migrants in a cultural linguistics area in the territory of the Siberian federal district.....	107

***PSYCHOLOGY. THEORY AND PRACTICE
OF EDUCATION***

Zautorova E. V. (<i>Moscow</i>) Features of the life plans	115
<i>HUMANITARIAN PROBLEMS AND MODERN SOCIETY</i>	
<i>According to the materials of the scientific-practical conference. Irkutsk December 4, 2018</i>	
Kustova V. V., Tatarnikova N. S., Tatarnikova D. S. (<i>Irkutsk</i>) Psychological characteristics of students with varying degrees of involvement In the electronic social network	120
Nikiforova N. V., Antsiferova N. V. (<i>Irkutsk</i>) Cars for transportation of immigrants	127
Sergeeva I.A., Malov A.S., Nikolaeva A.V. (<i>Irkutsk</i>) Study of the ability of students to conscious self-regulation arbitrary activity	132
Tretyakov V. V., Rogozinskaya A. L. (<i>Irkutsk</i>) Family in value orientations of schoolchildren and students	141
Chichkalyuk V. A., Esaulenko A. S. (<i>Irkutsk</i>) Features of cognitive, motivational and personal indicators of first-year students	148
Tretyakov V. G., Dunayev D. V. (<i>Irkutsk</i>) From the history of the station Nizhneudinsk	153
Information for authors	157

ФИЛОСОФИЯ

УДК 122/129

В. Е. Осипов*

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ: ФОРМЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ

В статье рассматриваются категория и принцип причинности, устанавливается их место в общей системе диалектики, даны определения основных форм и типов причинной связи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: причина, следствие, детерминизм, закономерность, формы и типы причинных связей.

V. E. Osipov

CAUSE AND EFFECT: FORM OF DETERMINATION

The article deals with the category and principle of causality, establishes their place in the General system of dialectics, defines the main forms and types of causation.

KEYWORDS: cause, effect, determinism, regularity, forms and types of causal relationships.

Мудрый – кто знает нужное, а не многое.
Эсхил

Поистине, не механическая сумма отрывочных разрозненных знаний характеризует мудрость человека, но его постоянное и неустанное стремление глубже и всесторонне познать величественную гармонию мира в целом, постичь сущность и возбуждающие причины его многогранного и противоречивого события.

Проблема анализа соотношения причины и порождающего его следствия волновала мыслителей и естествоиспытателей с давних времен, но особенно актуальной она становится в настоящее время в связи с высоким уровнем развития современной науки, ее влиянием на все стороны жизни человека и общества в целом. Потребность более глубоко и всесторонне осмыслить сущность происходящих в природе и обществе процессов становится естественной необходимостью.

* *Осипов Василий Евдокимович, доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.*

Еще Демокрит считал высшей целью познания поиск причин наступления событий в закономерном и строго необходимом мире. Аристотель, наряду с анализом других категорий, рассмотрел причину и выделил четыре ее типа – материальную, формальную, производящую и целевую. Но в Античной философии, и особенно в эпоху Средневековья, господствующей была идея Платона о целесообразности всех событий, происходящих во Вселенной, обусловленных и предопределенных всемогущей волей Творца, – идея, которая не преодолена еще окончательно в массовом сознании жаждущих чуда наивных людей.

Первые значимые для науки и философии будущего определения понятия причины были сформулированы уже в эпоху позднего Средневековья. В частности, Гроссестес в XIII в. сформулировал принцип единства и провозгласил, что наблюдаемые нами одинаковые события могут служить основанием для утверждения об единстве их вызвавших причин. Данный принцип явился одним из фундаментальных в классической науке – одинаковые причины вызывают одинаковые следствия. В неклассической и, особенно, в посткласической науке этот принцип выполняется с некоторой долей неопределенности и вероятности, либо имеет чисто условное и символическое значение.

Возникновение и становление классической науки, бесспорным и бессменным лидером, которой была физика, привело к необходимости более четко сформулировать понятие причинности. И. Ньютона частично удалось от решения этой задачи, провозгласив свой знаменитый тезис – «Гипотез я не измышляю!» Но Галилео Галилей еще раньше точно сформулировал понятие и принцип причинности как необходимое и достаточное условие для события: «Это, а не что другое должно быть названо причиной, при наличии чего действие всегда следует и при устранении чего действие всегда исчезает» (Цит. по: [1, с. 48]). Данное определение, с некоторыми изменениями у разных авторов, послужило гносеологической и методологической основой развития всего классического естествознания, фундаментом для формирования строго детерминистической научной картины мира. Суть этой картины наиболее четко выразил П. С. Лаплас в своем изречении об «Уме», которое при наличии соответствующих данных может в единой формуле объять все движения и состояния Вселенной, начиная от бесконечного прошлого и кончая ее бесконечным будущим. Лапласовский «Ум» – это базовая модель и идеал классической науки, которые имеют достаточно определенное значение и предмет познания.

Классическая наука и соответствующая ей философия образуют собой системное качество, которое базируется на строго детерминистской картине мира и следующих принципах:

– причинность – это внешнее воздействие на объект, которое порождает в нем строго определенные изменения. В свою очередь, следствие само есть новая причина, порождающая другие следствия, и эта линейная цепь может продолжаться до бесконечности. Данное положение непосредственно вытекает из учения Аристотеля о четырех типах причин и уточнения этих понятий в определении Галилео Галилея;

– причинно-следственные отношения имеют строго определенный характер детерминации и поэтому могут быть рассчитаны с неограниченной точностью. Они объективны и не зависят от состояния познающего субъекта и самой процедуры познания. Возникающая в процессе познания необходимость коррекции некоторых отклонений движения системы от расчетной причинно-следственной траектории обусловлена случайными факторами, которые свидетельствуют о неполном учете начального состояния объекта и возможных внешних воздействий на него;

– исследуемый объект рассматривается как закрытая система, которая изменяется строго детерминированно и линейно. На него может воздействовать не одна, а несколько внешних причин. Но все эти факторы независимы друг от друга и их влияние на объект можно рассматривать на основе принципа суперпозиции и правила аддитивности. Общее действие причины как целого равно сумме действий каждой из причин в отдельности. Данные принципы действительно реализуются при анализе простейших систем и низших форм движения материи. Так можно представлять базовую модель классической науки, которая принята с различными модификациями в теориях. Смысл и методологическое значение классического способа описания (КСО) мира выходит далеко за его строгие гносеологические границы; он затрагивает общие и основополагающие вопросы о сущности и формах процесса познания в целом, фундаментальные проблемы теории и методологии науки как системы.

В неклассической и особенно в постнеклассической науке проблема причинности и детерминизма становится одной из актуальных и фундаментальных в связи с новыми представлениями о диалектике объекта и субъекта познания, определенности и неопределенности бытия, введения вероятности в качестве первичного понятия теории.

Граница между субъектом и объектом познания в новой науке уже не представляется строго определенной, как в классической физике. Более того, диалектика субъекта и объекта становится существенным и необходимым элементом теории, выражением ее специфики и содержания. В теории относительности этот факт выражается в обязательной

ссылке при решении задач на систему отсчета, а в квантовой механике – на тип прибора, выбор которого осуществляет субъект.

По-новому рассматривается и проблема точности описания поведения объекта. В классической физике в принципе допускается возможность достижения безграничной точности описания движения объекта. В квантовой механике точность одновременного описания координаты и импульса частицы ограничиваются соотношениями неопределенностей В. Гейзенберга и значением постоянной Планка. Как не вспомнить в этой связи апории Зенона («Стрела»), который за две с половиной тысячи лет описал противоречивый характер теоретического мышления, диалектику тождества и различия представлений о мире и самой реальности, сложной и многообразной.

Неопределенность, которую следует нивелировать с точки зрения классической теории и методологии, в неклассической науке становится существенным фактом и элементом познавательного процесса. В этой связи неизбежно возникает вопрос о том, чем обусловлена данная неопределенность и связанный с нею индетерминизм в описании квантовых процессов. Является ли она порождением несовершенства наших ощущений (В. Гейзенберг), или мы вступаем в микромире в Мир неопределенности, в мир индетерминизма и новых причинно-следственных отношений. Н. Бор объяснял появление неопределенности в теории микромира ограниченностью классических понятий в их применении к анализу принципиально новых явлений. В этой связи неизбежно возникли проблемы анализа соотношения прежней и новой теории, интерпретации корпускулярно-волнового дуализма, принципов неопределенности и детерминизма, вероятности – т. е. всей теории микропроцессов. Значительную роль в решении данных проблем сыграли сформулированные Н. Бором принципы соответствия и дополнительности. Это не физические, а методологические принципы научного познания, их предназначение состоит не в том, чтобы открывать новые явления и процессы, а в том, чтобы разрабатывать пути достижения и постижения новых истин во всем их многообразии и сложности. Смысл и содержание этих принципов постоянно изменяется по мере развития самой науки и поэтому нуждается в уточнении.

В современной науке и методологии подобное уточнение необходимо для категории и принципа причинности.

Что такое причинность и детерминизм, каково их значение и роль в современном научном познании? Для ответа на эти вопросы принципиальное значение имела интенсивная и плодотворная дискуссия 60–70 гг. прошлого столетия по философии науки, в которой приняли участие практически все выдающиеся ученые и философы

того времени. Историкам науки и философии еще предстоит заново осмыслить и оценить значение этого научного явления, которое выходит далеко за рамки физики микромира, анализа ее понятий и принципов. Более важным и значительным, на наш взгляд, стало то, что в этот творческий период истории науки и философии была сформулирована новая научная картина мира и соответствующее ей миропонимание, основанное на органическом единстве объекта и субъекта познания, единстве физической теории и диалектического мышления. Естественно, что и сама диалектика, и философия в целом в данных условиях должны были принять новые вызовы науки, отказаться от устаревших догматических схем и подняться на новый, более высокий уровень развития. Творческий союз философии и науки стал реальностью.

На первом этапе дискуссии речь шла в основном о том, каким образом реализуются философские принципы в естественно-научном познании. В последующем внимание ее участников постепенно переключилось и на исследование самих категорий и принципов методологии науки – причинности, детерминизма соответствия, дополнительности, простоты, наблюдаемости и др. В контексте темы данной статьи следует отметить фундаментальный труд М. Бунге о причинности [1], коллективную монографию «Проблема причинности в современной физике» 1960 г. [2] и монографию Г. А. Свечникова [3], где впервые были разграничены понятия причинности и связи состояний в науке. Но любая фундаментальная проблема не может быть завершена в принципе; она требует к себе постоянного внимания, уточнения и обоснования. К тому же в существующих определениях категорий диалектики мы еще не избавились полностью от давления классических представлений и докантовской метафизики, стремления обосновать фундаментальные положения философии не внутренней логикой ее развития, а суммой примеров и догматических схем. Чисто онтологический подход к анализу современных проблем философии и методологии науки все более обнаруживает свою ограниченность, которую можно преодолеть только на основе субъективно-материалистической гносеологии, представлений об органическом единстве субъекта и объекта в теоретическом мышлении [4]. Так, в «Философском энциклопедическом словаре» читаем: «Под причиной (лат. *causa*) понимается явление, действие которого вызывает, определяет, изменяет, производит или влечет за собой другое явление; последствие называют следствием» [1, 3, 5]. В природе и в обществе существует бесчисленное множество форм взаимоотношений между причиной и следствием, их классификация может производиться по различным признакам.

Любая классификация причинно-следственных связей условна и неизбежно связана с рядом затрудняющих объективных и субъективных обстоятельств. Простое наложение категорий диалектики на исследование данного объекта познания абстрактно и схематично, к тому же оно нередко проводится по принципу чисто механического противопоставления, раздвоения сторон единого: внутреннее – внешнее, необходимое – случайное, причина – следствие, однофакторное – многофакторное и т. д. В этом случае общее лишено частности и конкретно-научного обоснования. Чисто гегелевский «переход в свою противоположность» без анализа реальных научных фактов превращается в абстрактную схему, вызывает критические сомнения у мыслящего разума.

Философские суждения и определения всеобщи, по сути своей неопределенны, содержат противоположности в себе как особый специфический признак. Они поэтому могут служить основанием для выдвижения гипотез самого различного толка – как научных, так и парадоксальных.

Фундаментальное положение принципа детерминизма и философии в целом гласит, что причина всегда предшествует по времени следствию. Но интерпретация данного тезиса в науке и за ее пределами может быть весьма различной. Например, некоторое время назад при обсуждении проблем будущего развития физики можно было встретить утверждение, что на субмикроскопическом уровне или при скоростях, превышающих световую, причина и следствие могут поменяться местами; следствие может наступать раньше, чем вызвавшая его причина. Но, во-первых, это одна из многочисленных возможных гипотез, а они, как известно, реализуются далеко не все и не всегда становятся теориями. Во-вторых, даже если физика со временем вступит в новую fazu своего развития, необычную с точки зрения современных представлений, это приведет к необходимости формирования новой картины мира, нового стиля мышления и уточнения понятия причины и следствия, общей теории и принципа детерминизма. В истории науки и ее методологии это было уже и будет еще не раз.

Ничего необычного нет и в так называемой машине времени, якобы позволяющей пройти по времени путь в обратном направлении и вернуться в прошлое состояние, воскресить души умерших и т. д. Фантазия человека, особенно ненаучная, безгранична, но она не всегда бывает безвредной, особенно когда она затрагивает сферу экономических интересов и реальной жизни личности.

Причина и следствие не могут превращаться в свою противоположность в буквальном смысле этого понятия, это противоречило бы законам логики, философии и науки в целом. Следствие может оказы-

вать свое влияние на причину только в том случае, если она сохранила свое действие после наступления события. Но это уже не исходная, а другая причина, другое звено в причинно-следственной цепи. Поэтому в данном утверждении мы не нарушаем принцип: причина всегда предшествует следствию. Но мы можем как бы идти по времени в прошлое, по следствию судить о вызвавших его причинах, либо чисто гипотетически и условно в математических расчетах заменить во времени знак с плюса на минус и тем самым строить различные гносеологические картины, связанные с нашими движениями и событиями от настоящего к прошлому. Таким образом, возврат в прошлое – это чисто гипотетическая модель мышления, основанная на представлении об однолинейном характере причинно-следственной детерминации явлений и событий. Гносеологической основой такого одностороннего и абстрактного мышления является натурфилософский, метафизический подход к анализу законов и категорий диалектики и философии в целом.

Но также неполным и односторонним будет анализ причинно-следственных отношений на основе какой-либо одной науки, например физики. В этом случае более глубинные гносеологические выводы о сущности исследуемых процессов остаются в тени, заменяются популярным изложением фундаментальных положений науки и ее законов. Но без знания всеобщего конкретно-научное и особенное лишается всей полноты единого и существенного. Аналогично, само всеобщее без его конкретно-научного обоснования превращается в простую и абстрактную схему, далекую от реальной жизни и науки. Всеобщие определения получают свое обоснование и жизнь только через конкретно-научное и особенное; особенное получает статус подлинно научного только в его глубокой связи с всеобщими определениями.

Причина – совокупность внутренних и внешних факторов, действующих на объект и порождающих в нем данные изменения. Изменения объекта в результате действия причины на него есть следствие.

Факт – действительное, вполне реальное событие. Фактор – момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении, имеющее объективный или субъективный характер. При этом необходимо напомнить, что сущность и явление – это онто-гносеологические категории, они характеризуют объект не сам по себе, а его включенность в познавательную и преобразующую деятельность человека. Прежний, метафизический материализм провозглашал тезис, что без объекта нет субъекта, первичность объекта в познавательном процессе. Современная диалектико-материалистическая философия восстанавливает в правах субъекта, без которого нет и не может быть объекта. Неисчислимо количество тел во Вселенной и происходящих там про-

цессов, неизведанных нами, но объектами они становятся лишь благодаря нашей познавательной деятельности, включения их в нашу жизнь, практику во всех формах ее проявления. Именно в этом заключается смысл и значения тезиса об органическом единстве тезиса объекта и субъекта в познании, в гносеологии в целом.

Аналогично мы должны рассматривать и категорию факта, понятия многофакторности причинно-следственных отношений. Понятия факта и фактора характеризуют не событие само по себе, подобное кантовской «вещи в себе», но то, что вовлечено человеком в его познавательную деятельность, значимое для него, что существенно влияет на все его существование, жизнь. Только в этом смысле мы говорим об объективных и субъективных факторах, природных и социальных, необходимых и случайных, однофакторных и многофакторных и т. д. Так возможна наиболее полная и логически обоснованная классификация причинно-следственных связей.

Причина – активное начало, как отношение обусловленности, предопределенности состояния системы всей совокупностью предшествующих факторов, порождающих собой определенные изменения в ее последующем развитии. Причина – это еще не факт, но потенция, связанная со случайностью и неопределенностью. Следствие – это факт и действительность, возможность и определенность. Таким образом, взаимосвязь понятий причины и следствия представляет собой некоторое системное единство и в этой своей определенности они суть, элементы более общей системы категорий диалектики.

Классический подход к анализу категорий причины и следствия не отражает собой полного и многогранного содержания, диалектической сущности понятия. В частности, идея многофакторности причины представлена здесь в рамках принципа аддитивности и суперпозиции состояний, как простая механическая сумма не связанных между собой воздействий на объект. В реальной жизни все наполнено элементами случайности и неопределенности и обстоит гораздо сложнее; здесь нужны более глубокие, «сумасшедшие» (Н. Бор) идеи и обстоятельный анализ.

Отношения между причиной и следствием представляют собой лишь одну из сторон многогранной и универсальной связи явлений. Эта связь наиболее полно выражена в понятии и принципе детерминизма, включающего в себя по меньшей мере три стороны: причинность, связь состояний системы и закономерность как их единство и диалектический синтез. Каждая из этих сторон, в свою очередь, может быть представлена многими формами в зависимости от структуры и природы отображаемого ими объекта. Поэтому понятие многофакторности детерминации более содержательное, обобщающее и существенное, нежели его только

причинное представление. В данном понятии отражено единство и взаимосвязь всех сторон детерминирующих факторов, их системный характер и целостность, онтологическая и гносеологическая полнота.

В повседневной жизни и даже в научном познании мы не всегда проводим четкое различие между понятиями причинности и связи состояний. Но при анализе высших форм движения материи в методологии науки устанавливать такое различие необходимо.

Причина – это активное, действующее начало, исходный фактор, порождающий собой данные изменения объекта. Основной вопрос, который мы хотим разрешить в познании причины – почему происходят данные события, что послужило решающим и определяющим фактором изменения системы как целостного организма. Часто бывает так, что ответ на этот вопрос – это не физическая в более широком понимании этого понятия, а метафизическая проблема, которая может быть решена только в рамках более общей теории.

Понятие связи состояний системы призвано ответить на вопрос: как, по каким законам происходит изменение состояний объекта в результате действия на него причины. Понятия причины и связи состояний взаимосвязаны, они суть стороны, выражения единого процесса закономерности бытия. Знаменитая формула гласит: начальное состояние системы есть следствие предшествующего и причина будущего состояния. Это общее выражение сущности и закономерности бытия; в каждом конкретном случае она может наполняться различным содержанием и смыслом.

Классические представления учитывают влияние на объект только внешних причин и выстраивают её отношения со следствиями в строго детерминистическую линейную цепь событий. Данные отношения могут включать элементы поливариантности, например, при вероятностном описании массовых случайных событий, имеющих одинаковую природу. Но в целом они также рассматриваются по формулам, имеющим линейный характер. Так, динамический закон гласит: начальное состояние системы, характеризуемое значением ее физических величин, определяет собой ее последующее состояние. Статистический закон: начальное состояние системы, характеризуемое некоторым распределением случайной величины, определяет собой ее последующее распределение. В принципе, одна и та же однолинейная формула выражения закономерности явлений; различие двух типов законов в характере начального и конечного состояний объекта.

Линейность – одна из характерных и существенных особенностей описания событий, происходящих в простых и закрытых системах. В таких системах все причины, действующие на объект, имеют одинако-

вую природу, их различие только в случайных признаках, обуславливающих собой поливариантность конечного результата детерминации. Понятие поливариантности детерминации особенно проявляет себя в неклассической науке, включающей в себя неопределенность и вероятность в качестве исходных и фундаментальных категорий. Законы неклассической науки также линейны, но они включают в себя неопределенность результата как факт теории. Поливариантность причинно-следственных отношений и связей – сущность и характерная черта неклассической науки. Данное понятие может рассматриваться в качестве промежуточной формы описания линейных строго детерминированных и нелинейных индетерминированных процессов, представляющих собой многокачественную сетевую ветвящуюся структуру.

В сложных открытых и неравновесных системах, исследуемых синергетикой [6, 7], происходят нелинейные процессы многофакторной детерминации. Синергетика – это наука о процессах и законах самоорганизации сложных нелинейных динамических систем в природе и обществе, находящихся в состояниях, далеких от термодинамического равновесия. Единой цельной науки синергетики нет и, возможно, не будет; есть некоторый общий взгляд на различные неравновесные системы, что можно представить так: $C = C_1 + C_2 + \dots + C_n$. Но есть некоторые общие черты каждой неравновесной ситуации, среди которых следует различать принцип неаддитивности. Суть его сводится к следующему суждению: общая суммарная реакция объекта на внешние причины не равна сумме реакций на каждый раздражитель в отдельности. В этом случае категории внутреннего и внешнего наполняются новым, более богатым содержанием и смыслом.

Исследование нелинейных процессов и связанных с ними многофакторной детерминации, соотношения порядка и хаоса, факта самоорганизации сложных систем, проводились и до того, как была сформулирована синергетика. Достаточно вспомнить рассмотренные еще в начале XX столетия природные процессы, когда малые причины могут вызвать большие и непредсказуемые следствия. Память старших поколений людей хранит множество примеров соотношения казалось бы незначительных причин, послуживших основанием для больших, порой трагических и губительных для народа следствий. Дело не в том, что синергетика открыла для науки принципиально новый предмет исследования; она ввела в науку новое и системное видение, новый стиль мышления, отражающий отношения стран и народов в современном сложном и многополярном мире.

Наибольший интерес для современной науки и практики представляет изучение проблем нелинейной многофакторной детерминации

биологической и социальной форм движения материи. Здесь мы выходим за рамки представлений о многофакторности как о простой сумме однотипных причин и порождающих ими предсказуемых следствий, но входим в мир случайности и неопределенности. При исследовании сложных нелинейных процессов открытых систем нужно учитывать все многообразные факторы, побуждающие данное явление: объективные и субъективные, внутренние и внешние, природный и человеческий, технический и технологический и т. д. В таком подходе нуждается не только наука, но и сама жизнь, практика во всем многообразии ее форм. Следует отметить также, что такой подход к анализу сложных процессов и явлений есть основа и принцип диалектического мышления.

Многофакторность детерминации представляет собой выражение диалектического единства внутренних и внешних факторов и отношений между причиной и следствием. Данное единство представляет собой целостную систему, в которой изменение одной из сторон ведет к соответствующему изменению всей системы. При этом ведущая и определяющая роль принадлежит внутреннему фактору. Внешнее воздействие вызовет соответствующие изменения в системе только тогда, когда она будет восприимчива к вмешательству извне, в противном случае такого изменения не будет вообще, либо оно произойдет в иной, не-предсказуемой форме.

Понятие многофакторности детерминации предполагает взаимодействие причин между собой, их взаимные изменения, которые также могут быть в значительной мере случайными, неопределенными и не-предсказуемыми. Поэтому в процессе их познания важно превращать возможные последствия такого взаимодействия и его суммарный неаддитивный результат. В сложных открытых системах однозначное предвидение следствий либо затруднено, либо практически невозможно. Описание процессов многофакторной детерминации в сложных открытых системах возможно ориентировочно как некоторых тенденций поведения системы в данных условиях, которые также могут быть неопределенными. Именно для описания данной гносеологической ситуации нами было введено понятие «Закон-тенденция» [8]. Законы-тенденции отражают не сами события, но тенденции изменения системы в данных условиях, изначально индетерминированных и неопределенных.

Законы-тенденции более приближены к реальной жизни человека, нежели точные и строгие детерминистические определения. Реальная жизнь человека – это открытая сложная система, нелинейная и многофакторная по сути. В этой системе особо выделяют соотношение материальных и духовных факторов, их единство и определяющее влияние

на все стороны жизни человека и общества в целом. В определении данного единства важно отличить не только определяющую роль материальных факторов, но и существенное влияние на социальную систему духовных, культурных традиций и ценностей общества, как целостного системного образования.

Духовная культура народа – это самоорганизующаяся многофакторная и открытая система. Она включает в себя не только её современное состояние и формы, но и прошлое, как фундаментальный исторический факт. Произвольное и непродуманное вмешательство в процесс управления духовной культуры может привести к непосредственным последствиям, к утрате духовных ценностей народа, его культуры в целом, его языка, образа мысли и самоидентичности; что, подобно цепной реакции, неизбежно отразится на развитии всей системы в целом.

Кто позабыл прошлое, тот обречён на забвение в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бунге М.* Причинность. Место принципа причинности в современной науке / М. Бунге. – М. : Политиздат, 1962. – 512 с.
2. Проблема причинности в современной физике. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 278 с.
3. *Свечников Г. А.* Причинность и связь состояний в физике / Г. А. Свечников. – М. : Наука, 1971. – 305 с.
4. *Осипов В. Е.* Диалектика: натурфилософский и субъективно-материалистический подходы к её обоснованию / В. Е. Осипов // Культура. Наука. Образование. – 2014. – № 1. – С. 7–38.
5. *Кузнецов И. В.* Причина и следствие. Причинность / И. В. Кузнецов, Ю. В. Сачков // Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.
6. *Хакен Г.* Синергетика / Г. Хакен. – М. : Мир, 1980. – 404 с.
7. *Пригожин И.* От существующего к возникающему / И. Пригожин. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 340 с.
8. *Осипов В. Е.* Материя. Содержание и форма как онто-гносеологические категории / В. Е. Осипов // Культура. Наука. Образование. – 2018. – № 3 (48). – С. 7–20.

УДК 1(091)

Д. Б. Поляков*

ЖАН БОДРИЙЯР И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ АНАРХИЗМ

Статья посвящена рецепции философских идей известного французского мыслителя-постмодерниста Ж. Бодрийара теоретиком постмодернистского анархизма Л. Коллом. Для последнего идеи и само мышление Бодрийара включает в себя радикальную субверсивную составляющую, которая ставит под сомнение не только реальность государства и капитализма, а также легитимирующих их знаков и символов, но и принцип реального как такового. Исходя из этого, Колл делает вывод об анархистских последствиях, вытекающих из бодрийяровского концепта симуляции, который расширяет проект сопротивления власти путём переосмыслиения традиционных представлений о субъекте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постмодернизм, анархизм, власть, семиократия, ситуационизм, симуляция.

D. B. Polyakov

JEAN BAUDRILLARD AND POSTMODERN ANARCHISM

The article is devoted to the reception of the philosophical ideas of the famous French postmodernist thinker J. Baudrillard by L. Call, the theorist of postmodernist anarchism. For Call, Baudrillard's ideas and thought includes a radical subversive component that questions not only the reality of the state and capitalism, as well as signs and symbols that legitimize them, but also the principle of the real as such. On this basis Call makes a conclusion about the anarchist consequences arising from the Baudrillard's concept of simulation, which expands the project of resistance to power by rethinking traditional ideas about the subject.

KEYWORDS: postmodernism, anarchism, power, semiocracy, situationism, simulation.

Со дня рождения влиятельного французского мыслителя Ж. Бодрийара (1929–2007) в текущем году исполняется 90 лет. Философское наследие «гуру постмодернизма» остаётся весьма актуальным и злободневным вне зависимости от того, считаем ли мы эпоху постмодерна завершённой или близящейся к историческому закату. Считая постмодернизм произвольно используемым понятием и «неопознанным теоре-

* Поляков Дмитрий Борисович, кандидат философских наук, доцент Забайкальского института железнодорожного транспорта (филиал ИрГУПС).

тическим объектом» [1, с. 189], Бодрийяр, тем не менее, вряд ли может быть воспринят вне этого понятия хотя бы потому, что его мышление отчётливо соответствует той характеристике постмодерна, которую ещё один французский философ Ж.-Ф. Лиотар сформулировал как «недоверие в отношении метаарассказов» [2, с. 10]. Тотализирующие, всё объясняющие идеи и теории XIX–XX вв. ставятся постмодернизмом под сомнение, их статус и логика подрываются, давая место неопределенности, случайности, бесконечной интерпретации. Последней не избегает и сам постмодернизм, а, следовательно, и философия Бодрийяра, одну из трактовок которой мы и рассмотрим в данной статье.

Радикализм мышления Бодрийяра довольно известен, но последствия этого радикализма в интерпретациях различных исследователей предстают в разнообразных формах – от тотального пессимизма и фатализма до более или менее оптимистических проектов преобразования общества. Последнее видение представлено в теории постмодернистского анархизма¹ американским учёным Л. Коллом в книге «Postmodern Anarchism» (2002), где анализируются возможности радикального сопротивления государству, капитализму и легитимирующей их «семиократии» (власти знаков и символов) в ситуации постмодерна. С этой целью Колл рассматривает идеи теоретиков анархизма М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина, М. Букчина, а также Ф. Ницше, М. Фуко, Ж. Делёза, Ж. Бодрийяра и других ученых для того, чтобы с их помощью сформулировать революционный новому тысячелетию антиавторитарный проект, который и получает наименование постмодернистского анархизма.

В своей оценке текстов Бодрийяра Колл убеждён, что они имеют радикально анархический подтекст, несмотря на имеющуюся двусмыслинность и туманность, из которых можно в равной степени сделать вывод об упомянутом фатализме или даже консерватизме бодрийяровского политического мышления. С одной стороны, действительно, бодрийяровская критика марксизма подразумевает, что реальный проект освобождения оказывается невозможным в силу той буржуазной семиотики и языка, на котором марксизм сформулирован. Но критика марксистской теории не означает конца радикальной политики вообще. Она лишь указывает, что идеи Бодрийяра более радикальны, чем марксизм и даже традиционный анархизм.

Хотя Бодрийяр не включал себя в рамки того, что называется постмодернизмом, для Колла его труды имеют самое прямое отношение

¹ Впоследствии, эта и другие похожие теории, синтезирующие идеи анархизма, постмодернизма и постструктурализма, получили на Западе распространение под названием постанархизма. Помимо Колла к теоретикам постанархизма относят Э. Коха, Т. Мэя, С. Ньюмена, Ю. Мюмкена и др.

к его проекту постмодернистского анархизма, поскольку включают в себя анархию субъекта Ницше (самопреодоление, переоценка ценностей) и микрополитику Фуко (идею того, что власть носит сетевой, «капиллярный» характер, а не фиксирована в некоей точке). «Подобно немецкому и французскому генеалогам, – считает Колл, – Бодрийяр глубоко скептичен к апокалиптической зависимости от рациональности, которая характеризует западную интеллектуальную деятельность после Просвещения. Ницше, Фуко и Бодрийяр² – все они артикулируют глубокую и постоянную критику буржуазного общества, уделяя особое внимание «культурным аспектам этого общества» [3, с. 90]. Мышление Бодрийяра, однако, первоначально развивается как своеобразная вариация социологии Э. Дюркгейма [4], преломленная специфическим образом в работах его учеников М. Мосса и Ж. Батая.

Что касается Дюркгейма, то его идеи никаким особым радикализмом не отличаются, на что верно указывает Колл, приводя в пример его размышления о разделении труда³. Но будучи воспринятыми его племянником Моссом эти идеи трансформируются в альтернативную капиталистической политэкономии теорию дара. Так, в эссе «Опыт о даре» Мосс утверждает, что в обществах, которые обычно маркируются как примитивные, обмен дарами представляет собой сложную символическую систему, коренным образом отличную от современного экономического обмена и находящуюся вне современной политической экономии. «Потребление и разрушение <...> действительно не знают границ. В некоторых видах потлача⁴ от человека требуется истратить всё, что у него есть, и ничего не оставлять себе» [5, с. 196]. Колл особенно подчёркивает это высказывание Мосса, развивая мысль о том, что оно потенциально подрывает буржуазную политэкономию, основанную на концепции дефицита и утверждающую, что рыночные механизмы должны обеспечить эффективное распределение ограниченных экономических ресурсов.

² При этом Колл оценивает как досадное дистанцирование Бодрийяра от фукольдианской мысли, выраженное, в частности, в его работе «Забыть Фуко». Колл даже сравнивает эту ситуацию с историческим противостоянием К. Маркса и М. А. Бакунина в I Интернационале, которое привело к обеднению радикальной теории.

³ «Прогресс индивидуальной личности и прогресс разделения труда зависят от одной и той же причины. Невозможно хотеть одного, не желая другого» [4, с. 375]. Проблема же государства, как считают некоторые исследователи наследия Дюркгейма (например, Д. Ла Капра), не имеет для него социологического значения.

⁴ Распространённая преимущественно у североамериканских индейцев традиция демонстративного дарового обмена или даже уничтожения лишнего имущества.

Критику этой концепции предпринимали и анархисты, в частности, американский эколог М. Букчин, однако Колл сосредотачивается на «Проклятой части» Батая, в которой критика дефицита оказывается более всеобъемлющей. Если Букчин предполагает экономическое изобилие как результат грамотного применения современных технологий, то для Батая жизнь на земле *вообще* характеризуется огромным изобилием. Согласно Батая, живые организмы сталкиваются не с нехваткой ресурсов, а напротив – с их избытком. Проблема общества заключается не в том, как создать богатство, но в том, как нейтрализовать избыточную энергию и раздать имеющиеся ресурсные богатства. Теория дара Батая также более радикальна, чем у Мосса, поскольку предполагает безвозмездность дарения, тогда как в моссовской концепции дар должен быть возвращён, зачастую с каким-либо подразумеваемым интересом. У Батая тем самым обнаруживается критика экономического накопления, которое не только обеспечивает существование современных государств, но может вторгаться и в сферы частной жизни людей, и приобретать символические формы. «В конце концов, – пишет Колл, – государственная власть проистекает в значительной степени от чрезвычайно успешного способа, которым современные государства колонизируют всю семиотику. Нужно лишь взглянуть на любую крупную западную газету, чтобы понять, что рационализм, экономическое накопление и государственная власть объединяются на самом глубоком уровне для формирования, казалось бы, целостного семиотического порядка» [2, с. 97].

В этом контексте, наконец, появляется Бодрийяр и, в частности, его работа «Символический обмен и смерть», в которой символическое насилие обмена-дара признаётся фактически единственным способом противодействия семиотике капиталистической политэкономии, позволяющим «бросить системе такой вызов, на который она не сможет ответить ничем кроме своей гибели и крушения» [6, с. 99]. Символизм этого обмена-дара преследует господствующую политэкономию, несмотря на то, что во всех современных обществах сама система обладает монополией на власть дарения, включая дарение экономическое: «В трудовых отношениях даёт именно капиталист, – отмечал Бодрийяр, – он обладает инициативой дарения, и это, как и в любых других социальных отношениях, обеспечивает ему преимущество и власть, далеко выходящую за пределы экономики» [Там же, с. 105]. То же относится и СМИ, которые «даруют» нам информацию, воспроизводя коды буржуазной семиократии, в одностороннем и неоспоримом порядке. Тем не менее, «отказываться от работы, оспаривать заработную плату – значит ставить под угрозу процесс экономического дара, выкупа и возмещения,

обнажая скрывающийся под ним фундаментальный символический процесс» [6, с. 106]. Именно такое обнажение и подрыв символической организации порядка посредством практики символического обмена Колл, как и сам Бодрийяр, усматривает в событиях так называемого Красного мая 1968 г., когда студенческие волнения, начавшиеся в стенах парижских университетов, вылились в поддержаные рабочими уличные демонстрации, столкновения с полицией и всеобщую, многомиллионную забастовку. Социальный кризис, вызванный ростом безработицы, понижением заработной платы, ужесточением отбора при поступлении в высшие учебные заведения, формированием общества потребления и т. п., способствовал росту леворадикальных настроений и образованию многочисленных политических групп с соответствующими установками и программами

«Рождение практики постмодернистского анархизма», как называет эти события Колл, связано с активностью Ситуационистского интернационала – близкой к анархизму леворадикальной группы художников, поэтов, кинематографистов и социальных мыслителей, главным представителем которой был Г. Дебор. Бодрийяр тогда придерживался взглядов, схожих с ситуационистскими и анархистскими. Букчин писал в 1968 г., что «целью революции сегодня должно быть освобождение повседневной жизни. Любая революция, которая не достигает этой цели, является контрреволюцией. Прежде всего, должны быть освобождены мы, наша повседневная жизнь со всеми её моментами, часами и днями, а не универсалии типа “Истории” и “Общества”» [7, с. 66]. Можно сказать, что в этом аспекте, подразумевающем, что государство и капитализм – это лишь наиболее очевидные, но не единственные цели для критики, ситуационисты, Бодрийяр и Букчин были солидарны. Тем не менее, ситуационизм не включал в себя тот вид гуманизма, который иногда можно найти в анархизме Букчина. Ситуационистский отказ от гуманизма означал также отказ от субъект-центрированного разума, что в свою очередь подтасчивало научные притязания марксизма. Так, Дебор в своей известной работе «Общество спектакля» атаковал диалектический материализм, утверждая, что «проект преодоления экономики, проект сознательного управления историей, должен познать и свести к себе все общественные науки, но сам он ни под каким предлогом не может быть *научным*» [8, с. 41–42]. Почти в том же ключе высказывался и Бодрийяр: «Радикальная в своём логическом анализе капитала, марксистская теория тем не менее сохраняет антропологический консенсус с параметрами Западного рационализма, обретённого в его окончательной форме буржуазной мыслью восемнадцатого века» [9].

Бодрийяр и Дебор не считали поэтому удивительным, что традиционные левые в конце концов воспроизводили присущие капитализму отношения власти, отталкиваясь от категорий буржуазной рациональности. Ситуационисты в качестве альтернативной политической теории и практики выработали своеобразную «игровую политику жестов», этика которой, пишет Колл, «имела смысл как противоядие квазипуританской трудовой этике, эндемичной как капитализму, так и институциональному коммунизму. А жестовая практика ситуационистов должна была увлечь революцию в незнакомую и неизведанную территорию символа» [2, с. 102]. Из этой политики высвобождения (*detournement*) символов, т. е. практики символического изменения текста или изображения так, что его первоначальное значение искажается или даже уничтожается, выливалось создание политизированных граффити. Это «восстание знаков», отражающее символизм безвозмездного дара, не теряет своего значения при переходе Запада в постиндустриальную fazu развития, в которой система может обойтись без города как сосредоточия фабричного производства, но, утверждал Бодрийяр, «не может обойтись без города как пространства/времени кода и воспроизведения, ведь власть есть по определению централизованность кода. Оттого первостепенной политической важностью обладают сегодня любые выступления против этой семиократии <...> Таковы, например, граффити», которые «неприступны для какого бы то ни было организованного дискурса», которые «противятся любой интерпретации, любой коннотации, да и денотата у них нет никакого» [6, с. 158–159]. Иными словами, для постмодернистской революции важна символическая стратегия, которая применима и против семиотической власти, и против капитала и государства, поскольку, как считал Бодрийяр, «вся репрессирующая и редуцирующая стратегия систем власти уже присутствует во внутренней логике знака, так же как и во внутренней логике меновой стоимости и политической экономии. Только некая революция могла бы восстановить сферу символического, действуя против знака и стоимости» [10, с. 227].

Поздние работы Бодрийяра, в которых разрабатываются концепты симуляции и гиперреальности, оказываются не менее важными для постмодернистского анархизма Колла. Несмотря на кажущийся отказ от перспектив каких-либо революционных проектов, бодрийяровское мышление в трактовке Колла остаётся не менее и даже более революционным. «Бодрийяр, возможно, отказывается говорить о политике или революции не потому, что эти вопросы больше не интересуют его, а потому что он понял, что разговор об этих вещах не приведёт к каким-либо значимым изменениям. Точнее, мы должны сказать, что Бодрийяр

больше не говорит о реальной политике или реальной революции, как это иногда делалось им в шестидесятые и в начале семидесятых, поскольку теперь он понимает: революция, которой он хочет добиться, не может произойти в реальном» [2, с. 105]. Отказ от принципа реального, уже намеченный в приветствии Бодрийяром символического восстания и в его книге «Забыть Фуко», выливается впоследствии в радикальную политику симуляции. «Мы – симулянты, мы – симулякры (но не в классическом значении “подобия”), мы – вогнутые зеркала, попавшие под излучение социального, излучение без источника света, под власть без истока, без дистанции, и именно в этом тактическом мире симулякра и нужно будет сражаться без надежды, ибо надежда – удел слабых, но с вызовом и в фасцинации» [11, с. 200–201]. Колл фокусирует внимание на том, что если бы пессимизм Бодрийяра действительно был бы тотальным, то не было бы и необходимости говорить о каком бы то ни было сражении. Для Колла французский мыслитель является самым настоящим постмодернистским анархистом, разоблачающим, прежде всего, симуляции власти и капитала, их пародии на самих себя: «Модернистский радикал планирует, организует, запускает революцию реального – и терпит неудачу каждый раз. Постмодернистский анархист глумится над капиталом, весело разоблачая его ахиллесову пяту, указывая, что политическая экономия *уже мертва*, и что нам не нужно бояться её жалкого трупа» [2, с. 106].

Безусловно, Бодрийяр много говорит о том, как посредством симуляции осуществляются механизмы господства (например, через СМИ и рекламу). С другой стороны, подобно марксистам, указывающим на заложенные в самом капитализме семена саморазрушения, Бодрийяр утверждает: «есть высокая вероятность, доходящая до уверенности, что системы будут сведены на нет своей собственной систематичностью <...>. Чем больше эти политические, социальные и экономические системы продвигаются к собственной безупречности, тем больше они де-конструируют себя» [12, с. 78]. Этот политический «принцип энтропии» неизбежно означает, что даже самые репрессивные институты и системы порядка не имеют иммунитета к возможности «системного сбоя». Симуляция ещё не означает отчаяние и пессимизм; отрицание реального становится субверсивным жестом, указывающим на нереальность власти: «тайна великих политиков, – считал Бодрийяр, – заключалась в том, чтобы знать, что власть *не существует*» [13, с. 85]. В книге «Фатальные стратегии» французский философ ещё сильнее подчёркивает эту идею, утверждая, что симуляция «независимо от своей цели, позволяет в любой момент сделать предположение, что *порядок и закон сами могут быть всего-навсего симуляцией*» [14, с. 31].

Тот же жест обращён и на гуманистического субъекта, от которого после срыва всякой метафизики, трансцендентности и драматичности остаётся «лишь жалкая оболочка». Отказ от картезианской модели автономного субъекта для Колла и его постмодернистского анархизма более чем осмыслен, ведь этот «картизианский гуманизм вместо того, чтобы продуцировать политическую свободу, дал нам эксплуатацию промышленного капитализма девятнадцатого века, бюрократическое подавление государства всеобщего благоденствия двадцатого века и – в искусной маскировке пролетарского субъекта – Гулаг» [2, с. 109]. Место субъекта в работах Бодрийяра занимает неоднозначная фигура «молчаливого большинства» – массы, которая нейтрализует и выхолащивает всё, что угодно, включая власть; которая симулятивна в том смысле, что не имеет презентации и тем самым представляет собой «конец политического процесса, которому она могла бы оказаться подконтрольной» [15, с. 30]; которая, наконец, не аполитична, но трансполитична.

С другой стороны, в ряде своих высказываний Бодрийяр явно далёк от того, чтобы придавать массам и их «трансполитике» некое революционное значение. Для Колла это не имеет особого значения: «В конце концов, смерть гуманистического субъекта означает и смерть Бодрийяра. Если Бодрийяр может говорить об “эффекте мая 68-го”, то и мы можем говорить об “эффекте Бодрийяра”, и этот эффект не обязательно таков, каким сам Бодрийяр мог себе его представить» [2, с. 112]. Его политическая теория анархична потому, что включает в себя радикальную критику капитализма и государственной власти; постмодернистской же она является постольку, поскольку расширяет эту критику, так сказать, «вглубь» – до атаки на гуманизм, семиократию, всевозможные формы презентации и сам принцип их реальности.

Несмотря на оригинальность и своеобразие, прочтение Коллом бодрийяровских работ оставляет ряд не совсем понятных теоретических моментов. Например, каким образом символическая политика граффити, лозунгов, ситуационистских «жестов и антижестов» может вдохновить большие массы людей на сопротивление государству, капитализму, семиократии? Точнее, насколько вразумительной и понятной является эта политика для людей, далёких от того, чтобы угадывать политико-философский посыл этих граффити и жестов? Не является ли виртуализация и симуляция стратегией самой власти, вытесняющей сопротивление в искусственно сконструированное пространство, делая сопротивление столь же искусственным и имеющим лишь символическое, а не реальное значение? Наконец, разве капиталистическая семиократия не способна присвоить себе любой, даже подрывающий её революци-

онный символ, знак или жест, превратив его в товар или часть своего «спектакля» (как, например, в случае с портретом Че Гевары)? С точки зрения ситуационистских теоретиков, называвших этот процесс рекуперацией, очень даже может, а потому ставка на символическое в постмодернистском анархизме Колла кажется чересчур оптимистичной.

Мы видим, таким образом, что Бодрийяр многогранен. И ни одна из граней его философского наследия не может быть названа единственно верной. Этим оно и интересно, поскольку даёт возможность оценить окружающую нас реальность (или гиперреальность) в соответствии с тем, чего мы от неё ожидаем: растворения личности в симуляции и в тени молчаливого большинства или новых возможностей и появления тех «сингулярностей», которые, по словам Бодрийяра, «мешают любому единомыслию и любой доминанте – они изобретают свою игру и свои собственные правила игры» [1, с. 160].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
2. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
3. *Call L.* Postmodern Anarchism / L. Call. – Lanham, Lexington Books, 2002. – 159 р.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. Л. Б. Гофмана. – М. : Наука, 1990. – 575 с.
5. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. – М. : КДУ, 2011. – 416 с.
6. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
7. *Bookchin M.* Post-Scarcity Anarchism / M. Bookchin. – 2nd ed. – Montreal-Buffalo : Black rose books, 1986. – 310 р.
8. *Дебор Г.* Общество спектакля / Г. Дебор. – М. : Опустошитель, 2012. – 180 с.
9. *Бодрийяр Ж.* Зеркало Производства [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: <https://syg.ma/@johnny-dillinger/bodriiair-zierkalo-proizvodstva-pierevod-str-30-37>.
10. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Д. Кралечкин. – М. : Академический проект, 2007. – 335 с.
11. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – М. : Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
12. *Baudrillard J.* The Vital Illusion / J. Baudrillard. – N.Y. : Columbia University Press, 2000. – 102 р.
13. *Бодрийяр Ж.* Забыть Фуко / Ж. Бодрийяр ; пер. Д. Калугина. – СПб. : Владимир Даль, 2000. – 96 с.
14. *Бодрийяр Ж.* Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр. – М. : РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.
15. *Бодрийяр Ж.* В плену молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2000. – 32 с.

УДК 1302

Е. Ю. Гущин*

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ МЕНТАЛЬНОСТИ И МЕНТАЛИТЕТА

Статья посвящена анализу интерпретаций понятий ментальность и менталитет. Рассматривается их взаимодействие между собой, общественным и индивидуальным сознанием. Выделяется роль ментальности и менталитета в формировании мировоззрения. Раскрываются факторы, влияющие на их формирование.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ментальность, менталитет, мировоззрение, общественное сознание, индивидуальное сознание, архетип.

E. Yu. Gushchin

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF MENTALITY

This article analyzes the interpretations of mental concepts. Examines its interaction with social and individual consciousness. It highlighted the role of mentality in the formation of the world. The factors affecting its formation are revealed.

KEYWORDS: mentality, worldview, social consciousness, individual consciousness, archetype.

Философская проблема понимания менталитета и ментальности, в условиях современных социальных реалий, обретает свою актуальность и значение благодаря необходимости объяснения неоднозначных изменений и состояний общественного сознания, а также особенностей социального поведения и формирования мировоззрения. Определение содержания данных понятий влияет на формирование различных подходов к пониманию менталитета. Возникает потребность исследования области социального познания в рамках научного социально-философского анализа.

При анализе социально-исторических проблем, с которыми сталкиваются человеческие общества в естественном процессе их развития, понятия менталитета и ментальности являются ключевыми для понимания

* Гущин Евгений Юрьевич, магистрант Сибирского государственного университета водного транспорта.

ния сущности общественных процессов и генезиса социального человека. Однако трактовка и понимание содержания данных понятий различны и являются многогранной и комплексной проблемой.

Менталитет (от лат. *mens* – дух, душа (в узком смысле – ум) и лат. *alis* – другие) – совокупность умственных и эмоциональных особенностей, культурно-ценостных установок, принадлежащих определенному народу, этнической нации. Следовательно, этот термин также может быть использован для характеристики мировоззрения и образа мышления отдельного индивида. Понятие менталитета объёмно в своём содержании и включает в себя взгляды, нормы поведения, моральные установки и другие различия, характеризующие группы людей.

Менталитет формируется на основе общего исторического, культурного, социального и экономического развития той или иной общности. Обозначение этого понятия не имеет конкретного аналога в русском языке. Для понимания содержания данного термина можно представить взаимодействие структур мозга. Мозг – есть нейрофизиологический (материальный) субстрат, а ментальность – есть результат его функционирования.

Ментальность складывается в процессе воспитания, развития человека и обретения им жизненного опыта. Таким образом, это то, что отличает индивидов, получивших воспитание в той или иной культурной среде.

В традиционном значении между «менталитетом» и «ментальностью» нет противоречий. Они означают определенный склад ума, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные особенности, «призму», видящую и осмысливающую явную реальность.

Итак, ментальность – это сформировавшееся временем и поколениями бессознательная структура, которая развивается на основе культурно-исторического опыта. А менталитет – есть парадигма общественного мышления, сложившаяся в процессе этногенеза, являющаяся уникальной для каждого народа.

Обратим внимание на социально-бессознательный аспект, содержащийся в наших понятиях. Ментальность как коллективно-личностное образование представляет собой устойчивые духовные традиции и аксиологические установки. Они существуют в определенной пространственно-временной границе и являются основой поведения и образа мышления. По мнению К. Г. Юнга, архетипы являются основными элементами коллективного бессознательного [1, с. 98]. Сформированный менталитет следует из первобытных, унаследованных источников человеческого сознания. Для субъекта определяющим является коллективное, безличное психическое содержание, которое находится в области бессознательного. Оно же

является основой индивидуальной психики. Однако ментальность имеет определенные границы: пространственно-временные и социокультурные. Архетип, наоборот, определяет всеобщий характер в независимости от времени и места. Он помогает осуществить биосоциальный процесс – воплощение личности и заложенных в ней психических наклонностей. Ментальность зависит от социокультурного контекста и этических представлений, но архетип остается этически нейтральным.

Ментальность – это формообразующая единица, придающая содержанию архетипа качественную характеристику. Архетип, в свою очередь, структурообразующая единица, являющаяся направлением психического и социокультурного развития. Ментальность выражает содержание архетипа посредством культуры и представляет собой исторически обусловленную форму архетипа. Она есть система представлений, через призму которых происходит восприятие аспектов реальности (пространство, время, искусство и политика, культура, цивилизации, экономика и религия). Каждой социальной группе присуща особенная форма восприятия реальности. Это позволяет выявить глубинные слои общественного сознания, более объективно понимать умонастроение эпохи, а также найти причину в неизменных образах, представлениях и восприятиях, порой, скрытыми за идеологией или модой.

Следовательно, можно ответить на вопрос о том: что повлияло на формирование менталитета и ментальности. Образцы поведения и ценностные ориентиры задаются в рамках ментальности части общества, а затем, проникают и закрепляются в ментальности народа исторически. Социальная дифференциация менталитета отражает существующее в обществе разделение на общественные группы, обладающие свойственными им материальными интересами, образом жизни и мышлением. Например, менталитет крестьян прошлого столетия был более консервативен, по сравнению с менталитетом образованного класса. Менталитет каждого социального класса формирует и моделирует мышление и поведение её носителей: коллективные страхи и фантазии, которые воплощались бы в форме политической реформы, а бедность и голод отразились бы на формах религии и мировоззрения.

Таким образом, последовательно реконструируя ментальность того или иного социального класса, можно постепенно сконструировать и образ жизни индивида, его духовный и материальный миры.

Наибольших успехов в исследовании менталитета достигла французская историческая школа «Анналов». М. Блок и Л. Февр, которые ввели понятие «менталитет», обращали внимание на тот факт, что в человеческом сознании находят свое преломление различные проявления

бытия, закрепляясь в системе образов, представлений и символов. Следовательно, изучение образа мыслей людей, форм организации мышления рассматривается как возможность понимания логики исторического процесса того или иного народа.

По мнению французского историка Л. Февра, ментальность определяет историческую индивидуальность общества, и для того, чтобы понять сущность данного общества, необходимо воссоздать способ восприятия действительности, мыслительный и чувственный инструментарий. И, следовательно, сформировать образ индивидуального видения мира и, на его основе, коллективного мировоззрения [2, с. 51–52]. Как уже говорилось ранее, слово «*mentalite*» является словом, не переводимым на другие языки, но оно обозначает одновременно и умонастроение, и мыслительные установки, и коллективные представления, и склад ума. В русском языке данному понятию будут синонимичны, по содержанию, понятия «мировидение» и «мироощущение».

По мнению французских историков, ментальность – это система образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своём месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей [3, с. 52]. Таким образом, её сущность заключается в общественных явлениях, свойственных для каждой цивилизации и народа, в проблемах коллективной и индивидуальной психологии, характерных для исторической эпохи, а также в средствах фиксации и передачи знаний, в религиозности, массовых социальных и психологических явлениях, в фольклоре и искусстве.

Ментальность является философским понятием, которое находится на периферии гуманитарных дисциплин, образующих системы научного знания.

Историк А. Бюргье предложил структуру для определения ментальности по предметам гуманитарного знания:

1. Биологическая и материальная антропология (предметом изучения являются: биологический организм человека, инстинкты жизни и смерти, сексуальность, питание).
2. Экономическая антропология (экономическое поведение, соотношение культурологических и психологических установок по отношению к технике).
3. Социальная антропология (изучение систем родства, семьи, исторической демографии, отношения семьи и государства, специфика социальных взаимосвязей).
4. Культурная антропология (предметом изучения становятся верования и ритуалы, системы представлений о мире, времени, фольклор, мифы, символика жестов) [4, с. 119–128].

Сознание человека содержит в себе модель реальности, которую он осмысливает, хотя и не всегда связанную только с отражением внешней окружающей действительности. В мифах и верованиях, в обычаях и символах находится сущность, определяющая мировидение. Именно благодаря ментальности они определяют индивидуальное и социальное поведение людей и групп. Следовательно, ментальность, наряду с экономикой, политикой и т.п., становится одним из ключевых факторов исторического процесса. В ней сливаются движущие силы истории и чтобы воплотиться, им необходимо пройти через сознание людей.

Каким образом ментальность, мировоззренческие ориентиры передаются между поколениями и индивидуумами? Российский исследователь О. Корнилов отвечает: «Благодаря языку». Он оперирует понятием «языковая картина мира». «Языковая картина мира – это результат отражения мира обыденным коллективным сознанием, вербализированная система матриц, в которых запечатлен национальный способ видения мира. Эти матрицы позволяют понять ценностные приоритеты, систему образности и ассоциативного мышления» [5, с. 106, 113]. Следовательно, ментальность здесь понимается как уникальная логика умозрительного осмысления действительности, для которой присущи культурные и психологические черты народа.

Для более четкого понимания содержания ментальности установим связь между духовной культурой и индивидуальной субъективностью. Принято выделять сознание, подсознание и бессознательное. А по отношению к духовной культуре выстроится следующая иерархия – общественное сознание, ментальность и коллективное бессознательное. Подсознание определяется как система автоматизмов, которые могут переходить из сознательного в бессознательное. А ментальность понимается как совокупность стереотипов мышления и поведения, как осознаваемых, так и неосознаваемых, закрепленных в символической форме и общении.

Таким образом, ментальность понимается как подсознание культуры, где её содержание – это верования, представления и неосознаваемые установки. Она является онтологическим, функциональным объяснением особенностей поведения людей различных культур и эпох. Благодаря ментальности люди одного этноса или эпохи наделяют одинаковыми значениями сходные явления объективного и субъективного мира и могут выражать их в схожих символах. К тому же ментальность многомерна: она существует в любой социальной группе независимо от социальных, этнических и других критериев. Опять же, как человек социальный, он охватывает множество социальных групп. Ключевым моментом является то, что законы функционирования коллективной психики одни. Эффект «коллективного сознания» имеет место в каждой

социальной группе. Отсюда вывод, что социогуманитарная система философии и науки определяют свой предмет как проблему «ментально-го», «интеллектуального». Появляется необходимость в структурно-философском анализе понятия ментальности.

Понятия «менталитет» и «ментальность» определяются как структурные компоненты коллективного и индивидуального сознания, но могут рассматриваться и как способ, и как метод познания социокультурного исторического процесса. При изучении социальной группы или её временного контекста, выбор употребления понятий «менталитет» или «ментальность», несмотря на их равноправие, обусловлен их отличием. Первое имеет общечеловеческое, всеобщее значение, второе же относится к различным социальным слоям и историческим временам. Таким образом, ментальность и менталитет – понятия, в своем содержании отражающие мировосприятие социальной группы или индивида, важное значение в котором отводится бессознательным процессам.

Модель мировосприятия формируется на ментальном уровне благодаря символам и нормам поведения, присущим той или иной социальной группе или обществу. В ментальности отражена структура общественного и индивидуального сознания, обусловленная коллективными представлениями, верованиями и традициями, которые являются фундаментом рационально построенных и логически осмысливших концепций, теорий и идеологических систем.

Таким образом, разработка концепций ментальности в западной и отечественной социальной философии и науки способствует развитию многоаспектной проблемы понимания менталитета. На уровне современного философского знания осмысление данной проблемы выражается в анализе тенденций её изменений в условиях глобализации социума. Понимание природы ментальности создает возможность решения теоретических и практических задач в области социальной философии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К. Г. Юнг // Архетип и символ. – М. : Ренессанс, 1991. – 98 с.
2. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. – М. : Наука, 1991. – С. 51–52.
3. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. / Ж. Дюби. – М., 1991. – 52 с.
4. Бюргье A. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии / А. Бюргье // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного : в 2 кн. – М. : Наука, 2003. – Кн. 1. – С. 119–128.
5. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо Год, 1999. – С. 106, 113.
6. Юнг К. Г. Душа и миф, шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Киев ; М., 1997. – 384 с.

УДК 141

А. Е. Кащаев*

У ИСТОКОВ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О С. КЬЕРКЕГОРЕ)

В статье освещаются некоторые проблемы творчества выдающегося датского философа и религиозного мыслителя С. Кьеркегора. Раскрываются особенности его понимания субъективного существования, анализируются базисные категории «страх», «трепет», «вера», «отчаяние». Уделено внимание экзистенциальной диалектике, стадиям человеческого существования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философская антропология, экзистенциализм, субъективизм, страх, трепет, страдание, вера, грех, диалектика.

A. E. Kaschaev

AT THE ORIGINS OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY (REFLECTIONS ON S. KIERKEGAARD)

Annotation. The article highlights some of the problems of creativity of the outstanding Danish philosopher and religious thinker S. Kierkegaard. The features of his understanding of subjective existence are revealed, the basic categories of “fear”, “trembling”, “faith”, and “despair” are analyzed. Attention is paid to its existential dialectic, stages of human existence.

KEYWORDS: philosophical anthropology, existentialism, subjectivism, fear, awe, suffering, faith, sin, dialectics.

Стремиться вперед – значит потерять покой,
оставаться на месте – значит потерять себя.
С. Кьеркегор

Имя Сёrena Кьеркегора (1813–1855) – своеобразного философа первой половины XIX в. – становится широко известным в XX в. Теоретическое наследие датского мыслителя ещё предстоит осмысливать не одному поколению философов. Он принадлежит к числу тех философов, которые оказали громадное влияние на духовную и интеллектуальную жизнь XX в. Его творения, его биография являются предметом

* Кащаев Александр Евграфович, доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.

том многочисленных исследований, комментариев, непрекращающихся дискуссий. Это при том, что при жизни Кьеркегора его произведения не переводились на иностранные языки, в самой Дании они не рассматривались как философские. Соотечественники в лучшем случае видели в нем талантливого писателя, обладающего прекрасным стилем. Но мало кто из них мог предположить, какое будущее ожидает его творчество [1].

Россия стала первой страной, в которой были опубликованы переводы его работ. В 80-х гг. XIX в. один за другим выходят отдельные его переводы (в основном фрагменты его сочинения «Или – Или»), появляются небольшие журнальные и энциклопедические статьи. Первое крупное и удачное исследование о Кьеркегоре осуществил Лев Шестов, который познакомился с его сочинениями по настоятельному совету Э. Гуссерля. Книга Шестова «Киркегард и экзистенциальная философия» вышла на французском языке в парижском издательстве «Vrin» в 1936 г. тысячным тиражом. Переиздана в России она была только в 1992 г. издательством «Прогресс-Гностис» [19]. В СССР первое серьезное исследование творческого наследия С. Кьеркегора было осуществлено крупным специалистом по философии экзистенциализма П. П. Гайденко (монография «Трагедия эстетизма. Опыт характеристики миросозерцания Серена Киркегора» [3]) и Б. Э. Быховским (произведение «Кьеркегор» [2]). Быховский с позиций марксизма-ленинизма подверг тотальной критике основополагающие идеи Кьеркегора, но вместе с тем читатель все-таки мог получить общее представление о философских и религиозных взглядах датского мыслителя. А. С. Богомолов и Н. М. Эфендиева (1976) первыми из советских ученых предприняли попытку исследовать проблемы экзистенциальной диалектики в учении Кьеркегора применительно к стадиям жизненного пути.

В постсоветский период значительно ожила работа по переводам произведений Кьеркегора, защищаются диссертации, публикуются исследования, посвященные различным аспектам его творчества. Значительным вкладом в раскрытие философских и теологических идей Кьеркегора стали статьи С. А. Исаева и его книга «Теология смерти: Очерки протестантского модернизма» (1991). Ему принадлежит заслуга в переводе (совместно с женой Н. В. Исаевой) трех этапных трудов Кьеркегора «Страх и трепет», «Понятие страха» и «Болезнь к смерти», вышедшие в 1993 г. в издательстве «Республика». Чем же привлекают идеи Кьеркегора современного мыслящего человека?

Центральным вопросом для Кьеркегора был вопрос о существовании, но не всякого, а субъективного. Вопрос о существовании с древности до наших дней был вечным, он вставал перед писателями, учеными,

художниками. Для философов он представлялся лишенным смысла или полностью исчерпанным в рамках их собственных учений. Кьеркегор же делает акцент на субъективности. Тем самым он закладывает основы неклассической философии в форме философской антропологии. Философская антропология провозглашает в качестве приоритета и высшей ценности существование конкретного человека. Кьеркегор считал, что каждый человек должен не только задать себе вопрос о своем существовании, но и дать собственный субъективный ответ – самой своей жизнью. Поэтому, по его мнению, высшая форма существования – конкретный человек с его реальными чувствами, переживаниями, настроениями, страстями и т. п. При этом наличие существование человека мыслится им в категориях религиозного измерения жизни. С этих же позиций он защищает истинное христианство. Исследование Кьеркегором человеческой субъективности дало импульс к дальнейшему осмыслению «человеческой ситуации» философами и теологами уже в XX в.

В рамках этой философии отвергались или переставали быть обязательными стройные и строгие формы её выражения (систематичность, концептуальность, язык, логика, диалектика и т. п.). Этот тип антропологии демонстрирует себя в качестве альтернативного (экзистенциального) философского дискурса.

Достижением неклассической философии нужно считать возвращение человеку человеческого – воли, субъективных переживаний, интуиции, мистической веры. Традиционная философия не обращала внимания на такие негативные психологические модусы человеческого бытия, как переживание, страх, отчаяние, страсть, вина. Эти категории, стоявшие как бы на обочине классической философии, Кьеркегор одним из первых поставил в самый центр философствования, будучи глубоко убеждённым в том, что психологические состояния человека являются очень важными, именно они отличают человека от животного. Ни один человек не может пережить свою жизнь, не почувствовав состояние отчаяния. Тем самым Кьеркегор закладывает основы экзистенциализма, антропологии, феноменологии, персонализма, герменевтики, отчасти психоанализа, идею благоговения перед жизнью и др.

Даже внешне философские размышления Кьеркегора демонстрируют явно неакадемический тип мыслителя [15]. По складу своего характера Кьеркегор был писателем и свободным мыслителем, старавшимся всю свою короткую жизнь найти и обосновать свое место в философском мире через неистовое борение против классических канонов философии с ее вечной противоречивостью, спорами. В этом протесте против господствующего рационализма рождался его особый стиль

мышления и изложения, который раздражал или вызывал неприятие читателей. В отличие от традиционной для европейской философии систематической формы изложения Кьеркегор пользуется косвенным способом сообщения своих идей, выступая то как писатель, мастер дневникового и эпистолярного жанров, то как религиозный проповедник, то как автор психологических исследований, рассматривающий структуру и эволюцию определенных душевных состояний. Главное затруднение, возникающее при чтении произведений Кьеркегора, состоит в том, что он ведет в них диалог с самим собой; высказывая определенный тезис в одном произведении, он оспаривает его в другом.

В отличие от своих предшественников (Канта, Гегеля) Кьеркегор нигде не пытается примирить обнаруженные им противоречия. Каждая из сторон противоречия существует самостоятельно, составляя полюса личности самого автора [10, с. 12]. Нарастание остроты противоречий не примиряется в их высшем единстве, как это сделал бы Гегель. У Кьеркегора противоречия обрываются всегда на самой резкой ноте: заключительным словом его учения является «вера в абсурд», «религия парадокса». Очевидно, в самом парадоксе нужно видеть выход из противоречия, которое пронизывает все его учение. Поэтому можно согласиться с П. П. Гайденко, что всякая попытка однозначной расшифровки, превращения в монолог текстов Кьеркегора мешает проникнуть в их истинное содержание и адекватно сформулировать поставленные в них проблемы [3, с. 12–13].

Создание философской антропологии Кьеркегором шло одновременно с непримиримой борьбой против немецкой философской идеалистической системы, вершиной которой выступала рационалистическая система Гегеля. Кьеркегор выступил прежде всего против рационалистического сведения человеческого существа к мышлению. Он со всей остротой поставил вопрос о том, что Гегель, а вместе с ним весь немецкий идеализм в целом упускают из виду самое фундаментальное измерение человека – его существование. Точку зрения Гегеля на исторический процесс и культуру Кьеркегор отвергал как отдающую личность во власть «анонимного» господства истории и тем самым лишающую её самостоятельности и свободы. Он считал, что только в «безусловной независимости» от природных связей, общественных влияний и отношений к другим людям – словом, от всего внешне существующего, человек может обрести «абсолютность» своего индивидуального этического решения (выбора) и сохранить себя как личность, способную принять ответственность за самое себя. Только такая отдельная личность способна достичь подлинного «эстетически-личностного» существования, т. е. экзистенции.

У Гегеля в его философской системе категория бытия занимает скромное место. «Для мысли, – писал Гегель, – не может быть ничего более малозначащего по своему содержанию, чем бытие» [5, с. 175], и далее подчеркивал: «...Чистое бытие есть чистая абстракция и, следовательно, абсолютно-отрицательное, которое, взятое также непосредственно, есть ничто» [Там же, с. 220]. Таким образом, для Гегеля бытие есть «самая начальная, наиабстрактнейшая и наибезднейшая дефиниция» [4, с. 217].

Гегель, как и все представители немецкой классической философии, стремился создать философскую науку, идеалом которой должна быть объективность. Все субъективное, личностное рассматривалось как неистинное. Иными словами, классическая философия (метафизика), прежде всего немецкая, была чрезвычайно плодовита, стала высшим достижением мировой культуры. Вместе с тем прогресс философской мысли был одновременно регрессом в антропологии.

Так, в новоевропейской философии впервые Р. Декартом с полной основательностью была определена ориентация разума, осуществлена четкая эпистемологическая установка, которая привела к коренному перевороту в философском мышлении, т. е. к переходу от обращенности внутрь, на человека, что было имманентно христианскому разуму, – к обращенности вовне, к мирозданию. При этом человек приходит к пониманию себя как Эго, Это мироздания. У Декарта, кроме принципа «cogito ergo sum», другие важнейшие свойства и качества человека оставались вне рамок философского дискурса (религиозные воззрения, психология, внутренний мир человека с его чувствами, настроениями, страстями и т. д.). И. Кант усовершенствовал картезианскую антропологию, привел в завершенный вид классическую европейскую модель человека. Гегель превратил эту модель человека в элемент дискурса спекулятивного философствования, сущность человека была сведена им к способности мышления. Иначе говоря, в классическом идеализме человек стал вторичным и производным по отношению к спекулятивному верховному принципу соответствующей системы. Тем самым человек лишился философской автономии.

Кьеркегор качнул философский маятник в противоположную сторону; он решительно обратил вектор ориентации философского разума от декартовой обращенности вовне снова к обращенности внутрь [18].

Отсюда следовало, что развитие мысли о человеке могло происходить вне этого русла философского направления, только в полемике с ним в форме антропологического протеста. Длительное время антропологическая установка в философии и являлась протестной по существу, а первой и открытой ее формой стала философия Кьеркегора. Вся его

творческая деятельность до конца жизни была пронизана ярко выраженной антропологической ориентацией, от которой он до конца жизни не отступал. Причем свою позицию Кьеркегор постоянно сопровождал острой полемикой, критическими размышлениеми.

Таким образом, в центре философских размышлений Кьеркегора находились не мир и его устройство, не государство и политика, а непосредственно человек с его выбором пути и всем разнообразием жизненных коллизий. По Кьеркегору, только личность (субъективное) и обладает подлинным, истинным существованием, экзистенцией. Кьеркегор называет ее «Единичное». Единичное становится центральной категорией учения Кьеркегора. Эта категория фиксирует бытие внутренних и неповторимых переживаний личности. Существовать, по Кьеркегору, – это значит реализовать свое бытие через свободный выбор одной из альтернатив. Благодаря этому выбору личность утверждает себя в своей неповторимости, индивидуальности. Философские размышления о человеке Кьеркегора пронизываются религиозными мотивами. Не случайно, что его одни исследователи считают преимущественно теологом, другие – преимущественно философом. Истина, видимо, лежит посередине.

Что же лежит в основе категории существования Кьеркегора? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, что все усилия мыслителя были сосредоточены на решении двух важнейших и взаимообусловленных для него задач: 1) найти и проложить путь к вере; 2) проложить путь к вере с помощью философского дискурса. Иначе говоря, главным предназначением человека в его жизни является приобретение веры, которая, согласно Кьеркегору, означает актуальную встречу (контакт) с Божественной реальностью. Но чтобы осуществить этот шаг, необходимо достичь открытости себя Богу. В отличие от теологов, богословов Кьеркегор все время стремился философски обосновать сущность веры и тем самым решить проблему открытости Богу [18].

Жизнь человека, согласно Кьеркегору, в своей сущности трагедийна (это сближает его с экзистенциализмом), следовательно, несовершенна и несвободна, поскольку она отягощена первородным грехом. Все это превращает человеческую жизнь в отчаяние. Но при этом именно отчаяние, считает Кьеркегор, служит средством приближения человека к Богу. Тот человек, который в результате свободного выбора решил обрести одиночество и приблизиться к Богу, и является истинно верующим. Таким образом, по Кьеркегору, отчаяние – это форма прорыва к Богу. Он выделяет четыре вида отчаяния:

1. Неосознанное – низшая степень отчаяния, характерная для людей, не способных к саморефлексии.

2. Осознанное – попытка выйти к духовности, когда человек сравнивает себя с другими людьми. Такой человек строит свою жизнь по образу ближнего, что приводит к забвению себя.

3. Отчаяние-вызов – страстное желание быть самим собой, непрерывным «Я». В этом случае человек выходит в пространство моральной ответственности через постоянный осознанный выбор.

4. Религиозное отчаяние, которое вызывает неутомимую работу духа, основанную на сознании своей малости и виновности перед Богом. В основе религиозного отчаяния лежат страх и трепет [7, с. 113–250].

Кьеркегор рассматривал страх как особую категорию, имеющую значимость для каждого из нас. Он считал, что страх вытекает из осознания человеком непродолжительности собственной жизни и неотвратимости смерти. Человек ничего не может сделать для того, чтобы продлить собственную жизнь, что вызывает в нем чувство страха, в том числе, и страха перед неизвестностью. В качестве средоточия веры Кьеркегор рассматривает библейский сюжет о жертвоприношении Авраама. Здесь особо важна любовь отца к сыну и тот страх, который испытывает Авраам перед Богом. Авраам верит в противоречие, он – путеводная звезда для тех, кто охвачен страхом божьим каждое мгновение, отсюда возникает и вера в милость Бога [6, с. 112–113].

Таким образом, вера – это страх и трепет (идея очень близкая русскому сознанию, особенно Ф. М. Достоевскому). По мнению Кьеркегора, вера – это абсурд, скandal разума. Она даёт возможность войти в чудо. Но при этом Кьеркегор утверждает, что вера не предполагает отречения от мира, не требует аскетизма. Верующий человек целен и твёрд, он принимает мир таким, каким он есть. Человек должен быть способен на самоотречение. Самоотречение – это возможность примирения с «наличным существованием», то есть с миром, где есть зло, несовершенство. Верующий человек живёт в парадоксе, так как вера – это выбор без каких-либо гарантий. Бог является вечной истиной; задача же субъективности отдельного индивидуума – в приближении к истине. Кьеркегор не был ригористом, требующим, чтобы все непременно стремились к осуществлению недосягаемых идеалов; он мечтал только обновить эти идеалы в памяти людей, заставить людей сравнить ту жизнь, которую они ведут, с той, которую следовало бы вести, и таким образом пробудить в них совесть.

Отсюда логически вытекает учение Кьеркегора о стадиях человеческого существования, которое при определенных оговорках вполне применимо и для нашего времени. Впервые Кьеркегор формулирует его

в книге «Или – или», а окончательно в работе «Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам».

Кьеркегор выделяет три стадии человеческого существования: 1) эстетическую; 2) этическую; 3) религиозную. В соответствии с этими стадиями Кьеркегор разделяет людей на четыре группы: обыватель, эстетик, этик, религиозный человек [10].

Автор пишет, что обыватель живёт как все окружающие: старается работать, создать семью, хорошо одеваться и хорошо говорить. Он следует стадному инстинкту, плывёт по течению и смиряется с обстоятельствами, не думая о том, что может что-то изменить в своей жизни. Он просто не знает, что у него есть выбор.

Эстетик знает, что у него есть выбор и ему не нужно следовать за всеми. Он сам выбирает свой путь в жизни, которая полна удовольствий. Ему нравится хорошая еда, стакан вина, красивые женщины. Он не думает о чувстве долга и ответственности, о том, что такое хорошо и что такое плохо. Он просто живёт сегодняшним днём и наслаждается жизнью. Если интерес пропадает, то ему становится скучно, он чувствует, что его жизнь пуста.

Через переживания отчаяния человек может перейти на этическую стадию, где его поступками начинает руководить разум и чувство долга. Этик чувствует, что его жизнь наполнена, у него развито чувство долга и ответственности. Он понимает, где добро и где зло, что такое хорошо и что такое плохо. Ему хочется совершать только хорошие поступки и не совершать ничего плохого. На этической стадии эстетическое не исчезает бесследно, а временами дает знать о себе. Происходит постоянное колебание между эстетическим и этическим.

Рано или поздно человек может прийти к осознанию ограниченности как эстетического, так и этического образа жизни и начинает снова испытывать отчаяние. В результате может произойти прорыв на духовную стадию, где человеком руководят сердце и вера, не подвластные ни чувственности, ни разуму. На религиозной стадии человек, наконец, понимает, что он не совершенен, грешен и нуждается в Боге. Он верит всем сердцем, что Бог его простит. Бог – совершенен, человек – нет [6, с. 33–64, 66].

Истинная вера – нелегкое дело и отнюдь не путь к спокойной жизни, поскольку христианство – это религия страдания, добровольно взятая на себя мука. Вера – это всегда риск, приключение, требующее самоотвержения и отказа от всех радостей «неверных». Кьеркегор настаивал на радикальном парадоксализме и аналогичности религиозного переживания, высмеивая попытки рационализации веры в гегелевской философии или в практике либерального протестантского богословия. Он

выступил с попыткой противопоставить гегелевской – объективной и «количественной» диалектике – субъективную и «качественную» диалектику. Кьеркегору были глубоко чужды душевный покой, инерция, равнодушие. Родная стихия для него – классического интроверта – беспокойство, волнение, страх и трепет, неудовлетворенность – все то, что он сам называл экзистенциальной диалектикой [17].

Эти установки породили у Кьеркегора вражду к официальной церкви. Самым большим врагом христианства Кьеркегор считал христианский мир, который всеми силами старается сделать процесс становления человека христианином как можно более простым. В результате, чтобы считаться христианином, достаточно не быть иудеем или мусульманином. Но по сути люди, воспринимающие христианство таким образом, – обычные язычники. Такое «дешевое» христианство, принимаемое без внесения определенной платы и без достаточных страданий, подобно военным играм, в которых армии как будто бы двигаются и производят большой шум, но без всякого риска понести потери и тем самым добиться реальной победы. То, что называется «христианством», – просто «игра в христианство». И многие проповедники, пытающиеся упростить христианство, делают эту игру ещё более издевательской. Именно в этом заключается «преступление христианского мира», играющего в христианство и «принимающего Бога за глупца». Трагедия в том, что лишь очень немногие понимают, насколько смешно говорить о Боге в таких категориях. Он обвиняет Церковь за то, что она становится социальным институтом лишь для избранных. Его не устраивает стремление протестантских христиан жить благополучно, сыто, удобно, не борясь со злом в себе, и при этом считать себя христианами. Ему видится в этом полное противоречие тому, чему учил Христос.

Позже Сёрен Кьеркегор был отлучен от Протестантской церкви как еретик. Возможно, потому, что вместо строительства «сытого рая на земле» он искал живую веру, тосковал по вечности. В этом смысле Кьеркегор очень созвучен православию.

Он умер на 42 году жизни, удовлетворенный сознанием, что ему удалось полностью высказаться. При этом он отказался принять причастие от служителей культа. Уже умершего Кьеркегора отпевал его брат-епископ. Оставшихся после смерти Кьеркегора 100 талеров хватило на его погребение, все остальные средства ушли на издание его трудов и помочь бедным. Труды и идеи датского философа остались заметный след в европейской и мировой культуре.

Кьеркегора по праву называют основоположником экзистенциализма, который превратился уже в XX в. в важнейшее философское направление. Кьеркегора называют духовным отцом Ф. М. Достоевско-

го [16, с. 12–23]. Философия экзистенциализма начала оформляться после Первой мировой войны, а ее взлет пришелся на период после Второй мировой войны. В то время, когда гибли миллионы людей, рушились вековые духовные ценности, людям XX в. было особенно важно понять, кто они и зачем живут, в чем смысл жизни и есть ли он. Многие испытывали постоянный страх, не были уверены в завтрашнем дне. На почве всех этих переживаний и настроений и возникла теория экзистенциализма, которая превозносila и раскрывала с новой, совершенно невероятной стороны страх, волнения, стресс. Экзистенциалисты впервые в философии выдвинули новую проблему существования судьбы человека, как никто до них не освещал так широко и обстоятельно вопросы человеческой жизни, пытаясь дать ответ на вопрос, как ее постичь, что нужно делать, как познавать мир, от чего мы все зависим. Поэтому идеи, настроения, духовные и философские поиски Кьеркегора оказались максимально востребованными.

Однако творчество Кьеркегора [8–12] значительно шире рамок экзистенциализма. Видимо, не случайно его считали единомышленником и духовным соратником представители персонализма (Н. Бердяев, Л. Шестов, Х. Керр, В. Штерн, Э. Мунье и др.), религиозного и атеистического экзистенциализма (К. Ясперс, М. Марсель, М. Бубер, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Мерло-Понти и др.), неопротестантизма или диалектической теологии (К. Барт, Р. Бультман, П. Тиллих и др.), философской антропологии, философии жизни и т. д.

В наше время ценным является напоминание Кьеркегора о том, что в эпоху распространяющегося гедонизма, когда телевидение, Интернет, реклама, индустрия развлечений пропагандируют потребительское отношение к жизни, навязывают всем поголовно празднично-радостное ощущение жизни, культивирование успешных людей, когда происходит маргинализация глубинных духовных вопросов, принципов, тотальная техницизация всего и вся, – мы должны стремиться к сохранению и воспроизводству основополагающих ключевых вопросов существования любого человека, стремиться к аутентичности и идентичности [14].

Крупные концептуальные системы философии (Аристотель, Декарт, Гегель) оказывают мощное влияние на развитие мировой культуры, но отдельный человек испытывает их воздействие чаще всего косвенно, пропуская их содержание через фильтры господствующего общественного сознания, мировоззрения, социальных институтов религии, науки, политики и т. д. Философия же Кьеркегора, напротив, обращена непосредственно к каждому конкретному человеку, который может найти в ней импульсы к решению собственных духовных проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безелянский Ю.* Философ Кьеркегор – гений одиночества / Ю. Безелянский. – Режим доступа: <http://www.alefmagazine.com/pub4674.html>.
2. *Быховский Б. Э.* Кьеркегор (1813–1855) / Б. Э. Быховский. – М. : Мысль, 1972. – 240 с.
3. *Гайденко П. П.* Трагедия эстетизма. О миросозерцании Серена Киркегера / П. П. Гайденко // Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. – М. : Республика, 1997. – 203 с.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Гран-Пресс, 2007. – 980 с.
5. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.
6. *Кьеркегор С.* Страх и трепет / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева // Страх и трепет. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. – С. 13–112.
7. *Кьеркегор С.* Понятие страха / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева // Страх и трепет. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. – С. 113–250.
8. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти / С. Кьеркегор ; пер. с дат. С.А. Исаева // Страх и трепет. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. – С 17.
9. *Кьеркегор С.* Евангелие страдания: Христианские беседы / С. Кьеркегор ; пер. с дат. А. В. Лызлова ; пред. протоиерея А. Уминского. – М. : Свято-Владимирское изд-во, 2011. – 304 с.
10. *Кьеркегор С.* Или – или. Фрагмент из жизни / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. – М. : Академический проект, 2014. – 775 с. – (Философские технологии).
11. *Кьеркегор С.* Философские крохи, или Крупицы мудрости / С. Кьеркегор ; пер. Д. А. Лунгиной. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. – 192 с.
12. *Кьеркегор С.* Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Т. В. Щитцова. – Минск : И. П. Логвинов, 2005. – 752 с.
13. *Коноплев Н. С.* Тренделенбурга в попытках преодоления принципом субъективности С. Кьеркегера «объективного мышления» Г.В.Ф. Гегеля / Н. С. Коноплев, И. А. Рай, А. Место // Мир Кьеркегора: русские и датские интерпретации творчества Серена Кьеркегора – М.: Ad Marginem, 1994. – С. 46–49.
14. *Лелик А.* Он выбрал путь. Мысли о Сёрене Киркегоре / А. Лелик // Фома. – 2013. – 25 дек.
15. Мир Кьеркегора: русские и датские интерпретации творчества Серена Киркегора / общ. ред. пред. ; пер. с дат. А. Фришман – М. : Ad Marginem, 1994. – 124 с.
16. *Павленко А. Н.* Достоевский и рождение русского экзистенциализма. Человек из подполья / А. Н. Павленко // Философия, этика и религия. – 2015. – С. 12–23.
17. *Стретерн Пол.* Кьеркегор: Философия за час / Пол Стретерн. – М. : Ко Либри, Азбука-Аттикус, 2015. – 90 с.
18. *Хоружий С. С.* Философия Кьеркегора как антропология размыкания / С. С. Хоружий // Русская мысль: историко-методологический семинар РХГА (совместно с Институтом христианской мысли РХГА) 2 июня 2009 г. – Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#N.
19. *Шестов Л. И.* Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне) / Л. И. Шестов. – М. : АСТ, 2000. – 230 с.

ИСТОРИЯ

УДК 625.1(517.3)

В. Г. Третьяков*

ЯПОНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И СООРУЖЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В МОНГОЛИИ

В статье раскрывается вопрос об участии японских военнопленных в строительстве железной дороги Наушки–Улан-Батор.

Из Монголии они были вывезены в Находку и далее на родину тогда, когда только шла подготовка к сооружению этой дороги. И несмотря на неоднократные указания ведущих руководящих органов о передислокации 20 тыс. японских военнопленных из сибирских лагерей, фактически этого не было. Ни один японский военнопленный из лагерей Сибири монгольскую границу не пересекал.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: японские военнопленные, Управление по делам военнопленных, размещение, перемещения и содержание японских военнопленных, депатриация японских военнопленных.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: работа выполнена в рамках РФФИ за №18-514-94002 «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия – Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии».

V. G. Tretyakov

JAPANESE PRISONERS OF WAR AND RAILWAY CONSTRUCTION IN MONGOLIA

The article deals with the issue of participation of Japanese prisoners of war in the construction of the railway Naushki–Ulaanbaatar.

From Mongolia, they were taken to Nakhodka and then to their homeland when they were just preparing for the construction of this road. And despite the repeated instructions of the leading governing bodies about the redeployment of 20 thousand Japanese prisoners of war from Siberian camps, in fact it was not. Not a single Japanese prisoner of war camps of Siberia, the Mongolian border crossing.

KEYWORDS: Japanese prisoners of war, management on Affairs of prisoners of war, placement, movements and the maintenance of the Japanese prisoners of war, repatriation of the Japanese prisoners of war.

FINANCING: The work has been done as part of the Russian Foundation for Basic Research, No. 18-514-94002 “The national interests of Russia and Mongolia in the triangle of Russia – Mongolia – China relations: problems, contradictions, scenarios”.

* Третьяков Валерий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.

В июне 2019 г. исполняется 70 лет со времени образования советско-монгольского акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога». К той дате примыкают не менее значимые даты, имеющие прямое отношение к истории возникновения и развития железнодорожного транспорта в Монголии. Так, 30 декабря этого года будет 90 лет появлению «Соглашения между Правительствами СССР и МНР об организации транспорта на территории Монголии». Было решено создать в Монголии единое транспортное общество «Монголтранс», на которое возлагалось управление всем дорожным хозяйством в Монголии [1, с. 40–43]. СССР соглашался снабжать на льготных условиях Монголтранс всеми необходимыми средствами.

В этом же году исполняется 80 лет начала эксплуатации в Монголии железнодорожных линий Соловьевск – Баян – Тумэн, Чойбалсан – Соловьевск. В 2019 г. исполнится 80 лет сдачи в эксплуатацию железнодорожного участка Улан-Удэ – Наушки. 70 лет начала эксплуатации железнодорожной линии Наушки – Улан-Батор, прибытию первого поезда в Улан-Батор, подписанию первого долгосрочного торгового соглашения между МНР и СССР. Каждая из этих знаменательных дат заслуживает особого внимания, поскольку за ней стоит повседневный труд огромного количества изыскателей, проектировщиков, строителей, железнодорожников нескольких поколений.

60-летию образования АО «УБЖД» коллективом российских и монгольских авторов была подготовлена и издана книга «Улан-Баторская железная дорога (начало XX в. – 1957 г.). Документы и материалы». Сборник содержит многие документы, которые ранее были недоступны, и поэтому вызывает значительный интерес. Особенно много в нем новых документов о подготовке к строительству железной дороги в Монголии, значительное место отведено формированию кадров строителей.

Одним из самых интересных вопросов, который привлек сразу внимание, является участие японских военнопленных в сооружении железнодорожной линии Наушки – Улан-Батор. Именно в этой книге отмечается, что на сооружение железнодорожной линии Наушки выделялось 20 тыс. японских военнопленных, которые должны были быть перемещены в МНР из сибирских лагерей [2, с. 7, 9, 10].

Предположения о возможном использовании японских военнопленных при строительстве железной дороги Наушки – Улан-Батор основывались в основном на документах СССР, в которых распределялись военнопленные по странам, регионам, важнейшим строительным объектам. А поскольку самым трудоемким объектом строительства в Монголии считалось строительство железной дороги, о которой десяти-

летиями мечтали монгольские лидеры, то и выделение Советским Союзом для Монголии значительного количества японских военнопленных рассматривалось в этой связи.

После окончания советско-японской войны 1945 г. Монголия, как и другие территории, стали местом интернирования японских военнослужащих и гражданских лиц из северной части Китая. Дело в том, что в соответствии с договором между СССР и МНР от 12 марта 1936 г. СССР мог располагать свои войска на территории МНР. Статья 2 этого договора предусматривала взаимную помощь в случае нападения третьей стороны. На этой основе МНР 10 августа 1945 г. объявила войну Японии [1, с. 149].

Было ли это результатом давления СССР или это инициатива самого правительства сегодня трудно определить. Хотя, безусловно, без согласования с СССР правительство МНР этого бы не сделало.

Ряд авторов предполагает, что своим вступлением в войну правительство МНР хотело объединиться с Внутренней Монголией и Баргой, поскольку в декларации Малого Хурала об объявлении войны Японии подчеркивалось, что МНР, побуждаемая чувством извечных чаяний монгольского народа к свободе, независимости, полной суверенности, исходя из стремлений монгольских племен жить одной семьей в мире со своими демократическими соседями [3]. Возможно, МНР нужны были военнопленные японцы как рабочая сила для решения хозяйственных, строительных работ и прежде всего для строительства железнодорожных линий, как возмещение убытка, нанесенного Японией монгольскому народу.

В претензии МНР к Японии на возмещение ущерба за 1935–1945 гг. отмечалось, что монгольская армия за эти годы потеряла 2 039 чел. Материальный ущерб, нанесенный японской агрессией, составил 321 983 тыс. тугриков. Своим трудом на благо МНР японцы должны были возместить этот ущерб.

Уже 31 августа 1945 г. Совет министров МНР образовал особый отдел по делам военнопленных [4, с. 245–247]. Участие в войне Монголии, с одной стороны, показывало правящим кругам Китая, что независимая МНР активно участвует в борьбе против Японии как общего врага СССР, Китая и Монголии и других союзников.

С другой стороны, участие монгольских воинов против баргутов и монголов из Внутренней Монголии, связанных с Японией, препятствовало объединению всех монголов в единое государство и давало Китаю право добиваться присоединения этих территорий под свой контроль.

Судьба японских военнопленных стала предметом острой политической борьбы между СССР и союзниками. Дело в том, что статья 9

Потсдамской декларации, к которой СССР присоединился накануне вступления в войну с Японией, определяла, что японским военнослужащим после их разоружения будет разрешено вернуться на родину и продолжить мирную жизнь. В соответствии с этой договоренностью руководители СССР Л. П. Берия, Н. А. Булганин, А. Антонов 16 августа 1945 г. направили приказ командующему 2-м Дальневосточным фронтом маршалу А. В. Василевскому, в котором указывалось, что военно-пленные японо-манчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут. Однако 23 августа 1945 г. государственный комитет обороны во главе с И. В. Сталиным принимает Постановление № 9898 «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», в котором они уже были распределены по регионам и отраслям [5, с. 11].

Что же повлияло на изменение позиции Советского руководства по отношению к судьбе японских военнопленных?

В литературе высказываются несколько мнений. Что это было заранее продуманное решение для использования бесплатной рабочей силы для восстановления разрушенного войной хозяйства, своего рода, трудовая репарация. Имеются и высказывания, что это был политический ответ Сталина на отказ США от ранее согласованного вопроса об оккупации северной части о. Хоккайдо советскими войсками. Возможно, это был своеобразный акт мести Сталина руководству Японии за военные угрозы и постоянную напряженность на дальневосточных границах, которые в течение десятилетий создавали японские войска, сосредоточенные в Манчжурии.

Заслуживает внимания и содержание документов Квантунской армии, хранящихся в архиве России и обнародованные в Японии в 1993 г., в которых представители Ставки верховного командования Японии обратились к маршалу СССР А.М. Василевскому с предложением использовать японских военнопленных в качестве бесплатной рабочей силы вплоть до лишения их японского гражданства, если это будет продиктовано интересами СССР [Там же].

И начинается процесс размещения и перемещения японских военнопленных по странам и регионам. В донесении заместителя начальника ГУПВИ НКВД СКР генерал-лейтенанта Петрова начальнику от 7 декабря 1945 г. Генерального штаба Красной армии о численности взятых в плен японских военнослужащих и их перемещении указывалось, что всего учтено военнопленных японской армии, включая корейцев и маньчжиров 608 360 чел. Из них генералов – 158, офицеров – 18 068, сержантского и рядового состава 590 134. Из этого количества:

- 1) вывезено на советскую территорию в лагеря для работ – 368 478 японцев, в том числе 8 112 офицеров;
- 2) оставлено для работ в распоряжении военного командования за пределами СССР, в том числе и в Монголию 58 500 чел.;
- 3) находятся в пути в лагеря НКВД – 18 500 чел.;
- 4) находятся в распоряжении военного командования и подлежат направлению в лагеря НКВД – 92 748 чел.:
 - в корейских портах Сейсин и Сейкосин – 44 000 чел.,
 - на Курильских островах и Южном Сахалине – 14 695 чел.,
 - в других пунктах 1-го Дальневосточного фронта – 34 053 чел.;
- 5) находятся на территории Манчжурии и Кореи и подлежат освобождению военнопленные как лица неяпонской национальности, а также японцы больные и длительно нетрудоспособные – всего 70 134 чел. [5, с. 11].

Для нас важно, что именно 7 декабря 1945 г. было приказано направить военнопленных японцев в Монголию. Хотя здесь еще не определено, какое количество военнопленных будет передано МНР.

В книге «Японские военнопленные в СССР» указывается, что к 7 декабря 1945 г. на территорию СССР было завезено 368 478 военнопленных солдат и офицеров. В пути на это время находилось 18 500 чел. В распоряжении военного командования оставалось 92 748 чел. Кроме того, распоряжением советского командования с августа по декабрь 1945 г. 65 245 военнопленных были освобождены непосредственно на фронтах, в тот же период 15 986 чел. умерли от ран и болезней, а 12 318 чел. переданы правительству МНР [Там же, с. 12]. Для нас важна дата передачи Монголии военнопленных 7 декабря 1945 г. и названа уже более точная цифра военнопленных, переданных Монголии.

После капитуляции Японии, значительная часть Квантунской армии попала в плен. И понятно, что какая-то часть будет отправлена в СССР, содержание которых не может обходиться беспроблемно. И решение всех возникающих проблем должно было быть юридически обоснованно. 1 июля 1941 г. были разработаны «Положения о военнопленных».

При учете военнопленных сразу фильтровались и отсеивались те, кто подозревался в совершении военных преступлений, в том числе и на территории Монголии, Китая, Кореи. Предполагалось в дальнейшем передавать таких пленных этим странам для суда над ними.

Если раньше военнопленных к суду военного трибунала могли привлечь только за преступления, приравненные к военным, а в остальных случаях дела по обвинению военнопленных подлежали рассмотрению в общем порядке, то теперь все дела о преступлениях, со-

вершаемых военнопленными, стали рассматриваться военными трибуналами по законам СССР и Союзных республик. Неисполнение военнопленными приказаний лиц, которым он подчинен, сопротивление этим лицам или оскорбление их действием при исполнении ими служебных обязанностей приравнивалось к соответствующему воинскому преступлению.

Дело в том, что в советской судебной практике не было четкого разделения между понятиями «преступник» и «военный преступник». Японских военнопленных судили и за бытовые, и за административные нарушения. Среди уголовных преступлений, предъявляемых японским военнопленным, были обвинения в жестокости японских офицеров по отношению к младшим по званию соотечественникам, врачебные ошибки японских медицинских работников, сознательная порча общественного имущества, а также бытовые преступления – кража продуктов питания, табака и т. д.

Однако чаще всего японцев судили по статьям 58 и 59 УК РСФСР: 58-4 (оказание помощи мировой буржуазии, стремившейся к свержению коммунистической системы), 58-9 (разрушение с контрреволюционной целью железнодорожных путей и других средств сообщения), 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация), 59-13 (активная борьба против рабочего класса).

Разведчики, контрразведчики, агентура, командно-преподавательский состав, курсанты шпионско-диверсионных школ и отрядов привлекались к уголовной ответственности по статье 58-6 УК РСФСР (шпионаж), участвовавшие в подготовке военного нападения на СССР, организаторы военных конфликтов на озере Хасан и реке Халхин-Гол – по статьям 58-2 и 58-4 УК РСФСР [5, с. 15–18].

В служебной записке политического советника советского представительства в Японии Н. Генералова министру иностранных дел СССР от 23 июля 1946 г. о советско-американских переговорах по вопросу о депатриации японских подданных указывалось, что к моменту окончания военных действий с Японией советскими войсками было взято в плен 594 000 японских солдат и офицеров.

К настоящему времени число военнопленных японцев в СССР составляет 440 000 чел., поскольку часть из них была оставлена в Манчжурии после отхода наших войск, 50 000 передано МНР [Там же, с. 513] и 27 000, по сообщению тов. Кобулова (МВД СКР), недавно отправлены в Северную Корею для передачи американцам. Кроме того, на территории Южного Сахалина, Камчатки и Курильских островов к моменту окончания войны с Японией осталось около 4 000 японских рабочих и служащих, главным образом рыбаков, которые прибыли туда пе-

редвойной на сезонную работу. Все находящиеся у нас военнопленные используются на строительстве промышленных и других важных объектах Дальнего Востока, Узбекистана и Казахстана. Интернированные рыбаки используются на рыбокомбинатах Дальнего Востока. Для нас здесь вызывает сомнение цифра переданных военнопленных Монголии, поскольку перемещение и военнопленных, и интернированных японцев к этому времени уже было в основном завершено. Более того, в это время уже шло настойчивое давление США и Японии о возвращении этих людей на родину.

В этой же записке Генералов делает ряд предложений по решению этих вопросов, поскольку вопрос о репатриации японских военнопленных и интернированных рабочих приобретает политический характер. Он подчеркивает, что пункт 9 Потсдамской декларации не дает нам формального права задерживать возвращение японских военнопленных. Правда, в этом пункте не указано точного срока, когда военнопленные должны быть возвращены, тем не менее, использовать этот момент будет трудно, поскольку в нем записано, что японским вооруженным силам будет разрешено вернуться после того, как они будут разоружены.

И далее он предлагает приступить к постепенной репатриации военнопленных одновременно с гражданскими лицами из Северной Кореи, военно-морской базы Порт-Артур и гор. Дальнего, комплектуя репатрируемые группы примерно в следующей пропорции: 90 % гражданских лиц и 10 % военнопленных. Это дает нам возможность растянуть репатриацию военнопленных на весьма продолжительное время [5, с. 513–515]. Что и будет сделано в последующем. Японских военнопленных удастся продержать в СССР до 1956 г.

Согласно документам РГВА на 8 мая 1947 г. в Монголии находилось 12 318 японских военнослужащих. Из них 608 офицеров, 2 263 сержанта, 8 079 рядовых и 1 368 гражданских лиц, в основном работников железнодорожного транспорта.

По другим данным, в Монголии было 12 288 чел., из них гражданских лиц 1 188, причем 2 женщины. Среди гражданских лиц были представители самых разных профессий – рабочие, строители, крестьяне, инженеры, врачи, электрики, железнодорожники [4, с. 245–250].

В некоторых работах указывается, что Монголии предлагалось передать 20 тыс. японских военнопленных, но в конце 1945 г. МНР было передано 12 318 японских военнопленных [6, с. 440].

Перемещения японских военнопленных по территории СССР в Монголию проходило в ноябре-декабре 1945 г.

Доставка военнопленных к месту размещения в Монголии производилась по железной дороге через Харбин-Манчжурию – Читу – На-

ушки. Далее – на автомобилях или пешком, где имелся пограничный переход в Монголию. Места лагерей для японцев были определены в основном в четырех аймаках. Первая группа японцев 4 965 чел. прибыла пешим ходом со ст. Наушки в г. Сухэ-Батор – в непосредственной близости от границы 20 ноября 1945 г. Следующие группы перевозились автотранспортом: 23 ноября – 1 404 чел., 4 декабря – 1 479 чел., 5 декабря – 1 494 чел., 9 декабря – 1 497 чел., 10 декабря – 1 458 чел. Всего 12 288 чел. Созданое еще в августе 1945 г. в МНР управление по делам военнопленных и интернированных распределяло их по лагерям: в Улан-Баторе – «Центральный» – 839 чел., «5-я фабрика» – 1 409 чел., «1-я колония» – 940 чел., Цаганхуур – «Белые казармы» – 648 чел., в г. Сухэ-Баторе – 500 чел., Алтанбулаге – 300 чел. Лагеря располагались также в Амгалане, Хужирбулане, Цагаанхууре, Борнууре, Зуунбурэнэ, Зуунхараа, Налайхе, Жаргаланте, у озера Огий-нуур.

Японские интернированные работали в Монголии в различных артелях по производству одежды и обуви, трудились плотниками, на кожевенных предприятиях, добыче угля в шахтах Налайх, производстве продуктов питания, строительстве (ремонт мостов, дорог), на предприятиях стройматериалов – кирпичный завод, добыча песка и камня. Некоторые работали водителями автотранспорта, механиками, грузчиками. Были бригады, занятые в сельском хозяйстве. Около 80 чел. японских военнопленных были командированы в специальный лагерь, расположившийся в районе озера Огий-нуур. Заключенные этого лагеря занимались рыболовством и их обязанностью было обеспечивать рыбой весь контингент монгольских лагерей для военнопленных. Более 252 чел. занимались земледелием и огородничеством в лагере Борнуур; 156 чел. в лагере Зуунбурэн выращивали пшеницу. Японцы приняли участие в строительстве около 30 зданий в Улан-Баторе. Среди них – дома правительства, театр, министерство иностранных дел, гостиница, кинотеатр, дом культуры, фундамент для памятника Сухэ-Батору в центре столицы и др.

Отношение к передаче МНР японских военнопленных было неоднозначным. Так, в книге «Японские военнопленные в СССР» отмечается, что отправка в Монголию 13 тыс. японцев являлась правовым произволом, полным игнорированием международных документов, таких как Гаагская конвенция 1907 г. «О правилах и обычаях сухопутной войны», женевские конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. и 1949 г. [5, с. 689]. После подписания советско-японской декларации 1956 г. и последовавшей за ней репатриацией последних японцев СССР старался избегать вопросов, связанных с правами пленных, ставших жертвами войны.

Надо иметь в виду, что в Японии негативно относились к пленным в СССР и Монголии, практически проводилась правовая дискриминация военнопленных, содержащихся в советских и монгольских лагерях. Всех военнопленных, вернувшихся из плена США, Великобритании, Новой Зеландии, Австралии и других стран правительством Японии выплачивалась причитающаяся им сумма заработной платы. На военнопленных в СССР это не распространялось. Только в мае 2010 г., после прихода к власти Демократической партии в Японии был принят закон «О выплате специальных пособий гражданам Японии, насильственно интернированным в СССР и Монголию после окончания Второй мировой войны» [5, с. 691].

Репатриация японских военнопленных домой происходила не из Монголии, а из Советского Союза. Имеются предположения, что руководство СССР предлагало репатриировать японцев из Монголии уже в конце 1946 г. из-за неблагополучного содержания в лагерях и высокой смертности. Но руководство МНР решило на некоторое время задержать этот процесс. 22 марта 1947 г. руководитель МНР Ю. Цеденбал телеграммой просил отложить репатриацию военнопленных, занятых на важных строительных работах в Улан-Баторе. И все-таки вопрос о вывозе из Монголии всех военнопленных японцев для СССР считался одним из первоочередных.

Так, 6 июня 1947 г. министр внутренних дел СССР и уполномоченный совета министра по делам репатриации японских военнопленных и гражданских лиц С. Н. Круглов в своей докладной записке в Совет министров СССР указывал, что полагаем возможным репатриировать в период сентябрь-октябрь месяцы 11 тыс. японских военнопленных, находящихся в распоряжении Монгольского государства.

Поэтому их репатриация проходила на основе Постановления Совета министров СССР за № 3014 от 28 августа 1947 г. Предполагалось отправить из Монголии 11 тыс. японских военнопленных. Их отправляли сначала в СССР в специальный лагерь № 380, находящийся в Находке. Отсюда они уже морем отправлялись домой. Первый эшелон прибыл в Находку 27 октября 1947 г., шестой – 8 ноября 1947 г. Всего было доставлено 10 682 чел. [5, с. 442]. Таким образом вывоз японских военнопленных из Монголии проходил с 25 октября по 8 ноября 1947 г.

Однако доставка военнопленных японцев в порт Находка шла очень медленно. На 3 декабря 1947 г. в справке штаба тыла вооруженных сил СССР о движении военнопленных и интернированных японцев из МНР в порт Находка было доставлено 10 684 чел., из них 9 277 военнопленных, 1 407 гражданских лиц [Там же, с. 431].

9 февраля 1948 г. начальник отдела по делам репатриации Приморского военного округа полковник Ломтев направил заместителю

уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации отчет об эшелонах с военнопленными, поступившими в транзитный лагерь № 380 из Монголии. Более наглядная информация по переброске военнопленных японцев из Монголии представлена в табл. 1 [5, с. 441–442].

Таблица 1

Номер эшелона	Дата поступления	Общее количество японцев	Из них				Фамилия начальника эшелона
			офицеров	унтер-офицеров	солдат	граждан	
50596	27.10.47	1 008	57	179	654	118	П/полковник Неллеров
50597/98	1.11.47	2 005	87	328	1211	379	П/полковник Савченко
50599/600	3.11.47	1 996	99	592	995	310	Капитан Гусаков
50601/602	4.11.47	2 000	122	443	1200	235	Капитан Тимофеев
50603/604	6.11.47	2 150	147	499	1310	194	П/полковник Салауров
50605/606	8.11.47	1 526	96	338	921	171	Майор Яшин
<i>Итого</i>		10 685	608	2 379	6 291	1 407	

Таким образом (см. табл. 1), из Монголии на 8 ноября 1947 г. было вывезено 10 685 чел. И, естественно, что сразу возник вопрос о судьбе остальных военнопленных.

Вопрос о численности японских военнопленных в Монголии остается пока не выясненным. Цифры в публикациях самые разные. Это связано, вероятно, с тем, что запланированное количество военнопленных не совпадало с тем, сколько их в действительности было направлено в Монголию. Дело еще и в том, что тогда происходило постоянное перемещение военнопленных. Их то возвращали в СССР, то часть репатриировали домой.

Дело заключалось прежде всего в том, что МНР не имела возможности принять большое количество японских военнопленных. В стране не было необходимого жилья, материальных ресурсов и продуктов питания. Да практически не было и широкого фронта различного вида работ.

Для нас важен вопрос в том, что когда СССР готовился к сооружению железной дороги в Монголии, то японских военнопленных, которых СССР выделял для МНР, в Монголии уже не было.

Поэтому теперь речь могла идти о японских военнопленных, находящихся прежде всего в Сибирском регионе.

Документов о предполагаемом использовании японских военнопленных на строительстве железной дороги на территории Монголии достаточно и они подписаны главными руководителями страны.

В проекте Постановления Совета министров СССР от 2 сентября 1947 г., подписанного заместителями Председателя Совета министров СССР Л. П. Берия и Н. А. Вознесенским, министром путей сообщения СССР И. В. Ковалевым, направленному И. В. Сталину, подчеркивалось, что в связи с большим объемом работ по строительству дороги Наушки – Улан-Батор и необходимостью построить ее в сравнительно короткий срок проектом предусматривается переключить на указанное строительство 40 000 рабочих, в том числе 20 000 военнопленных японцев, а также часть материалов и строительного оборудования со строительства Байкало-Амурской магистрали [2, с. 8]. Общее количество рабочей силы на строительстве дороги Наушки – Улан-Батор будет доведено до 80 000 чел. [Там же].

Отсюда следует, что японские военнопленные будут переведены в Монголию с объектов БАМ. Однако с каких объектов БАМ будут сниматься рабочие и сколько будет направлено в Монголию японских военнопленных в документе не упоминается. В проекте указывается, что рабочая сила снимается со следующих участков магистрали: Тайшет – Братск – 16,5 тыс. чел., Ургас – Известковая – 11 тыс. чел., Комсомольск – Совгавань – 12,5 тыс. чел., всего – 40 тыс. чел.

Как уже отмечалось, проект Постановления правительства о сооружении в Монголии железной дороги был направлен 18 августа 1947 г. 4 сентября И. В. Сталин подписал Постановление Совета министров СССР «О строительстве железнодорожной линии Наушки – Улан-Батор», в котором протяженность линии была определена в 399 км главного пути. Строительство этой дороги поручалось МВД СССР. И было присвоено наименование этому строительству № 505. Для осуществления строительства № 505 МВД СССР было поручено создать строительное управление в составе двух лагерей с численностью рабочей силы до 80 тыс. чел. МВД СССР было разрешено использовать на строительстве военнопленных японцев, а также заключенных, независимо от того, по какой статье они осуждены.

Как и в проекте, в Постановлении Совета разрешалось перебазировать с Байкало-Амурской магистрали до 40 000 чел., в том числе 20 000 военнопленных японцев. Здесь не указывалось, где базировались японские военнопленные. В целях повышения производительности труда заключенных на строительстве № 505 МВД разрешалось устанавливать льготы по зачету рабочих дней за высокие показатели производительности труда. Для японских военнопленных, используемых на строительстве железной дороги Наушки – Улан-Батор, предусматривалась суточная норма питания на основе Постановления Совмина СССР от 13 апреля 1946 г.

В приказе Министерства внутренних дел СССР от 10 сентября 1947 г. № 00955 «О строительстве железнодорожной линии Наушки – Улан-Батор» этой стройке было присвоено наименование «Строительство 505» МВД СССР. Пункт 10 этого приказа предусматривал переброску за счет строительных организаций с участков Байкало-Амурской магистрали (Известковая – Ургал, Комсомольск – Советская гавань, Тайшет – Братск) организованные подразделения рабочей силы и строительные организации в количестве до 40 000 чел., в том числе 20 000 военнопленных японцев. Отправку рабочей силы приказывалось производить организованными колоннами со штабами колонн, хозобиходом, зимним вещевым довольствием и месячным запасом продовольствия. Начальником Восточного и Западного Управлений БАМа запрещалось направлять инвалидов, длительно неработающих и ослабленных [2, с. 164].

Пункт 12 Приказа обязывал начальника ГЧЛЖДС МВД СССР Петренко, начальника ГУЛАГа МВД СССР Добрынина и начальника ГУПВИ МВД СССР Филиппова обеспечить формирование для строительства № 505 двух исправительно-трудовых лагерей и одного лагеря МВД СССР военнопленных японцев с численностью до 20 000 чел., используя японских военнопленных только на участке трассы до 250 км на линии Наушки – Улан-Батор. В приказе подчеркивалось, что к формированию лагерей приступить немедленно, укомплектовав лагерный аппарат офицерским составом, административно-техническими работниками и военизированной охраной за счет лагерей МВД СССР военнопленных и заключенных, работающих на строительстве Байкало-Амурской магистрали и других строительствах в районах Сибири и Дальнего Востока. Для военнопленных японцев, используемых на строительстве № 505, установить суточную норму питания, предусмотренную также Постановлением Совета министров СССР от 13 апреля 1946 г. №828-333 [2, с. 166–167].

В начале строительное управление было расположено в районе Сухэ-Батора на территории МНР в 8 км от советско-монгольской границы. Уже в 1947 г. в ИТЛ строительства № 505 прибыло около 9 000 заключенных, в 1948 г. – около 47 500 чел. [Там же, с. 12].

Следующим важнейшим документом, ускоряющим начало сооружения этой дороги, явилась разработка проекта, а затем и соглашения с правительством МНР о строительстве железнодорожной линии Наушки – Улан-Батор. Поскольку во всех предыдущих документах не указывались способы, формы управления этой дорогой, то в совместном советско-монгольском соглашении предусматривалось, что по истечении 75 лет с момента открытия движения железнодорожная линия от пограничного

пункта до советско-монгольской границы в районе селения Наушки – Улан-Батор будет передана вместе с обслуживающими постройками и сооружениями безвозмездно в собственность, причем подвижной состав, оборудование, инвентарь и материалы, которые будут находиться в распоряжении железной дороги, будут переданы с возмещением их стоимости Правительству СССР на основе особого соглашения. Этот документ был подготовлен советскими руководителями 15 сентября 1947 г.

Но 23 декабря 1947 г. И. В. Сталиным было подписано Постановление Совмина СССР «Об учреждении советско-монгольского акционерного общества» для постройки и эксплуатации железнодорожной линии Наушки – Улан-Батор. В данном Постановлении этому обществу было присвоено наименование «Советско-монгольское акционерное общество Улан-Баторская железная дорога».

По состоянию на 1 января 1949 г. в ИТЛ строительства № 505 числилось 46 185 заключенных, на 1 апреля 1949 г. – 41 612, на 1 июля 1949 г. – 40 150, на 1 октября 1949 г. – 37 409, на 1 января 1950 г. – 35 652 заключенных [2, с. 12–13]. Но о японских военнопленных нигде не упоминалось. Следовательно, по каким-то пока неизвестным причинам постановление Правительства и приказы Министерства внутренних дел не выполнялись. Документов об отмене перемещения в Монголию японских военнопленных пока не обнаружено. Можно только предположить, что это было сделано под давлением правительства бывших союзников и Японии, постоянно требовавших выполнения Потсдамских соглашений, предусматривающих возвращение в Японию всех военнопленных после капитуляции и разоружения японской армии.

А Stalin 2 сентября 1945 г. в обращении к советскому народу в связи с подписанием Японией акта о капитуляции и завершением Второй мировой войны говорил: «Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали Акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных наций Япония признала себя побежденной и сложила оружие» [7, с. 418–419].

И далее в своем обращении Stalin подчеркивает, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам – Китаю, США, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть свой особый счет к Японии:

1. Агрессия Японии против России в 1904 г. Тогда Япония воспользовалась слабостью России и отхватила от России Южный Сахалин, утвердила на Курильских островах и таким образом закрыла на замок для нашей страны на востоке все выходы к океану.

2. В 1918 г. после установления в России советского строя, Япония вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и 4 года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

3. В 1938 г. Япония напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока с целью окружить Владивосток.

4. В 1939 г. Япония повторила свое нападение в районе реки Халхин-Гол в Монголии с целью прорваться на советскую территорию, перерезать Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

И в заключении, он подчеркнул, что безоговорочная капитуляция означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва СССР от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи СССР с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии [7, с. 419–420].

Таким образом, анализ нахождения японских военнопленных и интернированных в Монголии и в СССР, их трудовой деятельности показывает, что к строительству железной дороги Наушки–Улан-Батор они никакого отношения не имеют. Как уже отмечалось, когда завершался процесс подготовки необходимых документов и формирования рабочей силы для строительства железной дороги по территории Монголии, военнопленных и интернированных японцев в Монголии уже не было.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советско-Монгольские отношения 1921–1966. – М. : Наука, 1966.
2. Улан-Баторская железная дорога (начало XX в. – 1957 г.). – Улан-Удэ : ФГОУ ВПО ВСТАКИ, 2010.
3. Лузянин С. Г. Россия – Монголия-Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. – М. : Огни, 2003.
4. Кузнецов С. И. Японские интернированные в Монголии / С. И. Кузнецов // Известия лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14, № 2.
5. Японские военнопленные в СССР: 1945–1956 : сб. документов / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова – М. : МФД, 2013.
6. Баабар Б. История Монголии: от мирового господства до советского сателита / Б. Баабар. – Казань : Татар.кн. изд-во, 2010.
7. Хрестоматия по новейшей истории России. 1917–2004. Ч. 1. – М. : Дрофа, 2005.

УДК 94(47).084.8: 75.044

В. В. Ткачев*

**ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА БАМ В ЖИВОПИСИ
ИРКУТСКИХ ХУДОЖНИКОВ (1970-Е – 1980-Е ГГ.):
СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ**

В статье рассматривается деятельность иркутских художников и развитие исторической живописи в период строительства Байкало-Амурской магистрали. Проведён анализ исторической литературы и представлена степень изученности темы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *историография, история России, историческая живопись, Байкало-Амурская магистраль.*

V. V. Tkachev

**HISTORY OF BAM'S CONSTRUCTION IN PAINTING
BY IRKUTSK ARTISTS (1970-1980): DEGREE OF STUDY
OF THE THEME IN HISTORICAL LITERATURE**

The article discusses the activities of Irkutsk artists and the development of historical painting during the construction of the Baikal-Amur Mainline. The analysis of historical literature and presented the degree of knowledge of the topic.

KEYWORDS: *historiography, history of Russia, historical painting, Baikal-Amur Mainline.*

В годы девятой пятилетки страна Советов приступила к сооружению Байкало-Амурской магистрали – пожалуй, самой грандиозной стройки XX в. В январе 1974 г. из Усть-Кута к месту будущего посёлка Звёздный на тракторах и автомашинах направились первые строители, затем высадился ещё десант иркутян. XVII съезд ВЛКСМ объявил БАМ Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. К месту работ на БАМ из Москвы выехал первый ударный комсомольский отряд. Со станции Лена в посёлок Звёздный были доставлены вертолётом 300 бойцов это-

* Ткачев Виталий Викторович, магистрант исторического факультета Иркутского государственного университета.

го отряда во главе с Героем Социалистического Труда Виктором Лакомовым.

В сентябре 1974 г. на строительстве Западного участка БАМ работало более 2 000 чел. Байкало-Амурская магистраль – железная дорога, соединяющая Восточную Сибирь с Дальним Востоком. Это одна из крупнейших железнодорожных магистралей в мире, основной путь которой строился с большими перерывами с 1938 по 1984 гг.

Байкало-Амурская магистраль прошла от Лены до Комсомольска-на-Амуре, прорезав тайгу, горные хребты, Амур, Витим, Селемджу и десятки других рек. Она дала доступ к природным богатствам Сибири – железным рудам, коксующимся углем, асбесту и полиметаллам, нефти, газу. В ответ на призыв Коммунистической партии Советского Союза Центральный Комитет ВЛКСМ принял решение, что начиная с 1975 г. не менее 20 тыс. комсомольцев будут работать на Байкало-Амурской магистрали, которую вскоре объявили всесоюзной ударной коммунистической стройкой. Во всех республиках, краях, областях формируются отряды молодёжи для работы на БАМ. Юноши и девушки стремятся выполнить поручение ЦК КПСС и Советского правительства, полны решимости самоотверженным трудом вписать новую страницу в летопись героических свершений Ленинского комсомола. В честь 30-летия Победы на 5 месяцев раньше срока открыто рабочее движение на участке БАМ – Тында.

Советские художники ездили на места строительства. Они стали свидетелями событий, которые проходили в это время. Со второй половины 1970-х гг. значительное место в культуре Прибайкалья занимает Байкало-Амурская магистраль, крупномасштабная всесоюзная стройка. На IV съезде художников было принято решение о подготовке к республиканской художественной выставке «Мы строим БАМ», которую хотели провести в ноябре 1976 г. По инициативе Министерства культуры и Союза художников РСФСР направлялись в творческие командировки наиболее инициативные художники – и не только из сибирских и дальневосточных организаций, но и из областей Центральной России, из Москвы и Ленинграда, а также из дружественных республик: Азербайджана, Германии, Грузии, Венгрии, Украины, Узбекистана и Чечено-Ингушетии [9]. Так, на западном участке БАМ работала совместная группа иркутских и монгольских художников. Агитпоезда с творческими коллективами – корреспондентами газет, художниками, артистами, писателями и музыкантами – отправились по станциям БАМ.

В сибирском регионе, где уже ранее работали творческие группы «Хлеб Сибири», «Индустрия Сибири» и «Нефть и газопровод Сибири», на заседании выставкома «Сибирь социалистическая» были сформиро-

ваны две дополнительные бригады – «БАМ» и «Наука Сибири» [8, с. 150]. Каждой группе были назначены творческие объекты и руководители, их комплектование основывалось на базе местных организаций. 48 художников Прибайкалья в составе нескольких бригад побывали в Усть-Куте и Звёздном, Нии-Грузинской и Магистральном, Улькане и Кунерме. Подчиняясь общему трудовому ритму, художники ехали сюда, чтобы почувствовать живое дыхание стройки. Они стремились полнее увидеть и запечатлеть бурную атмосферу будней строителей, проникнуться их делами и судьбами.

Человек с этюдником стал на стройке своим, привычным. Художники жили со строителями в одних палатках, грелись у костра и пели под гитару походные песни. В этюдах и зарисовках художники фиксировали особые моменты, когда в условиях 60-градусного мороза вековые сосны, сваленные бульдозерами, падали и рассыпались, как стекло, когда сквозь горы пробивались километры тоннелей, через сугробы и жёсткий наст зимой, болота и реки летом прокладывались участки железной дороги. Художники часто разворачивали выставки прямо на строительных объектах. Некоторые работы А. И. Алексеева, Б. Т. Бычкова, А. Г. Костовского, В. С. Рогаля с дарственными надписями авторов нашли постоянное место хранения у бамовцев [1, с. 12]. В творческой поездке участвовал фотограф, художник Николай Астафьевич Опанасенко. Он создал такие работы, как «Портал», «Тоннель», портреты строителей: «Первопроходец», «Михаил Светляков – строитель БАМа», «Буровой мастер Иван Ванеев», «Бригадир плотников Александр Ерёменко», «Наташа из второй бригады путеукладчиков».

Графика, как один из самых мобильных видов искусства, оказалась наиболее востребованной. Руководитель графической секции художников А. М. Муравьёв со своим коллективом, куда входили Н. П. Башарин, А. С. Шипицын, Л. Б. Гимов, А. И. Шелтунов и другие, выполнили ряд интересных произведений. Также на стройках были живописцы В. С. Рогаль, А. И. Алексеев, А. Г. Костовский, Е. А. Конев, В. Г. Смагин и др. [2, с. 13]. Художник А. Ульянов стал первым председателем творческого клуба, который назвали по имени самой высокой точки на БАМ «Даван».

Живописцы собирались в Усть-Куте, но писали весь западный участок магистрали – от станции Якурим до Северобайкальска, на машинах отправлялись в творческие командировки по посёлкам вдоль ещё не до конца проложенных путей. Жили вместе с рабочими и делали зарисовки об их трудных буднях и весёлых выходных. На выставках строителям БАМа показывали сразу по сотне свежих работ. Первую

большую выставку «Трудные дороги БАМа» художники «Давана» сделали в 1978 г. в Усть-Куте. После первого большого показа картин и снимков начались выставки поменьше, но от этого не менее важные. Свои работы «давановцы» привозили во все посёлки до Северобайкальска. Выставки организовывали, где придётся: в клубах, библиотеках, столовых. Великую стройку на полотнах тогда видели не только сами бамовцы. В.Я. Гончар создавал плакаты, посвящённые дороге: «Слышишь, время гудит БАМ» (1978), «От Байкала до Амура мы построим магистраль» (1978), «Там, где страна трудовая новые песни поёт» (1978) [3, с. 10].

Первую разведывательную поездку В. С. Рогаль совершил по БАМ вместе с ленинградским художником Ю. Подлясским и заведующей отделом культуры обкома партии Г. Ф. Утюжниковой. Перед поездкой их принял секретарь обкома КПСС Е. Н. Антипин. Рогаль побывал на станциях: Звёздный, Улькан, Магистральный, Кунерма, Лунный, Ния-Грузинская, Ербогачен, Киренга и др. [4, с. 24]. О масштабности строительства дорог В.С. Рогаль писал в своих путевых дневниках. БАМу Виталий Сергеевич посвятил множество рисунков, эскизов, картин. В пример можно привести такие произведения, как «Здесь пройдёт БАМ» (1977), «Дорога к океану» (1977), «Дорога в Звёздный» (1978), «Таюра–Звёздный», «Звёздный», «Дорога в Нилю-Грузинскую», «Ния-Грузинская», «Магистральный», «Юхта. Цветы матери», «Улькан. Посёлок Лунный», «Кунерма. Посёлок Лэп», «Дорога к Давану», «На Даване» (1979) [5, с. 12]. Художник посвятил серию работ Саянам, Хамар-Дабану, горному Алтаю, горной Шории, Сихотэ-Алиню, вулканам Камчатки, золотоносным горам Лены. В 1979 г. художник принял участие в республиканских выставках «Мы строим БАМ» в Улан-Удэ, Иркутске и Ленинграде [6, с. 5].

В результате многочисленных творческих маршрутов по новой дороге была создана летопись событий строительства БАМ. По итогам проделанной работы организованы республиканские выставки «Мы строим БАМ» (1979) и «Художники о БАМе» (1980).

Истории развития исторической живописи Сибири второй половины XX в. посвящены каталоги краевых, зональных художественных выставок. В них сконцентрированы точные данные о самих живописцах и их произведениях (датировки, техника, размеры, история написания картин и т. д.). Эти сведения являются результатом многолетнего и кропотливого труда музеиных и выставочных работников художественных музеев. Исследования культурной, художественной жизни Восточной Сибири проводили А. Д. Фатянов, Т. Г. Бусаргина, В. В. Фалинский, Е. С. Зубрий, Т. Г. Ларёва, Т. А. Крючкова, Я. Ю. Лисицина,

Е. А. Алёшкина, Л. Н. Малкина, Ю. П. Лыхин, С. Е. Шемякина, Р. М. Лобацкая, Н. С. Сысоева, Т. П. Огородникова, Л. Н. Снытко и др.

Истории иркутского объединения художников посвящены следующие статьи: А. З. Скаллер «Иркутское отделение Союза художников 40 лет со дня организации» (1972), «Иркутской организации Союза художников 50 лет» (1983), «Иркутское отделение Союза художников РСФСР: 60 лет со дня организации» (1992). Деятельность иркутских художников раскрывал в научных трудах А. Д. Фатьянов, искусствовед, заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин г. Иркутска, член Союза художников РФ. В книге «Иркутские сокровища» (1985) Алексей Дементьевич описывал произведения иркутских художников 1970-1980-х гг., приводил биографии мастеров живописных школ.

Основные события в исторической живописи Восточной Сибири раскрыты в работе Т. Г. Ларевой «Художественная жизнь Иркутска 1932–1991 гг.» (1993). В монографии «История изобразительного искусства Приангарья XX – начала XXI в.» (2015) Татьяна Григорьевна описывает основные направления развития изобразительного искусства, историю создания работ и школ. В исследовании Т. Г. Ларева используется широкий круг источников: документы Государственного архива новейшей истории Иркутской области, Иркутского областного центра документации новейшей истории, фонды Иркутского областного художественного музея, Иркутского отделения ХФ-РСФСР, Иркутской организации СХ РСФСР, Иркутского художественного училища, Иркутского училища искусств и личные рукописные архивы художников Восточной Сибири. В 2005 г. свои исследования представила Е. А. Мальцева в работе «Тенденция развития сибирской живописи второй половины 1950-х-начала 1970-х гг.: Проблема “Сурового стиля”». В 2006 г. выходит работа Т. В. Шашкова «Выставочная деятельность Иркутского областного Союза художников в 1930–1960 гг.». Историю развития художественных направлений изучает Л. Н. Малкина «Творчество иркутских художников как феномен культурного наследия: вторая половина XX в.» (2011), «Художественная культура и Союз художников Иркутского региона в конце XX в.» (2010).

Искусствоведы, историки, культурологи, музейные работники продолжают создавать научные статьи, монографии по истории строительства БАМ в живописи иркутских художников 1970–1980-е гг. В полной степени не изучены архивные данные, биографические сведения художников, участников строительства. Нет сведений об истории создания произведений, поиске материалов и работе с новым регионом. Многие художественные образы в картинах остаются не изученными в полной степени и ждут своего исследователя [7, с. 122–126].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. БАМ построен : альбом : по материалам Всерос. худож. выст. «Художники Сов. России – Баму» (Чита, 1984-1985 г.) / сост. М. В. Хабарова ; авт. текста И. И. Соктоева. – Л. : Художник РСФСР, 1987. – 118 с.
2. БАМ – стройка мужества. – М. : Советский художник, 1980. – 16 с.
3. Всероссийская художественная выставка «Мы строим БАМ» : альбом / авт. текста, сост. М. В. Хабарова. – Ленинград : Художник РСФСР, 1980. – 16 с.
4. Глазунов И. БАМ : альбом / И. Глазунов. – М. : Изобразительное искусство, 1979. – 39 с.
5. Иркутские художники о БАМе : выставка : каталог / сост. А. И. Шинковой ; отв. за вып. А. Д. Фатянов ; Иркут. обл. упр. культуры, Иркут. орг. союза художников РСФСР, Иркут. обл. худ. музей. – Иркутск : [б. и.], 1980. – 18 с.
6. Монгольские художники на БАМе : каталог работ художников МНР / Иркут. обл. упр. культуры, Иркут. орг. союза художников РСФСР, Иркутский областной художественный музей. – Иркутск : [б. и.], 1979. – 11 с.
7. Маджаров А. С. История России в теории цивилизации: монография / А. С. Маджаров ; под ред. Л. М. Дамешека. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 211 с.
8. Ларева Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX начала XXI века: научное издание / Т. Г. Ларева. – Иркутск : Принт Лайн, 2015. – 615 с.
9. Маджаров А. С. Мелодии моей души : история России XX века в биографиях певцов и композиторов / А. С. Маджаров. – Иркутск : Оттиск, 2012. – 190 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 130.2

Е. Б. Вознюк*

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ В КУЛЬТУРЕ

В статье анализируются корни изменчивости социокультурных феноменов. Автор показывает, что первостепенную роль в процессе социокультурных изменений играют имманентно присущие самой системе силы, однако воздействие внешних факторов, особенно взаимодействий с другими культурами, в значительной степени активизирует данный процесс.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура, социокультурная система, внутренние факторы, внешние факторы, социокультурные изменения, межкультурное взаимодействие.

E. B. Voznyuk

FACTORS OF CULTURAL CHANGE

In article roots of variability of socio-cultural phenomenon are analyzed. The author shows that the inherent powers of the system play a primary role in the process of socio-cultural changes, but the impact of external factors, especially interaction with others cultures, largely activates this process.

KEYWORDS: cultura, sociocultural system, internal factors, external factors, socio-cultural changes, intercultural interaction.

Культура не является застывшей системой и одной из ее важнейших черт выступает то, что она способна постоянно развиваться, сохраняя при этом характерную только для нее специфику. «Культура продолжается, сохраняет постоянство, прочность, передается по наследству. Но, в то же время, культура постоянно изменяется, и где-то в прошлом она имеет свои истоки и начала. Каждый элемент культуры когда-то образовался, имеет свой генезис» [1, с. 265].

Для понимания процесса становления и развития культуры необходимо проанализировать факторы изменчивости социокультурных феноменов.

* *Вознюк Елена Борисовна, кандидат культурологии, доцент Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова.*

В исследовательской литературе сложилось несколько подходов к объяснению источника культурных изменений.

Подход, усматривающий причины трансформации культуры в ее внутренних силах, получил название теории имманентных изменений. Ее наиболее ярким представителем является П. Сорокин. Исследователь полагает, что любая социокультурная система изменяется в силу своих собственных ресурсов и свойств.

Изменение в культуре рассматривается здесь как имманентное следствие того, что система функционирует, ее функционирование и делает подобное изменение неизбежным. «Любая социокультурная система, пока она существует и функционирует, беспрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы. Как таковые, эти последствия должны быть приписаны ей – независимо от того, являются ли они хорошими или плохими, желательными или нежелательными, “задуманными” системой или же нет. Одной из специфических форм этого имманентного порождения последствий является непрерывное изменение самой системы, происходящее благодаря ее существованию и активности» [2, с. 741].

В пользу теории имманентных изменений свидетельствуют данные эмпирического наблюдения. Науке неизвестно ни одной социокультурной системы или феномена, которые в течение длительного периода времени не изменялись бы даже при неизменности внешних условий. Однако, как небезосновательно полагают некоторые исследователи, без влияния «извне» подобные преобразования происходят крайне медленно. Поэтому наличие внешнего «вызыва» дает культуре серьезный стимул к развитию и росту.

Противоположный подход, согласно которому первостепенное значение в процессе социокультурных изменений принадлежит внешним, находящимся за пределами самой культуры, силам, получил название экстерналистской теории. Ее сторонники (Б. Скиннер [3], Э. Торндайк [4], Д. Уотсон [4]) считают, что изолированная от внешних воздействий система остается неизменной и застывшей. Главный принцип данного подхода – это «стимул – реакция». Суть данной теории состоит в том, что без внешнего раздражителя ни человек, ни социокультурная система не способны ни на какую активность, изменение или спонтанную трансформацию.

Главный недостаток экстерналистской концепции мы видим, прежде всего, в том, что культура сама по себе рассматривается здесь как нечто совершенно пассивное, изменения обуславливаются в ней лишь внешними силами. Однако сама способность социокультурной

системы отвечать (каждый раз по-разному) на внешний стимул является ее внутренне присущим свойством. Уже одно это обстоятельство дает основание говорить, что культура не является инертным образованием, развитие которого зависит только от воздействия внешних факторов.

Подход, рассматривающий социокультурные изменения как результат совместного воздействия внутренних и внешних сил, получил название интегральной концепции. Данная теория пытается преодолеть крайности вышеуказанных подходов. Однако вариации интегральной концепции носят зачастую эклектичный характер, когда оба этих фактора просто ставятся рядом, без попыток установить, в чем состоит специфическая роль внешних, а в чем – внутренних сил.

Мы же придерживаемся позиции, согласно которой первостепенную роль в процессе социокультурных изменений играют имманентно присущие самой системе силы, однако воздействие внешнего «вызыва» способно в значительной степени активизировать данный процесс и раскрыть внутренний потенциал культуры через посредство некоторых внутренних факторов.

К числу внутренних факторов развития культуры исследователи чаще всего относят личностный, экономический, демографический и религиозный.

Под личностным фактором изменений в культуре мы понимаем новаторскую деятельность ее носителей. На важность данного фактора в процессе социокультурных изменений указывает П. Штомпка. Причем исследователь отмечает, что субъект перемен не всегда отдает себе отчет в том, что своими действиями он способствует подобным трансформациям. Изменения, которые совершаются на основе целенаправленной инициативы, – это только одна из возможных разновидностей изменений.

Всего П. Штомпкой выделяются шесть типов инициаторов социокультурных перемен:

1. «Отдельные люди, выступающие с инновациями. Это может быть изобретатель, предложивший новую технологию; ученый, разработавший новый исследовательский метод; религиозный пророк, сформулировавший моральные проповеди и послания; художник, чье творчество положило начало новому стилю и т. п.

2. Инновационные роли (художников, изобретателей, ученых, мудрецов, интеллектуалов, экспертов и т. п.). В этом случае предрасположенность и прерогативы для проведения нормативных инноваций встроены в структуру социальной роли, независимо от того, кто конкретно исполняет эту роль.

3. Инновационные организации (законодательные комитеты, парламенты, комиссии для проведения реформ, исследовательские коллективы, конструкторские бюро, «мозговые тресты» и т. п.).

4. Социальные круги новаторского характера (артистическая «богема», музыканты, мастера кино и.п.).

5. Социальные движения, которые направлены на изменение социальных норм и ценностей (молодежные, феминистские, экологические, религиозные, политические и т. п.).

6. Обычные люди, которые в своей повседневной жизни вырабатывают какой-либо новые способы речи, обращения к другим, одежды, прически, готовят новые блюда, по-новому обставляют свое жилище, заполняют свободное время новыми формами развлечений и т. п. Их практики осваиваются и наследуются сначала в близком кругу их знакомых, потом среди “знакомых знакомых” и т. д., пока не распространятся и не станут принятыми в широкой социальной среде» [5, с. 441].

На первостепенное значение экономического фактора в процессе социокультурных изменений указывал еще К. Маркс [6], полагая, что культура является частью надстройки над экономическим базисом общества. Изменения в способах производства определяют социальную и экономическую структуру общества и культуры.

Другой исследователь Л.Уайт отмечает, что в основе социокультурных изменений лежит развитие технологий, которое повышает степень человеческого контроля над энергией, и этот же фактор определяет темпы изменений. Он формулирует закон культурной эволюции, который звучит следующим образом: «Культура развивается по мере того, как увеличивается количество энергии, потребляемое в год на душу населения, либо по мере роста эффективности орудий труда, при помощи которых используется энергия» [7, с. 444].

Влияние демографического фактора на изменения в культуре отмечает основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм. В работе «О разделении общественного труда» он пишет: «Она сама (культура) – необходимое следствие изменений, происходящих в объеме и плотности обществ. Если наука, искусство, экономическая деятельность развивается, то вследствие необходимости; для людей нет другого способа жить в новых условиях. С тех пор как число индивидов, между которыми установились социальные отношения, становится значительно, они могут сохраниться только в том случае, если больше специализируются, больше работают, сильнее направляют свои способности; и из этой общей стимуляции необходимо вытекает более высокая степень культуры... Чем многочисленнее они (индивидуы) и чем больше воздействуют они друг на друга, чем сильнее и быстрее они реагируют

друг на друга, тем интенсивнее, следовательно, становится социальная жизнь» [8, с. 314–316]. Однако демографический фактор действует не напрямую, а опосредованно, через активизируемые им социальные и экономические преобразования (разделение труда, технологическое развитие, социальную дифференцию и т. п.).

К. Б. Соколов [9] одним из наиболее древних и значительных факторов развития культуры считает религию. По его мнению, религия определяет как основные этические нормы, так и систему взаимоотношений внутри этнической общности. Особенности религии в значительной мере обуславливают развитие культуры, стимулируют или ограничивают формирование отдельных жанров искусства. Исследователь отмечает, что с национальной религией во многом связаны черты национального характера и этического сознания нации.

К внешним факторам социокультурных изменений исследователи, как правило, относят следующие два: природно-экологический фактор (изменение природных условий) и влияние чужой национальной культуры.

Изменения природных условий требуют культурной адаптации, оказывая воздействие на культуру через модификацию экономической практики (т. е. через посредство внутреннего фактора). На роль природно-экологического фактора в процессе социокультурных изменений указывает С. А. Арутюнов, однако отмечает, что его значение велико лишь для тех этносов, которые находятся на сравнительно невысоком уровне своего социально-экономического развития. «Основные черты, так называемой, неоэскимской культуры не претерпевали существенных изменений на протяжении более чем двух тысяч лет, вплоть до XIX в. Однако различные этапы ее истории археологическими исследователями выделяются очень четко по присущему каждому из них специальному набору охотничьих орудий, прежде всего, гарпунных наконечников. Последние самым непосредственным образом связаны с наличием или преобладанием тех или иных животных – объектов охоты: тюленей, моржей, китов, что, в свою очередь, определялось рядом эпохальных изменений климата, чередовавшихся потеплений и похолоданий. Другие моменты культурной трансформации в рамках неоэскимской культуры, например, изменения в художественно-орнаментальном стиле, восходят, в конечном счете, к тем же факторам природно-экологического порядка, но уже опосредованным социально-экономической обстановкой. В одни эпохи эта обстановка благоприятствовала появлению значительного избыточного продукта и укреплению поселков, в другие, напротив, приводила к его существенному уменьшению» [10, с. 171].

Вторым внешним фактором социокультурных изменений являются межкультурные взаимодействия, контакты с другими культурами. На важную роль инонационального влияния в процессе развития принимающей культуры («культуры-реципиента») указывают С. А. Арутюнов [10], М. М. Бахтин [11], В. С. Библер [12], И. Г. Гердер [13], Ю. М. Лотман [14] и др. Они полагают, что знакомство и освоение ценностей иных культур открывает дорогу к новым культурным синтезам.

Однако сразу следует оговориться, что поверхностное знакомство с чужой культурой, эпизодические контакты с ее носителями не влекут за собой каких-либо существенных социокультурных трансформаций. Динамические изменения в культурной деятельности двух взаимодействующих культур могут происходить только в процессе взаимообмена опытом, знаниями, навыками, плодами творческой деятельности. Результатом переосмысливания инокультурного опыта может стать усложнение художественной практики народа, активизированное притоком новых форм искусства, техник и средств изображения. Взаимовлияние культур находит отражение в литературе, науке, религиозной практике, синтезе философских идей, но особенно в искусстве, т. е. в той сфере, которая может легко сочетать в себе художественный опыт разных культур. По мере приобщение к другой культуре все больше элементов «чужого» теряют характер труднодоступной удаленности. Становясь освоенным, «чужое» неизбежно растворяется в «своем», расширяя его границы.

Межкультурные контакты носят как прямой, так и опосредованный характер. Роль посредников в последнем случае могут играть средства массовой информации, товары, книги, Интернет, любые знаковые системы взаимодействующих культур. Однако в любом случае переосмысливание инонационального опыта совершается отдельными личностями и группами. Поэтому взаимодействие с другой культурой всегда оказывается опосредовано личностным (внутренним) фактором.

Посредниками в обращении к чужой культуре часто становятся философы, писатели, поэты, музыканты переводчики, то есть люди, вдохновленные идеями культуры другого народа. Как справедливо полагает Н. В. Перекатиева, «такие люди, оставаясь в лоне собственной культуры, насыщают ее инокультурными инновациями, и, наоборот, глубоко чувствуя и переживая «инаковость», переосмысяют опыт собственной культуры» [15, с. 63].

Однако изменения в культуре, стимулированные взаимодействием с чужой социокультурной системой, могут происходить в различных ситуациях, и, причем, не всегда в условиях равноправного диалога. Скорее данный вид межкультурного взаимодействия напоминает боль-

ше некую эпизодическую ситуацию в отношениях между культурами. Помимо диалога культур имеют место также и другие «минусовые» формы межкультурных контактов, такие как ассимиляция, экспансия, насильственное насижение господствующей этнокультурной группой своих ценностей и традиций. В этом случае, ни о каком взаимообогащении культур говорить не приходится. Для менее многочисленного или политически бесправного этноса (народности) подобные формы межкультурных взаимодействий чреваты обеднением, унификацией и потерей части исходного культурного достояния.

Итак, изменения являются неотъемлемым свойством любой социокультурной системы и зависят как от ее внутреннего состояния, так и от воздействий внешних по отношению к данной системе сил. Конечно, в реальном историко-культурном процессе и внешние, и внутренние факторы оказываются тесно взаимосвязанными. Однако мы полагаем, что первостепенное значение здесь принадлежит имманентно присущим самой системе силам, поскольку она не может не изменяться, даже если внешние условия ее существования остаются неизменными. Внешние факторы, к которым относятся изменение природных условий и контакты с другими культурами, лишь активизируют этот процесс, действуя, однако, не напрямую, а опосредовано, через определенные внутренние факторы, в частности, через модификацию экономической практики и новаторскую деятельность носителей, вступающей во взаимодействие культуры.

Роль природно-экологического фактора велика в жизни этносов, находящихся на сравнительно невысоком уровне своего социально-экономического развития. Межкультурные контакты имеют значение для любой культуры, на любом этапе ее развития, играя роль своеобразного «дестабилизатора» ее внутренней активности. Взаимодействие с другой культурой предполагает интерпретацию, творческое осмысление носителями принимающей культуры поступившей извне информации. «Чужое» пропускается сквозь призму «своего», в результате чего обогащается новыми смыслами и видоизменяет исходные культурные компоненты. Однако подобный результат характерен больше для диалога культур, который как явление крайне сложно выделить в чистом виде. В реальном процессе межкультурных взаимодействий различные формы контактов, в том числе и отрицательные, тесно переплетены между собой. Результатом ассимиляции или культурной экспансии для принимающей культуры может стать вовсе не обогащение, а наоборот, обеднение и потеря некоторых исходных культурных компонентов. К слову сказать, в эпоху глобализации значимость фактора межкультурных контактов

возрастает, поскольку взаимодействие между носителями разных культур приобретает массовый и повседневный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический словарь по культурологии / под общей редакцией д-ра философ. наук, профессора А. А. Радугина. – М. : Центр, 1997. – 477 с.
2. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. Сорокин ; пер. с англ., комментарии и статья В. В. Сапова. – СПб. : РХГИ, 2000. – 1056 с., ил.
3. Skinner B. E. An interview with Mr. Behaviorist / B. E. Skinner // Psychology Today. – № 7 (5). – Р. 20–25.
4. Торндайк Э. Бихевиоризм. Принципы обучения, основанные на психологии. Психология как наука о поведении / Э. Торндайк, Дж. Уотсон. – М. : АСТ-ЛТД, 1998. – 704 с.
5. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польск. С. М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664. + 32 цв. вкл.
6. Маркс К. Капитал : критика политической экономии // Сочинение Карла Маркса ; [науч. ред.: Л. Л. Васина и др.] ; [пер. с нем., фр., англ.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС]. – 2-е изд. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 24 с.
7. Уайт Л. Антология исследований культуры / Л. Уайт ; отв. ред. и сост. Л. А. Мостова. – СПб. : Унив. кн., 1997. – Т. 1 : Интерпретация культуры. – 734 с.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; изд. подгот. А. Б. Гофман ; примеч. В. В. Сапова. – М. : Наука, 1991. – 574 с.
9. Соколов К. Б. Особенности межкультурного взаимодействия в условиях глобализации культуры / К. Б. Соколов // Соционика, психология и межличностные отношения: человек, коллектив, общество. – 2009. – № 1. – С. 29–32.
10. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М., 1989. – 247 с.
11. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – С. 346–354.
12. Библер В. С. Культура. Диалог культур / В. С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
13. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер ; пер. и примечания А. В. Михайлова. – М. : Изд-во Наука, 1977. – 705 с.
14. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
15. Перекатиева Н. В. Типы адаптации буддизма в немецкой культуре / Н. В. Перекатиева // Путь Востока. Традиции освобождения. Материалы III Молодежной науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium». Выпуск 4. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 55–63.

УДК 1(091)(470)

А. А. Гусева*

НА ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. С. ХОМЯКОВА

Статья посвящается выдающемуся человеку России – Анатолию Степановичу Хомякову. Его творчество совпало с эпохой «смутного времени» при императоре Николае I. Вовлеченный в идеологический и теоретический спор о будущем России после предполагаемой отмены крепостного права, он занял позицию консерваторов, выступив в защиту российского потенциала России, и противником колониального пресмыкательства перед Западом. Чтобы убедить и доказать западникам их теоретические заблуждения, славянофил обратился к философии и исторической науке. В результате исследований он сделал ряд открытых. Но последние либо не были освоены текстологически, либо не были признаны. Имя философа и его открытия на 150 лет были окружены «вопиющим молчанием». Цель предлагаемой статьи – сделать первые шаги к возрождению философского и научного творчества Хомякова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеологическая борьба, «вопиющее молчание», сельская община, иррационализм, возрождение.

A. A. Guseva

REVIVAL CREATIVE HERITAGE OF A. S. KHOMYAKOV

Article is devoted to the outstanding person of Russia – to Anatoly Stepanovich Homjakov. His creativity coincided with era of “time of troubles” at the emperor Nikolay I. Involved in an ideological and theoretical dispute on the future of Russia after alleged cancellation of the serfdom, he took a position of conservatives, having spoken out in defense of the Russian capacity of Russia; and the opponent of colonial grovelling I Will sink down. To convince and prove to Westerners their theoretical delusions, the Slavophile addressed philosophy and historical science. As a result of researches he made a number of discoveries. But the last either were not mastered textual, or not recognized. The name of the philosopher and his opening for 150 years were surrounded with “scandalous silence”. The purpose of the offered article – to take the first steps to revival of philosophical and scientific creativity of Homjakov.

KEYWORDS: ideological fight, “scandalous silence”, agricultural community, irrationalism, revival.

* Гусева Алла Александровна, кандидат философских наук, доцент Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова.

В первой половине XIX в. в общественном сознании России произошло идеологическое размежевание. Поводов для разногласий было немало. Но оппоненты сосредоточились, в конечном счете, на одной проблеме – судьбе России. Левое крыло идеологии – западники – выбрали западный опыт общественной жизни и рекомендовали его в качестве эталона. Консерваторы, славянофилы, настаивали на уважительном отношении к прошлому своей страны. Они выступили с критикой слепого бесплодного заимствования и колониального унизительного подражания Западу. Как и Чаадаев, Хомяков понимал, что русская особенность и отличие России от Запада, как и нелюбовь к ней соседних государств, сформировались не в один день и не вчера. Качества, отличающие один народ от другого, формируются столетиями. Следовательно, исконные различия нужно искать в далеком прошлом. Поэтому в качестве объекта познания он избирает почти забытую древнюю организацию общества – сельскую общину. Ключевой в полемике двух идеологий станет категория «сельская община».

«Наша древность, – читаем у Хомякова, – представляет нам пример и начала всего доброго... Перед Западом мы имеем выгоды неисчислимые. На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения. Эти-то лучшие инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться ...» «Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, усилить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее» [1]. Он твердо знал, чтобы надеяться на будущее, вначале нужно опознать прошлое. Еще в V в. было известно изречение: «Прошлое – это вышка, с которой видно будущее».

На наш взгляд, не будет лишним задать вопрос: почему среди выдающихся современников именно Хомяков, размышляя о будущем России, обратил внимание на сельскую общину?

Первой и, пожалуй, определяющей причиной пристрастного внимания к судьбе России, следует назвать постоянно «бродящий в нем гордый гражданский дух» россиянина. Философ не мог быть в стороне, когда остро и противоречиво обсуждалось будущее России. Он, как историк, знал: у России есть своя специфика, у нее есть своя особость, ей есть чем гордиться, – это во-первых. Во-вторых, Россия еще не исчерпала своих потенциальных возможностей. Она должна идти в будущее своим путем. Он также знал достойные качества у страны –

свои, не заимствованные. У них свои истоки и корни. Убежденность определила интерес к прошлому, к первоначальной истории России – к «хлебопашенственному миру», к «сельской общине».

Вторая причина. А. С. Хомяков – помещик. Причем помещик, считавший себя ответственным перед народом и за время, в котором жил. Не случайно Павел Флоренский называл его самым чистым и благородным из великих людей России. Он хорошо знал специфику крестьянской жизни и современные ее тяготы, открыто и резко выступал против мерзости законного рабства. Он не только критиковал, но и предпринял ряд шагов, чтобы облегчить жизнь своих крестьян, освободил крестьян на волю. В ожидании реформы помещик Хомяков проводил среди крестьян разъяснительную работу, чтобы им в случае реформы не остаться без земли. Он во время эпидемии лечил крестьян от чумы. Словом, заимствуя мысль Анны Ахматовой, скажем:

... не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,
... он был тогда с народом, там,
Где его народ к несчастью жил.

Именно ему, как никому другому, более всего была близка крестьянская судьба.

Третья причина. А. С. Хомяков был искренне убежден в том, что его оппоненты так же, как он, желают России добра, но временно заблуждаются и допускают теоретические ошибки. Он был уверен в том, что у него, как у историка, найдется достаточно оснований, чтобы убедить соотечественников отказаться от позорного колониального пути.

Начиная с 30-х гг. XIX в. А. С. Хомяков занимался всеобщей историей, совместно с И. В. Киреевским изложив историко-философское учение об особом характере русского исторического развития. Мы не будем останавливаться на причинах, породивших различие, по которым Россия и Европа с XV в. в своем развитии пошли разными путями. Почему Россия стала крепостнической, а Европа выбрала путь буржуазного преобразования?

Вслед за А. С. Хомяковым, нас интересует почва, среда и время, сформировавшие в своей целостности российскую самобытность. Читая статьи и «Семирамиду», нетрудно убедиться в его научном интересе к истории разных стран, в первую очередь, к России. Все сошлось: гражданственность, интерес ученого, способность «превращать любой вопрос в личную заинтересованность, доводя вопрос до конца, вскрывая истоки и почву, на которой он созрел»; «нравственный закон во мне», и, наконец, по словам Герцена, «сумасшедшая эрудиция».

Для укрепления своей позиции в полемике с западниками Хомяков обращается к философии. Но, оказалось, современный ему философский рационализм не приблизил, а удалял от прошлого, удалял от истоков российской культуры. В целях познания древнего периода истории ученый предложил новую технологию исследования – ряд нетрадиционных шагов. Вот первое, казалось, парадоксальное требование: чтобы изучать прошлое, нужно знать настоящее. Второй шаг: выбор направления будущего «почти вполне зависит от понятия нашего о прошедшем» [2]; поэтому знание древности не забава, а возможность согласовывать выбор исторического пути с опытом своей страны, а не соседних стран.

Третье требование: к изучению прошлого отнести осторожно, не навязывать прошлому современное представление о жизни.

Четвертым, столь же новым шагом для философии стало преодоление А. С. Хомяковым односторонности философского рационализма. Мы уже отмечали: рационализм не мог «прорваться» к бытию глубокой старины. Нужен был новый подход. И философ предлагает новый способ познания. Прежде всего, преодолевает антагонизм субъектно-объектных отношений в гносеологии, отказывается от субъекта как demiurga познания. В результате: теоретическую и одновременно практическую задачу он решает интуитивным, нерациональным путем. Хомяков писал: «Ученость может обмануть, остроумие склоняет к парадоксам, чувство художника есть внутреннее чутье истины человеческой, которое ни обмануть, ни обмануться не может» [3].

Он был убежден в том, что настоящий исследователь должен быть поэтом и художником, чтобы чувством достраивая утраченную историческую память, восстановить образ древней общественной организации. Он рассчитывал иррациональным путем угадать ее начала, ее корни и истоки. Тем самым восстановить статус сельской общины и опознать ее характерные русские черты.

Спустя несколько десятилетий, немецкий философ М. Хайдеггер в 30-х гг. XX в. столкнулся с той же проблемой. Обращение к древности (к древней Германии, Франции и Древней Греции) потребовали и от него иных, нерациональных шагов. Методы познания классической философии его так же лишили возможности приблизиться к далекому прошлому. Не имея представления о пути, пройденным Хомяковым ранее почти на сто лет, Хайдеггер в работах «Бытие и время», а затем «Время и бытие», как и русский исследователь, указывает на ограниченность рационализма и преодолевает антагонизм субъектно-объектных отношений в познании.

Оба философа шли к древности в разные эпохи параллельными путями, и в равной степени преодолевали односторонность рациона-

лизма. М. Хайдеггер обращается к языку, логике и лингвистике, чтобы с помощью этих инструментов проникнуть в прошлое бытия и времени. Философ тщательно проанализировал различие таких понятий, как знание, истина, бытие, сущее, феномен и установил следующее: категории, сохранив тождество по звучанию, оказались непохожими по смыслу в сравнении с этими же понятиями из древности. На этом основании он формулирует требование: исследователь не должен приписывать прошлому современных представлений о бытии. Нужно осмотрительно подходить к тому, что задано древней историей, что стало не времененным, а вечным. Только так можно приблизяться к прошлому.

Но и этих требований Хайдеггеру недостаточно. Он вводит в исследование понятие «впускание присутствия», которое ведет к открытости и непотаенности бытия и времени, их присутствия у бытия. Истину как непотаенность (греч.) он понимает как событие, совершение. Субъект познания из XX в. не исследует объект, а принимает его как уже состоявшийся, как то, что уже было и есть. Истина древности – не результат поиска философа. Современные разыскания не открывают древнюю истину, а принимают ее как откровение, нечто такое, что всегда уже было [4].

А. С. Хомяков обратился к древности вначале через язык и исторические события. Но в ходе исследования он убедился, что древнее пространство может быть схвачено не только лингвистикой, но и языком древних построек, традициями, народным творчеством – любыми еще сохранившимися следами древности. Многообразие артефактов и сельская община стали для него главной опорой и средством приближения к прошлому. Историческая категория «сельская община» наполнилась онтологическими понятиями с новым прочтением: «старина», «старчество», «сходка», «вспоможение», а также сравнительным анализом лингвистического строя русского и санскритского языков, алфавита, легенд и мифов, архитектурных памятников: храмового, хозяйственного и оборонительного строительства, военного снаряжения и т. д.

Русский философ очень дорожил остатками – следами старины глубокой. Вот что он писал по этому поводу: «Каждый час дорог. В каждый час погибают следы прежней жизни, заветы прекрасной старины. Сознай мы ее достоинство тому лет сто раньше, и сколько спасли бы мы любопытных преданий, затейливых сказок, чудных песен, которые теперь утратились, а могли бы нас радовать и поучать». Без этого уважения к стариине, утверждал философ, так называемые русские люди – далеко еще не русские. Он, как и Хайдеггер, понимал, что есть в про-

шлом бытии нечто неуловимое, не поддающееся внешнему предметному схватыванию. Оно дает о себе знать, просвещивает через совокупность явлений, близких функционально и структурно.

Несмотря на толщу веков, отделяющих Хомякова и Хайдеггера от старины, благодаря древним артефактам, языку, искусству, преданиям старины и мифам философы проникали вглубь истории, в смысл языческого бытия и мифологического сознания. Хайдеггер гениально сращивал язык с древним бытием, логические понятия дополнял онтологическими «намеками», «сказанное – недосказанным». Хомяков в основание древнего бытия, в его самобытность и высокие нравственные качества россиян проникал через сельскую общину, через сравнение настоящего и прошлого, через «следы», «угадывание», а также обращение к душе народной, хранящей спокойно и бесстрастно «преданья старины глубокой». Хайдеггер изучал греческую и германскую античность. Хомяков, можно сказать, тоже изучал античность, никем до этого не ведаемую и не осмысленную, – начала славянской культуры – тоже античность.

Российскому философу немало повезло. В стране еще оставались «следы» и живая память о сельской общине. В XIX в. имели место сходки сельской общины. На одной из них исследователю посчастливилось присутствовать, стать свидетелем справедливого разрешения конфликта внутри общины без привлечения формального закона. Онтологическая ипостась общины, выжившая сквозь века реальность, представила возможность увидеть в древней общественной организации экономическое и социальное пространство, в котором рождались жизнеспособные формы бытия и закреплялись, превращаясь в гуманное общинное право и общинные традиции.

Мы попытались сопоставить судьбу одного философского открытия двумя философами разных веков. Хайдеггер – одна из вершин мировой философской мысли. В 30-х гг. XX в. он совершил переворот в познании, обозначив ограниченность рационализма, и стал родоначальником уникальной стратегии, которую потом подхватили другие философы (Гадамер, Сартр, Деррида). Его творческая биография сохранилась в ста томах, а также в докладах и выступлениях на семинарах. После монографии «Бытие и время» он издает книгу «Время и бытие», в которой пытается разъяснить современникам смысл предыдущей работы. Но этого снова оказалось недостаточно. Хайдеггер продолжил методологическую и разъяснительную работу на теоретических семинарах в 1962–1972 гг.

Главной причиной непонимания работы «Бытие и время» Хайдеггер назвал непонимание современниками категории «бытие». Мысля-

щее новоевропейское «Я» видит в природе только объект. В поисках достоверного знания о природном материале оно избирает математико-статистическую обработку. Бытие понимает как основание сущего. Категории «бытие» и «сущее» у древних греков имеют другой смысл. Сущее – то, как оно дает себя видеть: конкретная цепь гор или остров в море. То есть то, что перед глазами, непотаенное, явное, чистый феномен. Таков опыт греческого сущего. Для новоевропейского мышления сущее – то, что поддается определению, вещь в себе – потаенное. «Между Аристотелем и Кантом, – говорит Хайдеггер, – пролегает пропасть. Для греков вещи являются. Для Канта вещи являются мне. Для Канта сущее стало предметом. В греческом выражении предмет не имеет никакого выражения. Здесь надо остерегаться поверхностного толкования» [5].

Мы остановились только на одном примере. А Хайдеггер так же подробно и убедительно разъясняет различия в понимании бытия и времени в философии Платона и Аристотеля, Аристотеля и Гегеля, Гегеля и Маркса. Доказывает, что каждая новая эпоха, наполняя прежние категории новым смыслом, сохраняя способ математико-статистического исчисления объекта познания, ограничиваясь только логикой, огрубляет и отсекает себя от прежних эпох. Утрачивая возможность «оживления» прошлого, безжалостно теряет богатство предыдущего опыта, невольно искажает историю. Но это еще не все. Подрасчетно-объективное толкование прошлого непростительно затратно. То, что предложил в своем творчестве Хайдеггер, стало программой и методологией научного исследования. Но изданием научных трудов встречи с читателем не закончились. Большая разъяснительная научная и философская работа продолжалась в журнальных статьях и на теоретических семинарах. С 1962 (семинар в Ле Торе) по 1972 г. читатели заранее присыпали ему вопросы и получали ответы на семинарах. В результате, философ оставил богатое наследие.

Обратимся теперь к А.С. Хомякову. Открытия и все жизнетворчество русского философа сохранилось всего лишь в письмах и статьях, в историко-географическом, лингвистическом научном исследовании – «Семирамида», и в стихах – все уместилось в восьмитомном собрании сочинений, изданном после смерти. Большинство его современников результатов изысканий не читали, а если читали, то не поняли, или не оценили объективно. Более того, обвинили в приверженности старине и антиисторичности, и даже в предательстве. Мол, вместо западного пути развития Хомяков зовет назад, в прошлое, к патриархальщине. Интерес ученого к прошлому отождествили с призывом вернуть Россию на сот-

ни лет назад. По существу лишили исследователя общественной поддержки.

Но не только оппоненты, но и его единомышленники не сразу приняли изысканий Хомякова. Они восхищались им как гениальной одаренной личностью, мудрым лидером, блестящим собеседником, оставили доброжелательные воспоминания о жизненном пути соратника, но не были готовы уяснить его прозрений и прогнозов. По словам Н. Бердяева, «Хомяков не был освоен текстологически». К сожалению, и прочтение было весьма поверхностным. К примеру, ближайший друг и соратник, единомышленник в исследовании всеобщей истории – И. В. Киреевский, не понял, прежде всего, вопроса и поэтому не принял его размышлений о прошлом и настоящем.

В ответе на статью Хомякова «О старом и новом» Киреевский писал следующее: «Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах... Таким образом, и самый вопрос предложен неудовлетворительно. Вместо того чтобы спрашивать, лучше ли была прежняя Россия, полезнее, кажется спросить, нужно ли для улучшения нашей жизни теперь возвращение к старому русскому или нужно развитие элемента западного, ему противоположного? [6]. Позднее Киреевский понял свои заблуждения, и в письме к Н. Языкову с благодарностью говорил, как осторожно Хомяков подготовил его к единомыслию. О чем это говорит? Его друзья и соратники, признав вершину айсберга, – «спокойное и разумное уважение исконно русских начал», – не прониклись самим процессом познания, не задались вопросом, насколько глубоко хранятся «исконно русские начала» и какая энергетика скрыта в них.

Вопросы и ответы не устарели до сих пор, и сегодня заслуживают пристального внимания. Поэтому не спеша нужно разобраться в причинах непонимания. Что это? Только ли поверхностное прочтение? Пожалуй, нет. На наш взгляд, дело в большей степени в самом Хомякове и в обстоятельствах, в которых он жил. Хомяков излагал результаты своих исследований не в монографиях, научных трудах, а в письмах и статьях. Избранную тему теоретически для общественности не разрабатывал, внутреннюю работу ума не выносил на поверхность, стратегию познания вырабатывал для личного пользования. Тема древности была не простой. Хайдеггер это убедительно доказал. А русский философ не мог предложить ни научных трудов, ни журнальных статей. За небольшим исключением в письмах-статьях обращался к коллегам и едино-

мышленникам. Для творческого человека не было необходимых условий. Поэтому и сторонников было немного.

Мы также должны признаться в том, что за результатами научной и философской работы Хомякова не увидели подводной части айсберга – глубокого философского фундамента. Восхищаясь текстами Хомякова, мы не могли предположить, что его размышления – результат научных открытий и методологического прозрения. Для нас это стало открытием. Что же нам позволило подняться над увлекательными текстами? Это был новый философский уровень российских и европейских философов XX в. И, безусловно, прошлое, превратившееся в вечность, греческая классика.

На пути к истине Хомяков применял диалектический подход к категориям, возвращал им историческое содержание и сущность. А в нашей памяти всплывают ассоциации. Тему многофункционального характера категорий разрабатывали классики XX в.: в частности, М. Бахтин, М. Хайдеггер, М. Бубер и др. Хайдеггер так же, как Хомяков, через «обновленные», но по-прежнему древние категории пробивался к греческой и немецкой древности. Он призывал современников изучать прошлое на языке ушедших веков, не навязывать и не приписывать древней культуре не свойственных ей качеств. У Хомякова те же требования к исследованию. И он успешно следовал им, но не разъяснял. А Хайдеггер в течение 40 лет успешно развивал свою идею 30-х гг. XX в.

У Хомякова многофункциональная древняя категория «сельская община» стала колыбелью «русскости», началом и источником национального характера, его нравственных начал – в целом древней культуры. Одновременно «сельская община» стала центром и площадкой идеологической и политической борьбы в России. У Бахтина категория тоже способна выполнять различные функции. Именно через Бахтина мы открыли для себя диалоги Хомякова. До Бахтина о.П.Флоренский особое внимание обратил на диалог, назвав его, хомяковским диалогом. Диалог у Хомякова действительно не сократический (суггестивный диалог учителя и ученика) и не М. Бубера по формуле «Я – Ты». У него диалог Бахтина – окликнутого собеседника. Субъект – субъектный диалог. В нем агенты познания равные участники диалога, но при очень важном условии: «Я» (Киреевский, Герцен и другие) задает вопрос другому «Я» (Хомякову), окликает его, и они, равные, вместе обсуждают вопрос; дополняют, провоцируют друг друга, совместно продвигаются к истине. Но диалог истинно хомяковский. Он разработан и введен им в практику задолго до Бахтина. И так по многим темам: новые идеи Хомякова в нас рождали новые ассоциации.

Вот философема познания Хомякова. В его статье «Святая Троица» агенты познания и субъект субъектный путь познания истины возвращают нас к «Диалогу Платона» («Алкивиад»), к о. П. Флоренскому «Столп и утверждение истины», к М. Фуко «Герменевтика человека» и т. д. и т. п. А у Хомякова всего в двух предложениях с математической лаконичностью сформулировано гносеологическое открытие. Без вышеназванных авторов эти два предложения вряд ли были нами замечены. Хомяков сам в этой статье называет предложенный способ познания – новым познанием.

Может возникнуть вопрос: почему мы нарушаем временной порядок? Почему идем не от Хомякова к классикам XX в., а из XX в. возвращаемся назад, в XIX в.? Потому что Хомякова мы читали через призму классиков. Благодаря их классической методологии, мы смогли понять, какую работу ума проделал Хомяков, чтобы разработать философский фундамент для познания и для теоретического спора с оппонентами и даже с коллегами единомышленниками. Но между Хомяковым и философами XX в. большая разница. Классиков отличает серьезная проработка темы. Каждый из философов специализировался на предпочтительной ему теме. Хомяковские проблемы все представлены одним лицом, хотя не слиты. Каждая излагалась достаточно четко, но теоретически для читателя не разработана. Возможно, это обстоятельство затрудняло понимание философа. И в то же время богатство тем и размышлений по их поводу, не могли быть не замеченными объективным читателем. В этом случае идеологическое неприятие нередко было тождественно предвзятости и предна меренной лжи.

Недосказанность и краткость изложения никак не могут умалить достоинств жизнетворчества Хомякова. Каждый обозначенный им вопрос – это или точка отсчета, или вектор будущих исследований. Именно будущих. Потому что все без исключения темы, обозначенные Хомяковым, актуальны и сегодня. По многим темам и их решению он буквально предвосхитил XX и XXI вв.

К великому сожалению, в истории российской культуры мыслитель долгое время вообще не значился. Ранее мы уже отмечали: новый метод познания он открыл раньше Хайдеггера, но теоретически не обосновал. То же самое произошло и с другими открытиями в области истории и социологии, лингвистики и культурологии, архитектурного храмового и хозяйственного строительства и т. д. А. С. Хомяков первым обратился к исторической памяти, открыл до него неизвестную колыбель русской национальной самобытной культуры – трудовую и ду-

ховную организацию хлебопашцев – «мир» – сельскую общину, первым указав на родство русских славян и славян индустанцев. Современные зарубежные историки, биологи, генетики (Италия, Франция, США) с благодарностью ссылаются на Хомякова и научно подтверждают его открытия. Перечисления можно продолжить.

Возрождение творчества нашего соотечественника необходимо наполнить не только открытиями. Необходимо также глубоко осмыслить многие непреходящие для нашего общества проблемы. Например, что такое отечество и патриотизм? Какова роль семьи, родословной, исторической памяти в воспитании? Каковы приоритеты в образовании: кого готовить – специалиста или человека? За что Европа ненавидит Россию? В чем опасность пустого подражания и колониального пресмыкатательства? А призыв Хомякова – решительно сорвать с себя ошейник, на котором написано «Европа» – разве устарел? Хомяков – выдающийся современник. Однако, окруженный вопиющим молчанием, он оказался обреченным на забвение. Почти на 150 лет. Частично XX в., а теперь нынешний век с трудом и с русской медлительностью возрождают его творения и возвращают обществу имя гениального философа.

А. С. Пушкин в стихотворении «Возрождение» повествует о реальном факте: жестоком отношении «варваров» к гениям. Давайте внимательно прочитаем:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чужды, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей
И возникают вновь виденья
Первоначальных чистых дней.

Надежды Пушкина остались надеждами, а гений Хомякова так и не защитили от «варваров». Ему не простили верность старине и самобытной русской истории, сращения настоящего и грядущего России с ее корнями и истоками, эволюционного взгляда на историю. Вот сущее его исторической памяти:

На подножке мчащего сегодня
Во имя завтра еду во вчера
Назад – чтобы с грядущим рядом встать.

Назад не означает – на попятный
Бездумное вперед толкает вспять
И вдаль бросает трезвый ход обратный.

(Е. Евтушенко)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хомяков А. С.* О старом и новом. Алексей Степанович Хомяков, Иван Васильевич Киреевский. Избр. соч. / А. С. Хомяков. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 37.
2. *Хомяков А. С.* Семирамида. Соч. в 2-х т., Т. 1 / А. С. Хомяков. – М. : Медиум, 1994. – С. 41.
3. *Хомяков А. С.* (“О сельской общине”) Указ. Избр. соч. / А. С. Хомяков. – С. 126.
4. *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика. – 1993. – С. 125–127, 133; С. 393–395.
5. *Хайдеггер М.* Семинар в Ле Торе. 1969 / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1996. – № 10. – С. 123–125.
6. *Киреевский И. В.* В ответ А. С. Хомякову / И. В. Киреевский. – Указ. Избр. соч. – С. 338.

УДК 141.32; 159.9

А. В. Васенкин*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ЛЮБВИ

В статье рассматривается такой феномен человеческого существования, как любовь. Приводятся взгляды различных экзистенциальных психологов на данный процесс. Древнеиндийская поговорка гласит, что любовь представляет собой совокупность трёх влечений: влечение к телу, влечение к уму, влечение к душе. Исходя из этой поговорки можно сделать вывод, что любовь есть система нескольких компонентов, не сводящихся к простой сумме её составляющих. Системное понимание любви очень близко к её экзистенциальному пониманию. Так, Р. Мэй говорил, что любовь на Западе – это четыре типа отношений: секс, эрос, дружба, забота. Все четыре типа отношений в своей сумме дают то, что называется истинной любовью. Однако, помимо системного рассмотрения любви, экзистенциальный анализ дает другие концепции. Так, А. Маслоу выделяет два типа любовной связи: «Д-любовь» и «Б-любовь». «Д-любовь» является отражением отношений собственничества и эгоизма, восполнения дефицита удовлетворения потребностей за счет другого. «Б-любовь» показывает любовь к существованию другого, любовь к его бытию. Это есть истинное переживание любви, ориентированное на рост личности, а не на удовлетворение потребностей. Похожие концепции любви приводит М. Бубер, когда говорит о том, что существует два типа отношений между людьми: «Я-Оно» и «Я-Ты». Отношения «Я-Оно» отражают примитивную форму использования субъектом различных объектов, потребление его функционала. Отношения «Я-Ты» – это отношения к существованию другого, это отношения субъекта к субъекту. Функциональные отношения являются, по своей сути, инфантильным переживанием любви, как говорит Э. Фромм. Инфантилизм в любви есть чистый эгоизм, не способный на переживание взрослых, зрелых чувств. Зрелая любовь, по Фромму, обеспечивается любовью и заботой, уважением, пониманием, знанием другого. В. Франкл детерминирует любовь как один из фундаментальных смысложизненных ориентиров человека, способный давать стимул к существованию даже в самых экстремальных ситуациях. Авторская позиция исходит из понимания любви как трансцендентального выхода за границы чувственного опыта, как переживание человеческим духом единения и сопричастности к существованию любимого человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экзистенциализм, любовь, отношения, бытие, секс, забота, смысл, существование.

* **Васенкин Алексей Вадимович**, кандидат философских наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета.

A. V. Vasenkin

ON AN EXISTENTIAL UNDERSTANDING OF LOVE

The purpose of this article is to consider the phenomenon of human existence as love. The views of various existential psychologists on this process are given. An ancient Indian proverb says that love is a combination of three attractions: attraction to the body, attraction to the mind, attraction to the soul. Based on this saying, we can conclude that love is a system of several components, not reduced to a simple sum of its components. The systemic understanding of love is very close to its existential understanding. So, R. May said that love in the West is four types of relationships: sex, Eros, friendship, care. All four types of relationships add up to what is called true love. However, in addition to the systematic consideration of love, existential analysis gives other concepts. So, A. Maslow, distinguishes two types of love syva-z: "D-love" and "B-love". "D-love" is a reflection of the relationship of self-interest and selfishness, filling the deficit of satisfaction of needs at the expense of another. "B-love" shows love for the existence of another, love for his being. This is an original experience of love, focused on the growth of the individual, not on the satisfaction of needs. M. Buber cites similar concepts of love when he says that there are two types of relations between people: "I-It" and "I-You". The "I-It" relationship reflects the primitive form of the subject's use of various objects, the consumption of its functional. The I-You relationship is the relationship to the existence of the other, it is the relationship of the subject to the subject. The functional relations are, in essence, infantile-ness of the experience of love, says Erich Fromm. Infantilism in love is a pure ego-ISM, not capable of experiencing adult, Mature feelings. Mature love, according to Fromm, is provided by love and care, respect, understanding, knowledge of the other. V. Frankl determines love as one of the fundamental life orientations of the human being, able to give an incentive to exist even in the most extreme situations. The author's position is based on the understanding of love as a transcendental exit for the graces of sensory experience, as the experience of the human spirit of unity and participation in the existence of a loved one.

KEYWORDS: existentialism, love, relationship, being, sex, care, meaning, existence.

Данная статья посвящена рассмотрению феномена любви с позиций экзистенциализма. Разумеется, эта тема является достаточно обширной, особенно если её изучать в контексте психологической науки, однако в ходе изложения материала здесь будут представлены некоторые, наиболее интересные, экзистенциальные теории, раскрывающие суть любви как необходимого условия человеческого существования. Но прежде чем мы приступим к экзистенциальному анализу, в начале хочется привести известную древнюю формулу о том, что любовь является суммой трёх влечений: влечение к уму человека даёт уважение, влечение к сердцу – дружбу, а влечение к телу человека даёт страсть; и только совместно эти три составляющих образуют систему любви. Действительно, если мы рассматриваем любовь с позиций системного подхода, то три указанные элемента могут быть включены в систему любви, а любовь как система не сводится к простой сумме составляющих, она есть нечто особенное, что возникает при взаимодействии уважения,

дружбы и страсти. Любовь – это то необъяснимое, что сложно поддается определению в плане чувств и отношений между людьми. Теперь, от древнеиндийской мудрости перейдем к экзистенциальному толкованию любви.

Первая концепция любви, которая заслуживает внимания в контексте экзистенциального толкования, принадлежит Абрагаму Маслоу. Автор всемирноизвестной пирамиды потребностей выделял два вида любви «Д-любовь» и «Б-любовь». «Д-любовь» – это дефицитарная любовь, то есть любовь по своей природе эгоистическая. Когда один человек внутри своей личности стремится к восполнению дефицита каких-либо потребностей, и он не имеет возможности реализовать её, используя свои внутренние ресурсы, то ему нужен другой человек. В этом случае и возникает дефицитарная любовь. Но это не есть любовь в истинном понимании. Это любовь собственническая. В жизненной практике существует множество примеров проявления чувства собственничества по отношению к другим людям и мы не будем здесь приводить их. Второй вид любви – «Б-любовь» – детерминируется как любовь к бытию другого человека, к факту его существования, к полному принятию человека таким какой он есть. «Б-любовь» содержит в себе минимум тревоги-враждебности (хотя, конечно, может заставлять тревожиться за другого). Б-любящие более независимы друг от друга, более автономны, менее ревнивы, чувствуют меньшую угрозу, меньше нуждаются, более бескорыстны, но в то же время больше стремятся помочь другому в самоактуализации, больше гордятся победами другого, более альтруистичны, великодушны и заботливы. Б-любовь, в глубинном смысле, создает партнера: она обеспечивает самоприятие и чувство, что ты достоин любви, способствующее постоянному росту» (Цит. по: [3, с. 417]).

В этом месте следует внести уточнение насчет того, что любовь невозможно рассматривать с позиции собственничества, эгоизма или восполнения дефицита потребностей. Точка зрения А. Маслоу очень верна: истинная любовь несовместима с чувством собственности, так как если у человека присутствует подобное отношение к другому, если один человек воспринимает другого как свою собственность, то здесь отношения выходят из рамок исключительно человеческих, и превращаются в отношения «субъект – объект». Человека нельзя рассматривать как собственность другого человека – данная ограниченная позиция описывает не романтические отношения, а отношения потребления и использования. Иллюстративно отражает такие отношения позиция Мартина Бубера, экзистенциального философа и теолога. В межличностных отношениях М. Бубер выделял два типа: «Я-Оно» и «Я-Ты» отношения. Отношения «Я-Оно» отражают тип отношений между субъ-

ектом и объектом, это своеобразные функциональные отношения, где человек пользуется каким-либо объектом ради тех функций, для которых эти объекты были созданы. Так, в повседневной жизни мы пользуемся массой различных объектов-вещей, которые упрощают наше существование – телефон, автомобиль, компьютер, часы. Но человек не испытывает любовь по отношению к ним, даже если он и утверждает, что любит свою собственность. В этой любви нет исполненного экзистенциального смысла. В отношениях «Я-Оно» субъект не отдает себя объекту, он только принимает функциональную объективную природу, пользуется ею. Отношения «Я-Ты» – это полностью взаимные полноценные отношения двух субъектов, которые посвящены друг другу и отданы друг другу. Здесь нет функциональности. Эти отношения существует благодаря существованию двух субъектов, которые наполняют бытие каждого своей внутренней природой. Отношения «Я-Ты» полностью однородны, это единое целое. Также как отношения матери с внутриутробным ребенком можно характеризовать как единое целое и как прекрасный пример отношений «Я-Ты», также и истинная любовь существует там, где два самостоятельных зрелых человека связаны в единую систему отношений «Я-Ты»: «Отношения “Я-Ты” – это целиком взаимные отношения, включающие в себя полное переживание другого. Они отличаются от эмпатии (рассмотрения в воображении ситуации с точки зрения другого), потому что это больше чем “Я”, пытающееся отнести к “другому”. Не существует “Я” как такового, а есть лишь фундаментальное “Я-Ты”» (Цит. по: [3, с. 411]).

С понятием «Д-любви» А. Маслоу, отношениями «Я-Оно» М. Бубераозвучна дефиниция «инфантильная любовь», предложенная Эрихом Фроммом. Инфантильная любовь раскрывает состояние человека, существование которого полностью зависит от того любят его или нет. Как ребёнок, который постоянно требует внимание к своей эгоцентрической личности, так и человек, испытывающий инфантильную любовь, нуждается в том, чтобы его любили, причем любили независимо от того, как он относится к тому, кто его любит. Инфантильная любовь – это любовь-потребление, состояние, эксплуатирующее чувства других. Коренным образом от инфантильной любви отличается любовь зрелая, о которой также пишет Э. Фромм. Зрелая любовь основана на проявлении заботы, отзывчивости, уважении и знании. Зрелая любовь является активным процессом по отношению к другому человеку, когда инфантильная любовь – процесс исключительно пассивный. Зрелая любовь существует тогда, когда человек понимает, принимает и включается в существование другого и старается жить этим. В зрелой любви происходит объединение двух экзистенций в одну: «Инфантильная лю-

бовь следует принципу: “Я люблю, потому что любим”. Зрелая любовь придерживается принципа: “Я любим, потому что люблю”. Незрелая любовь говорит: “Я люблю тебя, потому что нуждаюсь в тебе”. Зрелая любовь уверяет: “Я нуждаюсь в тебе, потому что люблю тебя”» (Цит. по: [3, с. 418]).

Любовь – это стимул для того, чтобы жить. Логотерапия Виктора Франкла рассматривает любовь как смысл жизни человека. Будучи заключенным концентрационного лагеря и неоднократно впадавшим в отчаяние, В. Франкл утверждал, что единственное спасительное средство, которое удерживало как его самого, так и других заключенных от смерти, был определённый высший смысл. Для каждого он выбирался самостоятельно, но именно этот субъективный смысл помогал переживать узникам все ужасы заключения. В. Франкл приводит замечательный пример, как любовь одного заключенного к своей матери обеспечивала ему основу для существования в лагере: «Все мы в лагере, и я, и мои товарищи, были уверены, что никакое счастье на земле никогда в будущем не может компенсировать то, что нам пришлось вынести во время нашего заключения. Если бы мы подводили итог, то единственное, что нам осталось бы делать, – это броситься на проволоку (под током), то есть покончить с собой. Те, кто этого не сделал, поступили так только из глубокого чувства какого-нибудь обязательства. Что касается меня, то я считал своим долгом перед матерью оставаться в живых. Мы любили друг друга больше всего на свете. Поэтому моя жизнь имела смысл, несмотря ни на что» [2, с. 249].

Нет ничего более сильного, чем духовное единение двух людей, которое, по словам В. Франкла, и называется любовью. Бытие человека может настолько глубоко проникать в душу другого, порождать в ней чувство основательного единения, что даже после смерти, когда физическое существование прекращается, оно продолжается в душе того, кто любит. И именно ради такой любви и стоит жить. В указываемом примере, у героя не было понятия, жива ли его мать или уже нет, но чувство было настолько фундаментально и масштабно, что давало стимулы к жизни даже в таком ужасном месте как концентрационный лагерь.

В начале статьи в качестве введения было приведено древнеиндийское высказывание о любви как системы, состоящей из трех элементов. Известный американский психолог и психотерапевт Ролло Мэй указывал, что «на Западе традиционно говорят о четырех типах любви. Первый – это **секс**, или то, что мы называем вожделением, либидо. Вторым является **эрос**, любовь, как стремление к воспроизведству или творчеству – высшим, по мнению древних греков, формам бытия и отношений между людьми. Третий тип – это **филия**, или дружба, братская

любовь. Четвертым типом является **агапэ** (или **каритас**, о которой говорили древние латиняне) – забота о благе другого человека, прототипом которой является Божья любовь к человеку. Любое человеческое чувство подлинной любви является смесью (в различных пропорциях) всех четырех типов любви» [1, с. 17]. В таком определении любви можно наблюдать что-то из древности, но приведенная концепция Р. Мэя более сложная, так как в ней говорится о четвертом элементе – о проявлении заботы. Забота есть одно из необходимых условий существования любви. В заботе человек приобщается к бытию другого, стремится войти в его существование и сделать это существование полноценным. Очень подробно о заботе как о неотъемлемом факторе любви написал Ирвин Ялом. По И. Ялому, любить – это заботиться, но заботиться: полностью отрекаясь от сознательного внимания к себе; со всей возможной полнотой знать другого и сопереживать ему; думать о сущности и росте другого; быть активным по отношению к любимому человеку; стремиться к развитию; получать взаимность [3, с. 420-421].

Все перечисленные экзистенциальные концепции любви показывают, что любовь это всегда отношения, находящиеся «во вне» человека, а не внутри него. Любить означает отдавать себя ради другого, существовать в бытии другого, сопереживать другому, отрекаясь от собственных невосполненных потребностей. Истинная любовь происходит исключительно на трансцендентальном уровне, на уровне духовного бытия людей и не может сводиться только к материальным потребностям и плотским удовольствиям. Как сын, заключенный в концлагере, жил ради своей любимой матери, не зная при этом, жива ли она, так и любовные отношения выходят за рамки чувственного опыта, полностью растворяясь в пространстве человеческого духа. Любовь не только чувственный опыт, не только секс и физический контакт, любовь представляет собой единение духа одного человека с духом другого. В этом и может заключаться экзистенциальное понимание любви.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мэй Р. Любовь и воля / Р. Мэй.* – М. : Рефл-бук – К. : Ваклер, 1997. – 384 с.
2. *Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл.* – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
3. *Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом.* – М. : Независимая фирма «Класс», 1999. – 576 с.

ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 005.35

А. А. Зайковская, И. Р. Либенсон, Д. М. Скитневский*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы теоретического и методологического обеспечения эффективности социального управления, общие для всех уровней управления: государственного, территориального, организационного. Предлагается подход к дифференциации и синтезу двух сторон эффективности управления – экономической и социальной. Вторая часть посвящается вопросам методического обеспечения эффективности социального управления на уровне предприятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное управление, человеческое развитие, экономическая и социальная эффективность, методология, методика, параметры, критерии оценки эффективности.

A. A. Zaikovskaya, I. R. Libenson, D. M. Skitnevski

THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL MANAGEMENT

The problems of theoretical and methodological support of social management efficiency, common to all levels of management: state, territorial, organizational. The approach to differentiation and synthesis of two sides of management efficiency – economic and social is offered. The second part is devoted to the methodological issues of ensuring the effectiveness of social management at the enterprise level.

KEYWORDS: social management, human development, economic and social efficiency, methodology, methodology, parameters, criteria of efficiency evaluation.

Человеческий капитал – это функция переменных:
образования, науки, здравоохранения и культуры.

Г. Малинецкий

Проблема эффективности вызывает особый интерес специалистов в области экономики и управления. В публикациях специалистов по этим дисциплинам отмеченная проблема зачастую предстает в «матема-

* *Зайковская Анастасия Александровна*, кандидат социологических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

Либенсон Игорь Рувимович, кандидат экономических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

Скитневский Дмитрий Матвеевич, кандидат физико-математических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета.

тизированном» образе, как детально формализованный и открытый для моделирования раздел знания. Однако решение этой проблемы имеет и существенные методологические трудности. Так, известные подходы в оценках эффективности социального управления (СУ), как правило, выстраиваются упрощенно: каждый из увязанных здесь фрагментов системы воспринимается как бы отдельно – экономическая эффективность сама по себе, эффективность управленческой деятельности так же отдельно и т. д. Тем самым ограничивается и возможность решения самой проблемы. Цель данной статьи – развитие подхода к оценкам эффективности социального управления.

Прежде всего, определимся с содержанием главных понятий. Под социальным управлением будем понимать процесс самоуправления социальной суперсистемы по полной функции, включающей социальную модель макроэкономики и такой ее компонент, как научно-технический прогресс (НТП). Обратим внимание: при таком подходе не социальное управление рассматривается как часть экономики, а, напротив, экономика рассматривается как часть объемлющего социального управления [6]. Под экономическим результатом (эффектом) управления будем понимать оценку достижения экономических целей СУ. Социальный результат (эффект) управления – это оценка достижения социальных целей СУ.

Хотя проблема определения эффективности СУ далека от решения, несмотря на то, что сама тема экономической эффективности имеет богатую историю и весьма обстоятельно разработана [10; 13], достаточно ясно проявили себя основные «проблемные точки», затрудняющие ее решение в методологическом плане. Среди них можно указать на имеющие методологическое значение проблемы:

- учета приоритета фактора времени;
- выбора измерителей результатов и затрат;
- выбора контрольных параметров результатов и затрат;
- установления связи между собой критериев эффективности на разных уровнях управления: государственном, территориальном, организационном;
- различия и синтеза социальной и экономической эффективности;
- выбора критериев оценки эффективности;
- выбора критерия обобщающей оценки эффективности СУ.

На корректность оценки эффективности социального управления существенное влияние так или иначе будут оказывать многие противоречия:

- противоречия между векторами целей на государственном и организационно-частном уровнях управления;

- противоречие между экономическими интересами собственников предприятия и социальными интересами наемного персонала;
- противоречие между экономическими интересами производителя и потребителя, т.е. внешней эффективности работы «для других» и внутренней эффективности работы «для себя» [4, 5];
- противоречия между критериями социальной и экономической эффективности на уровне организаций.

Очевидно, что учет всех этих сложностей требует применения не простых, а достаточно сложных методов обработки данных, например, на основе системного моделирования.

Группой российских ученых под руководством профессора В. И. Гурмана, известного специалиста в области теории управления и системного анализа, была разработана и экспериментально успешно опробована на ряде регионов России комплексная социо-эколого-экономическая модель (СЭЭМ) описания региональной системы, пригодная для анализа эффективности управления [2–4]. Это развитая модель, представляющая собой множество взаимосвязанных социальных, экологических, экономических и управлеченческих параметров.

В. И. Гурман утверждает, что критерий эффективности – это показатель субъективный. Добавим, что критерий эффективности можно мыслить и по-другому – это следствие свободного общественного выбора способа социального управления. Способ СУ представляет собой упорядоченную иерархию элементов: концепция управления → теория управления → принципы управления → методы управления. Способ СУ вытекает из субъективного выбора концепции, на которую затем опираются теории, принципы и методы. Применяемые методы оценки эффективности СУ вытекают из исторически доминирующего способа управления, концепции и теории [8].

По мере развития капитализма в странах «капиталистического ядра» сменялись исторические условия, а с ними – концепции и критерии эффективности, из которых выделяются три основных:

1. Концепция дешевой рабочей силы в эпоху первоначального накопления капитала. Критерий: накопление промышленного и товарного капитала за счет минимальной стоимости рабочей силы. Наемные работники от природы ленивы, и чтобы они постоянно работали, им надо платить меньше (Д. Рикардо).

2. Концепция стимулирования роста производительности труда ростом потребления в XX в. Критерий: гипернакопление финансового, банковского, торгового и промышленного капиталов, прежде всего, за счет опережающего темпа роста производительности труда в промышленности над темпом роста трудовых доходов и

социальных пособий рабочего класса на основе удешевления массового выпуска продуктов индустрии преимущественно для городского среднего класса («белых» и квалифицированной части «синих воротничков»).

3. Концепция «человеческого развития» (по умолчанию – «достойных»). Критерий: бесконечное накопление информационно-интеллектуального капитала за счет метатехнологий и идеологического покорения и материального стимулирования «креативного класса» с привилегиями («нетократия» – А. Бард, Я. Зодерквист), с одной стороны, и сверхэффективных (высокопроизводительных и дешевых) технологий создания продуктов с почти нулевыми издержками и «слабыми правами собственности», а также оцифрованной (*big data*) системы тотального социально-экономического контроля неспособных к креативности «всех остальных», с другой стороны. Метатехнологии – это технологии, пользователи которых находятся под полным контролем и не могут конкурировать с их разработчиками.

Думается, что концептуально и идеологически обоснованный вектор развития, зародившийся в недрах индустриальной эпохи и сразу нацеленный в будущее устройство посткапиталистической, постиндустриальной (Э. Тоффлер), трансгуманистической (Д. Хаксли), меритократической (Х. Арендт, М. Янг), технократической (У. Г. Смит), технологически детерминированной (Т. Веблен, Ф. Содди) социальной системы с «глобальной распределительной экономикой» (Ж.Аттали), оказался в стороне от вектора прогрессивного развития цивилизации, основанной на доминации духовных начал человека и общества с развитым общественным самоуправлением по концепции «открытого общедоступного развития способностей и нравственных качеств каждого как условия всестороннего развития всех» [7, 11].

Нельзя не заметить, что оценка результата социального управления на государственном и территориальном уровнях СУ осуществляется, как правило, на основе методики расчета обобщающего показателя «индекса развития человеческого потенциала» (ИРЧП), а с 2013 г. – он называется «индексом человеческого развития» (ИЧР). Индекс используется для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Результаты исследований публикуются в рамках Программы развития ООН в ежегодных отчетах о развитии человеческого потенциала с 1990 г.

ИЧР – это среднеарифметическая величина трех равнозначных компонентов:

1. Доход: ВВП (ВРП) по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США на душу населения.

2. Образование: показатель грамотности (вес в 2/3) и доля учащихся среди детей и молодежи в возрасте от 6 до 23 лет (вес в 1/3).

3. Долголетие: продолжительность предстоящей жизни при рождении (ожидаемая продолжительность жизни).

Интересно обратить внимание на то, что понятие «человеческий капитал» постепенно замещается в информационном поле понятием «человеческий потенциал». В свою очередь «развитие человеческого потенциала» превратилось в понятие «человеческое развитие».

Итак, в качестве общей цели и результата социального управления обозначено человеческое развитие. Вместе с тем, следует понимать, что под термином «человеческое развитие» можно иметь в виду не только прогрессивный процесс – духовно-нравственное развитие личности и общества, но и негативный процесс – духовно-нравственную деградацию личности и общества, которая одновременно может вполне сочетаться с развитым «творческим мышлением» индивидуальным и коллективным интеллектом (творческим мышлением) и научно-техническим прогрессом в экономике, но совершенно бездуховным вектором развития индивидов и общества [7].

Под целью духовно-нравственного развития мы понимаем, прежде всего, не умственное развитие, а развитие чувственного восприятия духовного мира путем каждойдневной работы над собой. Задача же умственного развития – подчинённая и состоит она, прежде всего, в расширении кругозора и освоении исконного Знания о мире и человеке, свободный доступ к которому является основным условием, а его умственное восприятие – основным фактором движения к цели духовно-нравственного освобождения [11].

Примечательно и актуально звучат слова писателя, общественного деятеля, почетного члена краснодарского Центра ЮНЕСКО Александра Усанина: «Необходимо признать, что все проблемы современного общества являются следствием неверных критериев оценки развития общества. В навязанной современному обществу системе оценки, положение дел в государстве оценивается экономическими показателями: количеством инвестиций, экономическим ростом, уровнем ВВП, т. е. уровнем потребления. В то время, как настоящий прогресс человека и общества – это не прогресс потребления, а прогресс отношений всех уровней... Экономические показатели не отражают реально существующей социальной картины. Реально её отражают показатели уровня взаимоотношений между людьми: количество официально заключенных семейных союзов, количество абортов, разводов, количество детей, оказавшихся в детских домах, количество бездомных и безработных, уровень преступности, бытового насилия, коррупции, социальных кон-

фликтов, психических заболеваний, самоубийств, стрессов, отношение к природе – что мы оставим другим? Лишь только по этим, а не каким-то другим цифрам можно судить о положении дел в обществе» [12].

Принято считать, особенно на волне неолиберальной идеологии, что в отличие от материально-вещественных и институциональных условий, духовность не детерминирована, ее нельзя формализовать, измерить, и отсюда духовные цели и результаты духовно-нравственного развития людей непосредственному контролю не подлежат. Поэтому векторе целей и списке контрольных параметров они обычно отсутствуют. Это считается делом со всем иных областей – религии, философии, этики, нравственности, культуры, истории, искусства, воспитания, образования, морали.

Вместе с тем, человечество развивается по законам слияния двух начал: Духовного и Животного, а не просто по законам (детерминизму) материи. При создании определенных фундаментальных и институциональных условий духовность может стать не только управляемым, но и контрольным параметром в любой сфере деятельности, включая учреждения культуры, образования, науки, экономики и личностное саморазвитие [6, 11].

Поиски возможностей формализации духовного фактора и включения его в интегральную оценку эффективности управления не прекращаются. Например, известен опыт использования показателя «Валовое национальное счастье» (ВНС). Это попытка определить жизненный стандарт через психологические и холистические (от др.-греч. *ὅλος* «целый, цельный») ценности. Термин «Gross National Happiness» появился в противопоставление понятию «Gross National Product». Это понятие ввел четвертый король Бутана Джигме Сингье Вангчук в 1972 г. Смысл этого понятия для Бутана состоит в развитии такой экономики, которая соответствовала бы уникальной бутанской культуре, основанной на буддийских духовных ценностях. Духовные ценности и моральные цели трудно поддаются оценке и планированию, поэтому ВНС – это лозунг для целей пятилетнего планирования развития экономики. Общепринятого численного показателя концепция не имеет.

Когда речь идет о таком объекте управления, как люди (человеческие ресурсы, трудовые ресурсы, персонал, кадры, группы, коллективы, сообщества), и о такой цели, как человеческое развитие, то направленность вектора целей (подчиненность целей) социального управления задается рядом переменных:

- 1) духовно-нравственное развитие личности и коллектива;
- 2) интеллектуально-познавательное развитие личности и коллектива;
- 3) институциональное развитие;
- 4) профессиональное развитие личности и коллектива;

5) развитие материально-вещественных условий труда и жизнедеятельности (вещественных средств жизнеобеспечения) личности и коллектива.

По сути, человеческое развитие является функцией этих переменных. Поскольку в данном списке нет незначительных целей, то речь идет о порядке следования этапов целеполагания, так сказать, что «вперед», а что «за ним».

На практике реального управления состав целей, порядок, вкладываемый смысл опять-таки зависят от субъективного выбора. Этот выбор сопряжен с риском появления и усиления неблагоприятных тенденций, т. е. на языке теории управления – усиления вектора ошибки управления.

Во избежание ошибок, вектор целей социального управления следует дополнить списком приоритетов вложенных смыслов, т.е. ценностей. Другими словами, нужно составить, образно выражаясь, «вектор ценностей» социального управления, характерный для прогрессивной цивилизации, опирающейся на доминацию качеств созидательного Духовного начала двойственной природы человека и общества, а не на приоритеты потребительского, разрушительного Животного начала, наоборот, далекого от прогрессивной цивилизации [7, 11].

«Вектор ценностей» представляется так:

- 1) духовное развитие – выбор приоритетов духовного начала;
- 2) освоение исконного духовного знания о мире и человеке;
- 3) институциональное развитие общественного самоуправления;
- 4) профессиональное развитие в видах деятельности, обеспечивающих биосферно допустимые и демографически обусловленные потребности;
- 5) капиталовложения в соответствующие здоровым потребностям общества материально-вещественные факторы производства, труда и жизнеобеспечения, т.е. вложения в производственные ресурсы, условия, средства труда, промежуточную и конечную продукцию, объекты и кадры социальной инфраструктуры.

Если список ценностей мы совместим со списком качественных показателей развития потенциала персонала предприятий, взятым из существующих методик, то приоритеты выстраиваются так:

- 1) духовно-нравственная составляющая и способность к ее развитию;
- 2) гражданская позиция и способность к ее активизации;
- 3) образование и способность к его получению;
- 4) культура и способность к ее развитию;
- 5) здоровье и способность к его сохранению;
- 6) трудовыносливость;

- 7) трудоспособность;
- 8) профессионализм и способность к его совершенствованию;
- 9) предпринимательская активность и способность к ее применению;
- 10) инновационная активность и способность к ее применению.

Конечно, для обеспечения развития человеческого потенциала требуются затраты. Это распределяемые во времени затраты не только физических, интеллектуальных и материально-вещественных ресурсов, но что не менее, а в действительности более важное, – вложение духовной силы или же энергии на уровне личности, персонала организаций, отраслей, кластеров, населения регионов и страны в целом. Затраты духовной энергии не видны и не осязаемы, но при определенных условиях своей созидательной силой они способны обеспечить вполне ощутимые созидательные духовные, социальные и экономические результаты.

Для дальнейшего развития методологии эффективности введем обобщающие понятия прямого и косвенного социального управления [6]. Прямое управление – это управление людьми. Косвенное управление – это управление условиями труда и жизнедеятельности, т.е. управление материально-вещественными условиями производства, труда и жизнеобеспечения. Косвенное управление создает условия для прямого управления. Контрольные параметры затрат также целесообразно различать как прямые и косвенные.

Инвестиции (затраты) в материально-вещественные и кадровые факторы производства, труда, объекты и профессиональную подготовку кадров социальной инфраструктуры отнесем к косвенным затратам социального управления, что требует разработки соответствующей группировки затрат. В свою очередь,правленческие затраты как таковые отнесем к прямым затратам социального управления.

Подход, основанный на выделении косвенного и прямого социального управления, ставит перед методикой оценки эффективности СУ следующие задачи:

- 1) исчисление показателей затрат косвенного СУ;
- 2) исчисление показателей затрат прямого СУ;
- 3) исчисление показателя общих (совокупных) затрат СУ;
- 4) выбор критериев оценки эффективности косвенного, прямого и объемлющего СУ.

Мы говорили уже о примате косвенного управления над прямым: «Измени условия, и все изменится» [6]. Поэтому в процессе косвенного управления в сочетании с развитием институтов общественного самоуправления на духовном векторе человеческого развития затраты на прямое управление (людьми), а именно затраты на содержание большого аппарата контроля и управления, в целом будут снижаться, т.е. будут сово-

купно сокращаться те затраты, которые сегодня в бухгалтерском учете называются «управленческие расходы», причем как абсолютно, так и относительно экономических вложений в материально-вещественные условия и факторы производства, труда, социальной инфраструктуры и жизнедеятельности, т.е. относительно того, что мы предлагаем идентифицировать как косвенные затраты социального управления.

Предлагаем универсальные критерии оценки двух сторон и общей эффективности социального управления:

1. Критерий социальной эффективности СУ – это достижение целевого уровня человеческого развития при минимальных общественных экономических издержках (инвестиций в создание материальных условий производства, труда, инфраструктуры и жизнедеятельности – косвенных затрат СУ).

2. Критерий экономической эффективности СУ – это достижение целевого уровня экономического результата (добавленной стоимости) при минимальных общественных управленческих затратах (затрат на управление – прямых затрат СУ).

3. Обобщающий критерий эффективности СУ – находим путем объединения данных критериев социальной и экономической эффективности в единую модель эффективности социального управления:

$$MЭСУ = MЧР/ДС \cdot DC/UP,$$

где $MЭСУ$ – модель эффективности СУ, критерием оценки которой является достижение некоторого целевого уровня; $MЧР/ДС$ – социальная эффективность СУ; DC/UP – экономическая эффективность СУ; $MЧР$ – мера человеческого развития на анализируемом уровне СУ; UP – приведенные управленческие расходы; DC – валовая добавленная стоимость («функционал материального благосостояния» по В. И. Гурману).

Валовая добавленная стоимость (DC) – это текущий чистый доход и одновременно вновь созданный общественный инвестиционный фонд (DC), который должен распределяться на следующие нужды:

1) конечное потребление (оплату труда и расходы на социальную помощь);

2) дополнительные расходы частных организаций в материально-вещественные факторы производства и условия труда, объекты социальной инфраструктуры, обучение и повышение квалификации сотрудников;

3) государственные расходы;

4) чистый экспорт.

Приведенные управленческие расходы соответствующего уровня управления находятся по формуле:

$$UP = C + E_n \cdot K,$$

где C – текущие управленческие расходы; K – дополнительные капиталовложения в аппарат управления (управленческие имущество и управленческий персонал); E_n – нормативный коэффициент эффективности дополнительных капиталовложений в аппарат управления (норма восстановления расходов).

Логика МЭСУ такая: экономический результат управления – вновь созданная в экономике ДС, которая расходуется на обеспечение условий и факторов производства, труда и жизнедеятельности, – не является самоцелью, а является косвенными затратами общества, общественными экономическими издержками, материально-вещественными условиями для человеческого развития и его конечного результата – становления Homo Verus.

Иными словами, не человеческое развитие рассматривается как главный фактор достижения целей НТП и экономического роста, а экономическое развитие, включая инвестиции в «человеческий капитал» и НТП, является условиями, сопутствующими результатами движения к самой главной цели – «человеческому развитию». Или иначе, бесполезна для общества постановка цели интеллектуального развития (развития вторичного сознания), научно-технического прогресса и экономического роста (роста потребления) без приоритета цели опережающего духовно-нравственного развития как основы того, что мы называем «социальным развитием».

Управленческие расходы в данном ключе рассматриваются как косвенные по отношению к экономическому результату и как прямые по отношению к социальному результату СУ.

Сложности применения данной модели к оценке эффективности социального управления заключаются в наличии нескольких проблем:

1) определение единицы измерения величины, уровня и темпа человеческого развития (МЧР) в корреспонденции с доминирующей в экономике денежной мерой стоимости;

2) обеспечение (расчета) эквивалента денежной меры (цен и тарифов) натуральной мере добавленной стоимости, формируемой на уровне предприятия, региона, страны;

3) доступность (или даже наличие учетно-статистической базы данных) информации о полноте и направлениях финансового распределения добавленной стоимости в экономические и социальные материально-вещественные условия развития человеческого потенциала, контролируемого с данного уровня управления.

Как отмечалось, векторе целей человеческого развития на первом месте стоит духовно-нравственное развитие человека и общества. Поэтому обобщающий критерий (по Л. М. Чистову [13] – «монокритерий») экономической эффективности СУ выражается в свободном от удовлетворения материальных потребностей личном и общественном

времени, которое люди могут использовать для своего индивидуального и коллективного духовно-нравственного саморазвития. А целевое использование времени, свободного от работы и потребления, для развития внутренних своих качеств Духовного начала по максимуму будет означать социальную эффективность СУ.

Как известно, человек состоит из элементов с особыми функциями: это Тело, Сознание, Личность и Душа [7, с. 114]. Отсюда перед научной, педагогической, образовательной, экономической, экологической, государственной, общественной и личной управленческой деятельностью возникает простой спектр задач: Тело – тренировать; Сознание – дрессировать; Личность – развивать; Душу – освобождать.

Реальность такова, что если на уровне общественного (странового, регионального, местного) социального управления в мирных условиях и при достаточно развитой экономике, так или иначе, можно говорить о примате социальных целей над целями экономическими, то на уровне предприятий это не так. Социальное управление персоналом предприятий подчиняется экономическим целям и результатам, ради которых и создается предприятие. Эффективность СУ предприятий определяется как степень применения возможностей и потенциала каждого сотрудника для достижения экономических целей предприятия, выражаемых в получении прибыли. Социальную эффективность здесь рассматривают как часть экономической эффективности.

Однако нет единого подхода к оценке социальной эффективности. Сложность заключается в том, что процесс труда тесно связан с разными целями: производственного процесса и получения продукции, удовлетворения социальных потребностей и интересов персонала, а также развития организации. В действительности эти цели в условиях частной собственности на производственный капитал и наемной формы труда противоречат друг другу. Дело также осложняется тем, что в этих условиях экономические цели управления предприятий полностью не совпадают с социальными целями управления на уровне общества. Поэтому на уровне предприятий методику оценки чаще строят на отборе критериев эффективности для производственной и социальной подсистем предприятия в отдельности. В качестве таких критериев выступают автономные цели этих подсистем.

Взаимодействие экономических и социальных интересов стремится к установлению баланса целей, а по сути – баланса власти, т. е. когда последствия принимаемых решений позволяют в удовлетворительной мере одновременно достигнуть и социальных и экономических целей.

Итак, цели экономической и социальной эффективности постоянно конкурируют друг с другом. Поэтому социальное управление на

предприятии – это всегда сложный компромисс по достижению баланса между экономической и социальной эффективностью управления с одной стороны, и внутренней (инвестиционной частной) и внешней (отраслевой, региональной, общественной, личной) экономической эффективностью предприятия с другой.

Социальное управление персоналом предприятий связано с расходами, увеличивающими себестоимость и уменьшающими прибыль. Поэтому, чтобы изменить отношение бизнеса к социальному управлению по «остаточному принципу», необходим целый комплекс решений на государственном, общественном и организационном уровнях, также включающих в себя введение критериев оценки эффективности СУ на всех его уровнях.

Эффективность СУ предприятий определяется тремя результатами, которые на этапе целеполагания вместе образуют вектор целей развития человеческого потенциала персонала:

1. Развитие личностного потенциала персонала (духовно-нравственное).
2. Развитие кадрового потенциала организации (профессионализма персонала).
3. Развитие трудового потенциала персонала (трудового мастерства).

Социальную эффективность ученые предлагают оценивать по ряду показателей, в число которых включают такие, как: экономическая эффективность труда; социальная эффективность труда; конечные результаты производства; производительность труда; качество трудовой жизни; балльная оценка эффективности труда; оценка трудового вклада (КТВ, КТУ) и т. д.

В вектор целей в контексте эффективности социального управления на уровне предприятий предлагают включать:

- 1) экономический потенциал предприятия;
- 2) затраты на условия и охрану труда;
- 3) затраты на производственную и социальную адаптацию;
- 4) материальное вознаграждение трудового вклада, с учетом покупательной способности (семейных бюджетов);
- 5) капитальные и текущие затраты в объекты социальной инфраструктуры предприятия;
- 6) затраты на молодежные программы;
- 7) затраты на обучение и повышение квалификации;
- 8) социальные денежные льготы и компенсации работникам;
- 9) внебиржевое время и расходы на досуг;
- 10) вложения в социально-психологический климат коллектива и т.д.

В настоящее время наблюдается смещение акцента с подчинения социальных целей и социальной эффективности целям экономической эффективности организаций – на акцент приоритета социальных целей и эффективности как таковых. Вместе с тем, типовой методики оценки социальной эффективности на уровне организаций нет, как нет и единой методологии, на которую бы опирались предлагаемые авторами методики.

Вопросы социальной эффективности управления персоналом обстоятельно рассмотрены в работах А. П. Егоршина, А. Я. Кибанова, Ю. Г. Одегова, А. К. Семенова. Считается, что потребность работников будет удовлетворена в том случае, если уровень приложенных усилий в процессе труда соответствует ценности вознаграждения. Если организация предоставляет своим работникам хорошие условия труда, достойную заработную плату, дает возможность реализации личных целей, стимулирует творчество, возможность самореализации, обеспечивает социальными услугами, то логично предположить, что социальная эффективность управления в данной организации высока. Предполагается, что такая организация быстрее достигнет поставленной экономической цели (прибыли) с меньшими затратами.

Интересное определение социальной эффективности дано А. И. Архиповым: социальная эффективность – это сложная многофункциональная система связей, обуславливающая достижение конечной цели организации, которая заключается в удовлетворении потребностей людей [1].

Социальную эффективность управления персоналом предлагается оценивать через категории и группы показателей. Так, А. Л. Кузнецов предлагает интересную, продуманную, практико-ориентированную систему показателей оценки социальной эффективности организации, посредством которой фактически оценивается управление социальным развитием предприятия (организации) на гуманных принципах [9]. Это две категории показателей.

Первая категория – «Гуманизация труда» – содержит показатели, характеризующие состояние социальных процессов непосредственно в самой организации, которые объединены в три блока: «Социальная структура коллектива», «Условия труда и культурно-бытовые условия», «Оплата и дисциплина труда». Автор полагает, что такое разделение позволяет оценить состояние по каждому направлению в отдельности и определить потенциальные резервы повышения эффективности производства за счет отдельных групп социальных факторов.

Вторая категория – «Социальная инфраструктура (условия качества трудовой жизни)» – позволяет судить не только об обеспеченности работников различными объектами социальной инфраструктуры, но и о

социальной миссии предприятия по отношению к жителям той территории, на которой оно расположено.

Предлагается четыре группы показателей.

К первой группе относят показатели, характеризующие условия труда персонала. Ко второй группе относят показатели, характеризующие организацию и мотивацию персонала. Третья группа показателей характеризует социальные условия работников и представлена обеспеченностью детскими дошкольными учреждениями, лечебными учреждениями, жильем, путевками в оздоровительные учреждения, средней заработной платой одного работника, текучестью кадров. Четвертую группу показателей составляют показатели, определяющие квалификацию персонала.

Контролируемые показатели, которые отражают частные случаи эффективности социального управления по группам, следующие:

1. Показатели условий труда:

- 1) индекс соответствия условий труда типовым;
- 2) коэффициент безопасности труда;
- 3) коэффициент механизации (автоматизации) труда;
- 4) уровень технической вооруженности управленческого труда;
- 5) коэффициент обеспеченности санитарно-бытовыми помещениями;
- 6) коэффициент условий производственного быта.

2. Показатели организации и мотивации труда:

- 1) коэффициент дисциплины труда;
- 2) коэффициент исполнительности;
- 3) коэффициент использования информации;
- 4) коэффициент трудового участия;
- 5) равномерность загрузки персонала;
- 6) коэффициент уровня трудовой дисциплины;
- 7) коэффициент соотношения среднемесячной заработной платы работников организации и в регионе;
- 8) коэффициент соотношения средней заработной платы руководителя предприятия и низкооплачиваемой категории работников.

3. Показатели социальных условий:

- 1) коэффициент обеспеченности жильем;
- 2) коэффициент обеспеченности детскими учреждениями;
- 3) коэффициент обеспеченности лечебно-оздоровительными учреждениями;
- 4) коэффициент обеспеченности культурными, просветительными, культовыми учреждениями;
- 5) коэффициент обеспеченности спортивными сооружениями.

4. Показатели квалификации персонала:

- 1) коэффициент образовательного уровня кадров;
- 2) коэффициент квалифицированности;
- 3) коэффициент соответствия кадров профилю работы;
- 4) коэффициент повышения квалификации кадров;
- 5) индекс удельного веса кадров данной категории;
- 6) коэффициент стабильности кадров.

Завершается методика формулами интегральных (обобщающих) показателей оценки эффективности.

1. УІ – уровень гуманизации труда.

2. Уп – уровень качества трудовой жизни (КТЖ).

Имеются и другие методики, основанные на разделении экономической и социальной эффективности. Например, для оценки экономической эффективности предлагается принять:

1) соотношение расходов, необходимых для обеспечения предприятия квалифицированными кадрами, и результатов, полученных от их деятельности;

2) отношение бюджета подразделения предприятия к численности персонала этого подразделения;

3) стоимостная оценка различий в результативности труда (определяется разницей оценок результатов труда лучших и средних работников, выполняющих одинаковую работу).

Для оценки социальной эффективности:

1) показатели состояния морально-психологического климата в трудовом коллективе. Это показатели, позволяющие судить о мотивации, потребностях и конфликтности в трудовом коллективе;

2) показатели, характеризующие влияние социальных программ на экономическую результативность деятельности работников и предприятия в целом (повышение производительности труда, улучшение качества товаров, экономия ресурсов).

Нетрудно заметить, что авторские системы оценочных показателей в основном соответствуют концепции социального развития организации, в которой экономические параметры (косвенного социального управления) приспосабливаются к задаче непосредственной оценки социального результата и эффективности управления. Мы полагаем, это отличается от концепции социального развития персонала (человеческих трудовых ресурсов), присущей социальному управлению [6]. Тем не менее, существующие разработки можно и нужно использовать для создания единой методики оценки эффективности социального управления.

Подводя итог, следует отметить главное. Социальное управление нуждается в создании прогрессивной методологии и единой методики оценки собственной эффективности. Существующая методология оценки эффективности социального управления нуждается в развитии подхода к синтезу экономической и социальной эффективности. Необходимо создание основанной на едином подходе методики оценки экономической, социальной и общей эффективности социального управления на государственном, региональном, местном и организационном уровнях управления. Кроме того, духовно-нравственное развитие личности, коллектива и общества необходимо рассматривать как важнейший показатель направленности вектора целей социального управления и критерий оценки его эффективности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипов А. И. Экономический словарь / А. И. Архипов. – М. : Проспект, 2006. – 606 с.*
2. *Моделирование социо-эколого-экономической системы региона / под ред. В. И. Гурмана, Е. В. Рюминой. – М. : Наука, 2001. – 175 с.*
3. *Гурман В. И. Моделирование устойчивого развития региона и инвестиционных стратегий / В. И. Гурман, И. Р. Либенсон, Д. М. Скитневский // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2013. – №1 (17). – С. 10–15.*
4. *Дейч О. И. Подходы к оценке эффективности инвестиций с учетом факторов устойчивого развития региональной системы / О. И. Дейч, И. Р. Либенсон, Д. М. Скитневский // Вестник ИрГСХА. – 2014. – № 60. – С. 133–140.*
5. *Дейч О. И. Критерии оценки внешней и внутренней эффективности инвестиций / О. И. Дейч, И. Р. Либенсон, Д. М. Скитневский // Вестник ИрГСХА. – 2014. – № 63. – С. 110–119.*
6. *Зайковская А. А. Развитие предмета и метода социального управления / А. А. Зайковская, И. Р. Либенсон // Культура. Наука. Образование. – 2018. – № 4 (49). – С. 112–132.*
7. *Зайковская А. А. Социальные потребности, управление и прогресс общества / А.А. Зайковская, И. Р. Либенсон // Культура. Наука. Образование. – 2018. – № 3 (48). – С. 103–122.*
8. *Зайковская А. А. О способе социального управления / А. А. Зайковская, И. Р. Либенсон // Культура. Наука. Образование. – 2018. – № 2 (47). – С. 130–137.*
9. *Кузнецов А. Л. Социальные стратегии предприятия / А. Л. Кузнецов. – Ижевск : Изд-во ИжГТУ, 2000. – 227 с.*
10. *Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. – М. : Экономика, 2000. – 241 с.*
11. *Новых А. Сэнсэй IV. Исконный Шамбалы / А. Новых. – Киев : АЛЛАТРА, 2013. – 704 с.*
12. *Усанин А. Е. Основа новой цивилизационной идеологии / А. Е. Усанин. – Режим доступа: <http://usarin.com/blog/osnova-novoj-civilizacionnoj-ideologii/>.*
13. *Чистов Л. М. Экономика строительства / Л. М. Чистов. – СПб. : Питер, 2002. – 256 с.*

УДК 81.00

Р. Г. Баринов, М. В. Дорохова*

**ОПЫТ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ТЕРРИТОРИИ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Статья посвящена описанию опыта адаптации детей-мигрантов на территории Иркутской области и Красноярского края. Рассмотрен вопрос о создании единой общей модели интеграции в полигкультурном пространстве в рамках преподавания русского языка как неродного как инструмента в процессе социализации инофона в российской школе, а также в рамках дошкольного образования. Предложены модели по социальной адаптации мигрантов, обучающихся в образовательных организациях среднего профессионального образования, а также в высших учебных заведениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальная политика, инофон, русский язык как не-родной, межкультурная коммуникация, автономная некоммерческая организация, профилактические меры, социальная адаптация.

R. G. Barinov, M. V. Dorokhova

**THE EXPERIENCE OF THE ADAPTATION OF CHILDREN
MIGRANTS IN A CULTURAL LINGUISTICS AREA
IN THE TERRITORY OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT**

This article describes the experiences of the adaptation of migrant children in the Irkutsk and Krasnoyarsk regions reviewing the issue of creating an overall model of integration into a multicultural area within the framework of the Russian language that is not native but an instrument in the process of socialization of the children who do not speak Russian in a Russian school as well as in a preschool education. The proposed model for social adaptation of migrants who are enrolled in an educational organization in the middle professional education as well as in higher education.

KEYWORDS: National politics, not a native speaker, Russian language as a non-native, intercultural communication, autonomous non-profit organization, Preventative measures, social adaptation.

* **Баринов Роман Геннадьевич**, начальник управления общественных связей Правительства Красноярского края.

Дорохова Марина Владимировна, старший преподаватель Иркутского государственного университета.

В современной Российской Федерации в области образования одним из ключевых вопросов является адаптация детей-мигрантов, поступающих в общеобразовательные учреждения [1–3]. Попадая в иную языковую среду, независимо от пола и возраста, обучающийся испытывает культурный шок в разной степени. Перед воспитателями детских садов, учителями СОШ, преподавателями СПО и вузов остаётся актуальным вопрос об адаптации категории иностранных учащихся в условиях российского образовательного учреждения. В рамках Государственной национальной политики, Концепции преподавания русского языка в стране активно популяризируются социально значимые проекты по обучению инофонов в разных регионах [4]. Актуальность статьи обусловлена описанием опыта реализации проектов по адаптации детей-мигрантов в Сибирском федеральном округе, в частности, на территории Иркутской области и Красноярского края [5–8].

В указанных регионах реализованы проекты по адаптации мигрантов, направленные на разные категории инофонов: от воспитанников детского сада до трудовых мигрантов, которые не в меньшей степени нуждаются в социокультурной адаптации в РФ.

На территории Иркутской области в течение пяти лет реализуется проект «Хочу всё знать» по адаптации детей мигрантов по инициативе члена Общественной палаты Иркутской области Д. Саакяна и куратора проекта – старшего преподавателя кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «ИГУ» М. В. Дороховой. Реализуемый проект является одной из вариативных моделей по адаптации мигрантов, опубликован в сборнике лучших проектов Общественной палаты Российской Федерации.

В процессе реализации проекта для получения контрольных результатов эксперимента были привлечены школы города, учителя, работающие в этих школах. Результаты данного проекта обсуждались на круглом столе «Диалог культур глазами детей», который проводился ежегодно при поддержке Правительства Иркутской области и Общественной палаты в течение трех лет (2016–2018).

В рамках данных мероприятий обсуждались проблемы обучающихся-мигрантов на момент поступления в школы г. Иркутска и Иркутской области и пути их решения [9, 10]. Основное внимание уделялось не только обсуждению особенностей адаптации детей-мигрантов, но и необходимости поиска методов обучения русскому языку, так как данный школьный предмет является базовым, в условиях, когда все остальные дисциплины обучающийся осваивает именно на русском языке.

Говоря о качестве языкового образования в рамках преподавания русского языка как неродного в средней общеобразовательной школе РФ, участники круглого стола пришли к выводу, что необходимо повысить уровень грамотности обучающихся в полинациональном классе, чтобы реализовать главную образовательную цель – формирование компетентного носителя языка на основе обучающих программ (индивидуальных, компьютерных), стандарта среднего (полного/ общего) образования по русскому языку в соответствии с данным компетентностным подходом.

Учитывая итоги круглого стола «Диалог культур глазами детей» и опираясь на стандарт, рассмотрим структуру педагогического процесса в поликультурном классе на примере средних общеобразовательных школ в городе Иркутске (рис. 1).

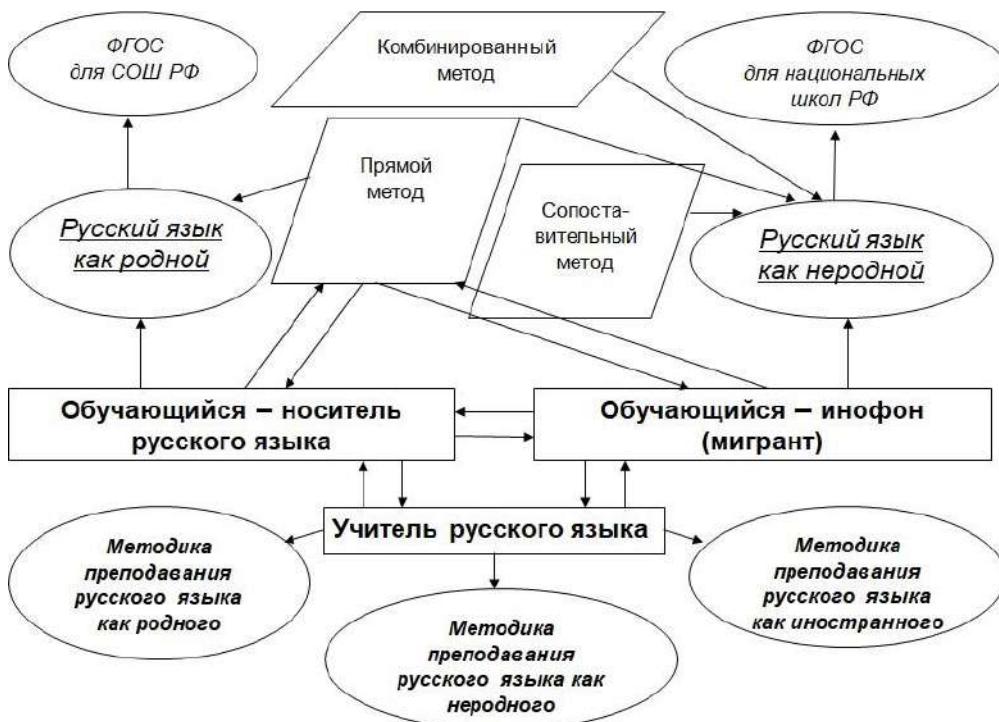

Рис. 1. Структура педагогического процесса в поликультурном классе

На рис. 1 представлен процесс взаимодействия между обучающимся-инофоном (мигрантом), обучающимся-носителем русского языка и учителем. Обучающиеся коммуницируют как между собой, так и с учителем одновременно.

Учитель взаимодействует на уроке с обучающимися с помощью разных методов и приемов. Например, на уроке педагогом используется прямой метод для обеих категорий учеников, а сопоставительный и комбинированный методы эффективны только при обучении русскому языку нерусских обучающихся.

Т. Ю. Уша для таких классов предлагает интегративную методику [7], включающую в себя методику преподавания русского языка как неродного в русскоязычной школе, но и это не может быть универсальным, так как для 1–5 % обучающихся язык может быть совершенно не знаком, тогда учитель начинает использовать методику преподавания русского языка как иностранного. Все эти три методики учителю необходимо объединить в рамках одного урока, адаптируя материал, вместе с тем, не вызывая замедлений в процессе развития полученных навыков в области владения родным языком его носителя. Анализ опыта преподавания русского языка в полинациональном коллективе учащихся средней школы и учебно-методической литературы показывает, что вопрос интеграции методов в подобной учебно-методической ситуации остаётся открытым.

В Иркутской области в связи с этим проект автономной некоммерческой организации дополнительного образования «Знание плюс» – «Хочу всё знать!» помог частично решить проблему адаптации детей-мигрантов. Важно отметить, что данный проект был реализован в рамках государственной программы Иркутской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурного развития народов Иркутской области». Обучение проводилось на базе Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского, а также на базе Иркутской областной юношеской библиотеки им. И. П. Уткина.

В ходе работы были выявлены следующие проблемы у обучающихся: 1) минимальный запас лексики (в том числе и разговорной) на русском языке; 2) низкий уровень владения книжными стилями речи; 3) сложность тренировочных упражнений из учебных пособий по структуре и семантическому восприятию; 4) языковой барьер инофонов в русскоязычном классе.

В ходе решения перечисленных проблем был выработан следующий алгоритм: подготовка, информационная работа (приглашение участников и детей), торжественное открытие проекта, вводное тестирование, занятия (еженедельно по воскресеньям, а также экскурсии в музеи и конкурс сочинений), финальная интеллектуальная игра, олимпиада по русскому языку как иностранному (контрольное тестирова-

ние), торжественное награждение участников (подведение итогов, закрытие).

Основной этап. Инофоны были разделены на две группы: уровень А1 и В1. Работа осуществлялась в рамках обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ), т.е. учащимися-мигрантами были освоены следующие аспекты: «Лексика. Грамматика», «Чтение», «Письмо», «Аудирование», «Говорение». Также на занятиях учащиеся в рамках межкультурной коммуникации рассказали не только о своих культурах на русском языке, но и познакомились с российской культурой, в частности, с культурой и историей г. Иркутска (организованы экскурсии в музеи и храмы г. Иркутска), приняли участие в развивающих играх в рамках обучения РКИ.

В проекте приняли участие дети разных национальностей: таджики, киргизы, узбеки, армяне и др. Более 200 детей-мигрантов обучались в следующих школах г. Иркутска: № 5, № 24, № 27, № 32, № 35, № 39, № 42, № 50, № 55, № 66, № 76, № 77, № 88 и др.

Качественные результаты:

1) создана жизнеспособная база для совместной работы с детьми из семей мигрантов;

2) разработаны технологии по преподаванию РКИ.

В результате были выполнены следующие задачи:

1) обучающимися-мигрантами преодолен языковой барьер;

2) улучшен уровень владения русским языком;

3) отмечено проявление интереса к городу и русской культуре.

Поставленные цели достигнуты в полной мере, о чем свидетельствуют количественные и качественные показатели результативности проекта. После проведения данного интерактивного курса дети стали ближе друг к другу, научились работать в команде.

Итогом проекта «Хочу все знать!» в 2017 г. стало участие в областном конкурсе сочинений «80 лет в мире и согласии» и итогом проекта в 2018 г. стала олимпиада по РКИ «Поликультурный Иркутск» при поддержке Правительства Иркутской области и Общественной палаты Иркутской области. В результате проведенных мероприятий с обучающимися-мигрантами удалось выстроить дискурс согласования с родителями, учителями, ежедневно работающими с этими детьми в школе, что свидетельствует об острой необходимости для Иркутского региона подобных образовательно-воспитательных мероприятий, грантов, которые положительно влияют на процесс адаптации детей-мигрантов в русскоязычном пространстве.

Вопрос адаптации мигрантов активно изучается на территории всего Сибирского федерального округа, в связи с чем преподаватели

Иркутского государственного университета были приглашены на межрегиональную встречу по данной проблеме. В рамках реализации государственной национальной политики на территории Красноярского края 26 октября 2018 г. состоялся семинар «Профилактика этнического и религиозного экстремизма и терроризма в России и регионах Сибири». На данном мероприятии был представлен опыт работы органов государственной власти и общественных организаций на уровне Сибирского федерального округа по интеграции и адаптации мигрантов в Восточной Сибири.

В рамках государственной программы Красноярского края «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края» Управлением общественных связей губернатора Красноярского края были разработаны методические рекомендации по использованию книжек-раскрасок «Семья народов Красноярского края» для детей младшего школьного возраста, изучающих русский язык. Данное пособие включает в себя следующие темы: «Россия и Красноярский край», «Природа и территории многонационального Красноярского края», «Межнациональный край: дружба народов и согласие», «Традиции народов Красноярского края». Ключевой целью данных занятий является культурная адаптация детей-мигрантов, а также формирование положительных образов РФ, ее государственных символов, Красноярского края как региона РФ; формирование у детей представления о дружбе народов, гармонии и согласии; формирование представления о традициях, которые способствуют единению людей, их дружбе. Материал был успешно апробирован не только в г. Красноярске, но и в Березовском, Емельяновском, Казачинском, Ермаковском, Шушенском районах Красноярского края. Педагоги отметили, что в процессе использования данных материалов, знакомство с русской и местной культурой было интересно не только для инофонов, но и для носителей русского языка аналогичного дошкольного возраста. В некоторых группах педагоги использовали эти раскраски как модель для разработки дополнительных занятий, в ходе знакомства с культурой инофонов в рамках уроков детей-мигрантов и учащихся-носителей русского языка, в том числе и с помощью тех и других родителей. Учителя проводили открытые занятия для успешного взаимодействия не только самих детей, но и их родителей-мигрантов, которым также было не менее важно адаптироваться в новой социальной роли родителя уже на территории РФ.

Новым успешно реализованным проектом, апробированным в 2018 г. в Красноярском крае, также следует назвать проект «Образовательный модуль дополнительной подготовки преподавателей вузов,

сузов и иных специалистов, занимающихся работой с молодежью и студентами “Профилактика экстремизма и радикализма в молодежной среде”» под научно-методическим руководством Н. П. Копцевой – заведующей кафедрой культурологии Сибирского федерального университета (учебный модуль), где подробно составлены планы занятий, проводимых с преподавательским составом, а также представлен комплект методических пособий, в которых содержатся практические задачи, созданные на основе реальных фактов и направленные на отработку навыков по выявлению экстремистских течений среди студенческого массива вузов региона. Этот проект позволяет вовремя оказать методическую помощь преподавателям для грамотного и структурированного реагирования, если студент оказывается под влиянием возможных экстремистских групп.

Уникален опыт Красноярского региона и в том, что активную деятельность ведет Совет национальных молодёжных объединений Красноярского края «МИР», где студенческий массив, сообщество молодых специалистов в рамках разных объединений могут взаимодействовать между собой для достижения определенных общественно-полезных задач, в том числе и по учебной миграции в разрезе проблемы интеграции и адаптации с обеих сторон.

С лингвокультурологической точки зрения также целесообразным по реализации является проект «Коренные малочисленные народы Севера Красноярского края», благодаря которому удалось восстановить культурную модель (декоративно-прикладное искусство, фольклор на национальном языке, в том числе на ненецком, долганском и энском языках), что вносит неоценимый вклад по восстановлению структуры развития культуры этносов региона и по сохранению этого наследия на сегодняшний день, а также по обучению подрастающего поколения их национальному языку. У Красноярского региона имеется уникальный опыт функционирования школ по изучению энского, ненецкого и долганского языков, а также эвенкийского. Аутентичность культуры малых народов является важным элементом в формировании современной культуры не только в рамках региона, но и общекультурной традиции страны в целом, а язык здесь выполняет функцию инструмента по сохранению культурного наследия.

Таким образом, на основе успешно реализованных проектов в этих двух регионах, можно построить одну из вариативных моделей по адаптации инофонов, начиная с дошкольного образовательного учреждения, а также уже в средней общеобразовательной школе, затем в среднем профессиональном учебном заведении, в высшем учебном заведении. Только такой непрерывный процесс, структурированный в единую мо-

дель, позволяет добиться поставленных образовательных и культурологических задач, направленных на адаптацию мигранта. А возможность сохранения уникальности языков малых народов является не менее важным аспектом, в том числе и при работе с мигрантами, так как это модель возможности существования микрокультур в рамках общей культуры, что не позволит развиваться агрессивному этноцентризму как у мигрантов, так и местных жителей.

В рамках сотрудничества в вопросе адаптации мигрантов между Иркутской областью и Красноярским краем ведётся активная работа по созданию общих концепций при поддержке Управления общественных связей Правительств этих двух регионов, а также при поддержке ведущих вузов, в частности, Иркутского государственного университета и Сибирского федерального университета в г. Красноярске.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016–2020 годы : постановление Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481 (ред. от 02 апр. 2016 г.).
2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования : приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413 (ред. от 31 дек. 2015 г.) (Зарегистрировано в Минюсте России 07 июня 2012 г. № 24480).
3. Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 09 апр. 2016 г. № 637-р.
4. ФГОС: Примерные программы по учебным предметам. Русский язык. 5-9 классы. Проект. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 2010. – 112 с.
5. Антонова В. Е. Дорога в Россию / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, М. В. Сафронова. – 13-е изд. – СПб.: Златоуст, 2016. – 344 с.
6. Дронов В. В. Русский язык. 4 класс: учебник для зарубежных школ / В. В. Дронов, И. В. Мальцева, В. П. Синячkin. – М. : Дрофа, 2012. – 173 с.
7. Уша Т. Ю. Интегративная методика обучения русскому языку в современной поликультурной школе: к постановке проблемы / Т. Ю. Уша // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3(46). – С. 132–136.
8. Хавронина С. А. Русский язык в упражнениях (для говорящих на английском языке) / С. А. Хавронина, А. И. Широченская. – 15-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2006. – 284 с.
9. Режим доступа: http://www.opirk.ru/info/540/?sphrase_id=27.
10. Режим доступа: http://polit.ru/news/2016/05/26/russian_language/.

ПСИХОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.92; 159.96

Э. В. Зауторова*

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ ОСУЖДЕННЫХ

В статье описаны особенности жизненных планов осужденных, которые представляют собой высший уровень развития направленности личности и предоставляют возможность прогнозировать и производить коррекцию поведения осужденных в исправительных учреждениях. На жизненные планы влияют особенности личности осужденных, возрастные, психологические и физиологические состояния, а также характер совершенного преступления, количество судимостей, срок наказания, степень педагогической запущенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: места лишения свободы, осужденный, жизненные планы, ценностные ориентации, коррекционная работа пенитенциарного психолога.

E. V. Zautorova

FEATURES OF THE LIFE PLANS

The article describes the features of the life plans of convicts, which represent the highest level of development of the national rights of the individual and provide an opportunity to predict and correct the behavior of convicts in correctional institutions. The life plans are influenced by the personality of convicts, age, psychological and physiological conditions, as well as the nature of the crime, the number of convictions, the term of punishment, the degree of pedagogical neglect.

KEYWORDS: places of deprivation of liberty, convict, life plans, value orientations, correctional work of a penitentiary psychologist.

На сегодняшний день первостепенной задачей уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, которые отбыли срок наказания и освободились из мест лишения свободы. Основным инструментом реализации данной задачи является улучшение социальной

* Зауторова Эльвира Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, ведущий научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт ФСИН России».

и психологической работы в исправительных учреждениях. Однако параллельно возникает вопрос о том, что может послужить мотивацией для осужденного на его правомерное поведение после освобождения из мест лишения свободы.

В ходе диагностики и психолого-педагогической работы с осужденным в условиях изоляции внимание пенитенциарных психологов занимает вопрос изучения их жизненных планов, так как возможность адаптации и саморазвития в условиях достаточно динамичной социально-экономической ситуации в стране обеспечивается, в первую очередь, умением личности планировать собственную жизнь. Жизненные планы позволяют человеку адекватно и своевременно реагировать на постоянно меняющиеся условия окружающей среды, сохранять устойчивость в жизни, деятельности и общении, реализовывать свои способности, возможности и потребности.

Жизненный план человека – это эмоционально окрашенные решения, в соответствии с ведущими ценностями и мотивами личности, о целях и способах их реализации в значимых сферах жизнедеятельности. Эти решения отражены в мотивационно-организационном (мотивы, цели и средства планов), эмоционально-оценочном (эмоциональные переживания в связи с планированием) и субъектном (представления о субъекте его осуществления) компонентах жизненного плана [1]. Жизненные планы дифференцируются исследователями либо по характеристикам, либо по индивидуально-психологическим особенностям субъектов.

Личность осужденного представляет собой совокупность взаимосвязанных личностных черт и образований, ядром которых являются негативные свойства, сформированные под влиянием пройденного жизненного пути, тех условий и обстоятельств, в которые был включен человек. Личностный смысл большинства преступлений, совершенных осужденными, состоит в самоутверждении, подтверждении собственно го биологического и социального бытия. Предпосылкой выбора криминального пути решения жизненных проблем является специфика мотивации правонарушителей.

Исследования подтверждают, что мотивационная сфера у осужденных уже и беднее, потребности культурные по происхождению и духовные по форме отсутствуют или находятся в зачаточном состоянии развития. Все это лишает жизнь смысла, большой значимости, демобилизует, деморализует личность, создает неуверенность, сужает проявление творческих возможностей, низводит мотивацию до узкоситуативных побуждений текущего момента [2, с. 13].

У лиц, осужденных к длительному лишению свободы, проблема планирования своего будущего, дальнейшей жизни, перспектив станов-

вится наиболее актуальной. Это происходит в связи с тем, что при длительных сроках лишения свободы у осужденных происходит ослабление или разрушение социально-полезных связей, появляются мысли о том, что наказание назначено несправедливо, а процесс их дальнейшей ресоциализации значительно усложняется. Все это приводит к тому, что в дальнейшем, после освобождения, у человека возникают трудности с адаптацией к жизни в социуме и в итоге он повторно может совершить преступление [3].

На жизненные планы влияют особенности личности осужденных, возрастные, психологические и физиологические состояния, а также характер совершенного преступления, количество судимостей, срок наказания, степень педагогической запущенности и др. Так, в исследовании А. В. Наприса было выявлено, что на жизненные планы влияют особенности поведения осужденных, которое характеризуется отношением человека к окружающей действительности и связями с жизненными перспективами. В исследовании было выявлено три группы факторов, оказывающих влияние на развитие и реализацию жизненных планов осужденных: субъективные, объективно-субъективные, объективные. Большинство осужденных с близкими жизненными планами (около 78 %) переживают стресс; часть из них (около 15,5 %) категорически отказываются обсуждать проблемы личностного жизненного планирования и поведения, безразлично относились к проводимым мероприятиям. В психологическом плане осужденные были меньше погружены в социально-психологическую атмосферу решения общих проблем, больше ориентировались на прошлые неудачи в жизни, воспринимали происходящее через призму сложившихся социальных установок, в которых новая отводимая им роль постоянно наталкивалась на препятствия внутреннего плана и негибкие стереотипы поведения [4].

Личностные жизненные планы представляют собой последовательную совокупность включенных в жизненную перспективу целей, которые обусловливают и характеризуют общую жизненную мотивацию поведения осужденных. В ходе исследования нами были выявлены приоритетные ценностные ориентации осужденных: 1) свобода; 2) прошлая (до отбытия наказания) и будущая жизнь (после выхода на свободу); 3) Я (собственная личность и «другие»); 4) справедливость; 5) семья; 6) друзья; 7) труд, профессия, учеба; 8) начальство; 9) режим (как условие отбытия наказания); 10) материальные блага [6]. Такая картина обусловливается в первую очередь объективными условиями изоляции (В. В. Яковлев). Ценности вовсе могут утратить свое значение для личности в процессе длительного лишения возможности их реализовать (А. Р. Ратинов). Длительная психотравмирующая ситуация, свя-

занная с невозможностью осужденных реализовать ценность, ведет к «эффекту избегания объекта, представляющего ценность» (Г. Ф. Хохряков, В. П. Голубев), что усугубляет дальнейшую криминализацию личности, отчуждение ее от абсолютных, принятых в обществе ценностей-норм, нежелание переосмыслить прожитое и вернуться к правопослушному образу жизни.

Значимость ценностной сферы наиболее ярко проступает в критических ситуациях. Отбывание наказания влечет за собой потерю или разрыв связей с близкими, ограничением личной свободы, ухудшением материального положения. Наряду с этим человек может потерять смысл жизни, что может привести к самоубийству или попытке резко изменить свою жизнь. Из этого следует, что выбор варианта выхода из сложной ситуации, возможность прогнозировать свою жизнь и реализовать поставленные цели, обладают тесной связью с уровнем развития и содержанием смысловой сферы осужденного [7].

Анализ смысложизненных ориентаций осужденных выявил, что большинство из них не склонны воспринимать процесс жизни как интересный, насыщенный и наполненный смыслом, у них отсутствуют цели своего будущего. В связи с этим такие осужденные больше подвержены к переживанию одиночества, депрессии, более склонны к тревожности [6]. В условиях лишения свободы, в изоляции от общества, личность осужденного претерпевает значительные изменения, в результате которых наибольшую значимость для него приобретают ценности, обеспечивающие индивидуальное, как бы внесоциальное, существование, а ценности, отображающие деятельностьную и социальную сущность человека, уходят на второй план.

Так как организация жизни лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, зависит в большей степени от их собственной инициативы, которая выражается в наличии у осужденных жизненных планов, а также в стремлении их реализовать, то пенитенциарному психологу необходимо проводить специальную работу по их коррекции (проведение психоаналитических бесед, тренинговых занятий, осуществление психологического просвещения, основной тематикой которых является психология жизненного планирования и др.). В ходе проведения коррекционно-воспитательной работы постепенно создаются условия для выработки собственного жизненного стиля осужденного, одновременно это дает возможность обрести и реализовать индивидуальный смысл жизни. Это так же позволяет проектировать и корректировать поведение осужденного в исправительном учреждении, и после освобождения из него.

Таким образом, жизненные планы осужденных являются личностной мотивационной характеристикой осужденного, которая включает в себя преобладающие жизненные ценности, стереотипы поведения, а также характеризует степень осознанности жизни и предопределяет в итоге его долговременную активность, направленность, мотивационные перспективы. Жизненные планы осужденных, находящихся в местах лишения свободы, имеют свои особенности и зависят от характера совершенного преступления, количества судимостей, срока наказания и т. д. В связи с этим требуется специально организованная работа по развитию и коррекции личностных жизненных планов осужденных, эффективность которой зависит от индивидуально-психологических, социально-психологических и социальных факторов, учет которых необходим в процессе исправления осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьева И. Н. Виды жизненных планов и их индивидуально-психологические детерминанты у студентов-выпускников : дис. ... канд. психол. наук / И. Н. Астафьева. – Ростов на/Д., 2011. – 210 с.
2. Славкина М. А. Возрастная психология (психология развития). 100 вопросов – 100 ответов / М. А. Славкина. – М. : Владос, 2005. – 159 с.
3. Дмитриев Ю. А. Пенитенциарная психология : учебник / Ю. А. Дмитриев, Б. Б. Казак. – Ростов на/Д. : Феникс, 2007. – 682 с.
4. Пирожков В. Ф. Направленность личности и мотивы деятельности осужденного к лишению свободы : лекция / В. Ф. Пирожков – М. : Высшая школа МООП СССР, 1967. – 32 с.
5. Наприс А. В. Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста (на материалах исследования исправительных колоний строгого режима) : дис. ... канд. психол. наук / А. В. Наприс. – Рязань, 1997. – 220 с.
6. Зауторова Э. В. Нравственно-эстетическое воспитание осужденных : дис. ... д-ра пед. наук / Э. В. Зауторова. – М., 2011. – 440 с.
7. Белослудцев В. И. Организация деятельности педагогического коллектива исправительно-трудовой колонии : учеб. пособие / В. И. Белослудцев ; под общ. ред. М. П. Струевой. – М. : Изд-во НИИ МВД РФ, 1993. – 80 с.

**ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**
*По материалам межвузовской
научно-практической конференции
Иркутск 4 декабря 2018 г.*

УДК 159.922.2

В. В. Кустова, Н. С. Татарникова, Д. С. Татарникова*

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ
С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ВОВЛЕЧЕННОСТИ
В ЭЛЕКТРОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ**

Статья посвящена выявлению виртуальной зависимости студентов ИрГУПС от их психологических особенностей, прежде всего, от направленности их психики на внешний или внутренний мир (экстроверсия-интроверсия), гендерных особенностей и интересов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстроверсия-интроверсия, социальная сеть, интернетная зависимость, реальное и виртуальное общение, увлеченности (хобби).

V. V. Kustova, N. S. Tatarnikova, D. S. Tatarnikova

**PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS
WITH VARYING DEGREES OF INVOLVEMENT
IN THE ELECTRONIC SOCIAL NETWORK**

The article reveals the features of volitional qualities of students of transport University and the dependence of the level of development of volitional qualities of students on their propensity to self-control or self-regulation. Some gender features of volitional qualities of students of engineering and Humanities are revealed.

KEYWORDS: extroversion-introversion, social network, internet addiction, real and virtual communication, hobbies.

XXI в. считается веком новых прогрессивных технологий, когда интернет-ресурсы становятся неотъемлемой частью всех сфер жизни че-

* *Кустова Вера Викторовна, кандидат психологических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.*

Татарникова Наталия Сергеевна, студент Иркутского государственного университета путей сообщения.

Татарникова Дарья Сергеевна, студент Иркутского государственного университета путей сообщения.

ловека. Появление Интернета и социальных сетей привело к расширению коммуникативного поля личности, изменило характер общения, спровоцировало сопутствующие эффекты. Вместе с изменением возможностей коммуникации изменяется и сама личность пользователя интернет-услуг. Проблема виртуализации бытия современного человека и возникающие в связи с этим психологические проблемы являются важным полем научных изысканий. В обычном значении этого слова социальная сеть – это сообщество людей, связанных общими интересами, общим делом или имеющих другие причины для общения между собой.

В Интернете социальная сеть – это программный сервис, площадка для взаимодействия людей в группе или в группах. Теоретически в качестве подобия социальной сети можно рассматривать любое онлайн-общество, члены которого участвуют, например, в обсуждениях на форуме. Многие профессиональные сообщества превратились в инструмент поиска людей, рекомендации сотрудников и поиска работы. К данной категории сервисов можно отнести ресурс «MoiKrug.ru» (поиск коллег, работы и сотрудников) [1].

Термин социальная сеть был введен в 1954 г. социологом из Манчестерской школы Джеймсом Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе», описывающей ситуацию, когда при помощи инструментов социальной сети каждый ее пользователь может создать свой виртуальный портрет – сформировать профайл, в котором указать подробно данные о себе, свой опыт работы, увлечения, интересы и цели. Однако в настоящий момент существует крайне мало теоретического материала и анализа конкретных практических примеров по данной проблематике в силу её новизны [2].

Актуальность темы обусловлена современными тенденциями развития информационного общества, а также объективными реалиями существующей ситуации в различных сферах деятельности, которая характеризуется высоким уровнем недоверия общества к различным организациям.

Т.С. Спиркина в эмпирическом исследовании доказала преобладание у интернет-зависимых пользователей таких черт личности, как неустойчивость в эмоциональной сфере, низкая дисциплинированность, неспособность контролировать свои эмоции и поведение, фрустрированность, социальная пассивность, застенчивость, настороженность по отношению к людям и нонконформизм [4].

Психологическое исследование, выполненное в иркутских вузах в 2010 г. И. А. Сергеевой и К. В. Варыхановой, подтвердило влияние интернет-зависимых студентов на психологические установки и особенно-

сти сферы общения. Авторы выявили негативную коммуникативную установку у половины интернет-зависимых студентов [3].

Для выявления психологических особенностей студентов с различной степенью вовлеченности в электронные социальные сети (ЭСС) нами были использованы две методики:

1. Тест Т. Айзенка на экстраверсию, интроверсии и нейротизм (эмоциональную устойчивость). Цель: диагностика психологических особенностей студентов.

2. Анкета, связанная с выявлением психологических особенностей студентов и их активности в сети Интернет. Анкета включает в себя 26 вопросов. Цель: выявление психологических особенностей студентов и их активность в сети Интернет. Анкета включает в себя 26 вопросов.

В эмпирическом исследовании приняли участие 131 студент 1-3-го курсов разных специальностей ИрГУПС. Среди них 73 девушки (56 %) и 58 юношей (44 %).

Респондентам предлагалось ответить на вопрос «Сколько времени вы уделяете социальным сетям в среднем в течение дня?». Кроме того, в анкете были представлены вопросы, направленные на выявление активности студентов в сети (посещение странички в социальных сетях, добавление музыки и видео, участие в обсуждениях и т. д.).

В процессе анализа выделены 4 группы респондентов:

- 1) девушки-интроверты;
- 2) юноши-интроверты;
- 3) девушки-экстраверты;
- 4) юноши-экстраверты.

Обратимся к понятиям экстраверсии-интроверсии. Это индивидуальные характеристики психологических различий. Экстраверсия от лат. *extra* – вне (направленность психики на внешний мир). Интроверсия от лат. *intro* – внутрь (направленность психики на внутренний мир).

Так, девушки-интроверты проводят в социальных сетях примерно 7 ч., юноши-интроверты – 6 ч., девушки-экстраверты – 6 ч., а юноши-экстраверты – 5 ч. Отсюда следует, что интроверты проводят в сети больше времени, чем экстраверты.

В среднем девушки пользуются социальными сетями чаще (6 ч), чем молодые люди (5 ч), но эта разница незначительна, так как составляет 1 ч (рис. 1).

Девушки-экстраверты набрали в среднем 5,2 балла, они наиболее активны в виртуальном пространстве. Следующей по активности является группа юношей-экстравертов, их активность оценивается в 5,1 балла. Девушки-интроверты и юноши-интроверты, что характерно их психологическим особенностям, набрали соответственно 4,7 и 4,1 балла.

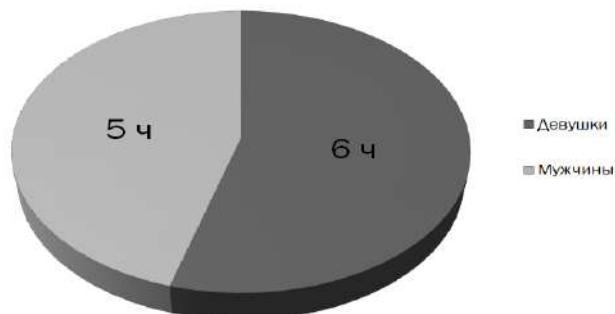

Рис. 1. Время нахождения в сети девушек и юношей

На вопрос «Предпочтете ли вы виртуальное общение реальному?» 16 чел. ответило утвердительно, что составило 12 % (рис. 2).

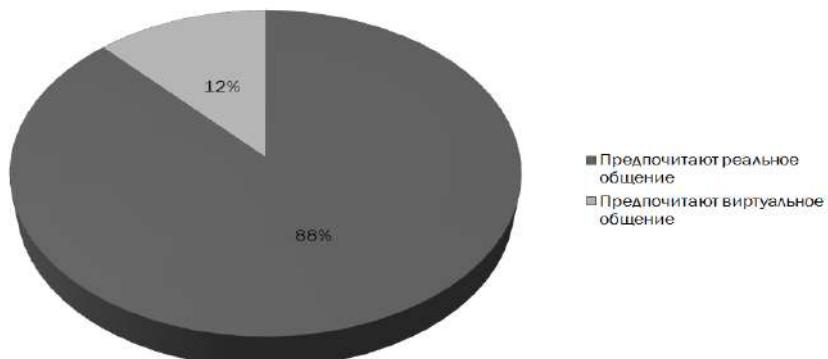

Рис. 2. Предпочтения студентов по способам общения

Также респондентам был задан вопрос «Представляете ли вы свою жизнь без социальных сетей?». Ответы оказались неутешительными, так как 64 % (84 чел.) опрашиваемых ответили отрицательно (рис. 3).

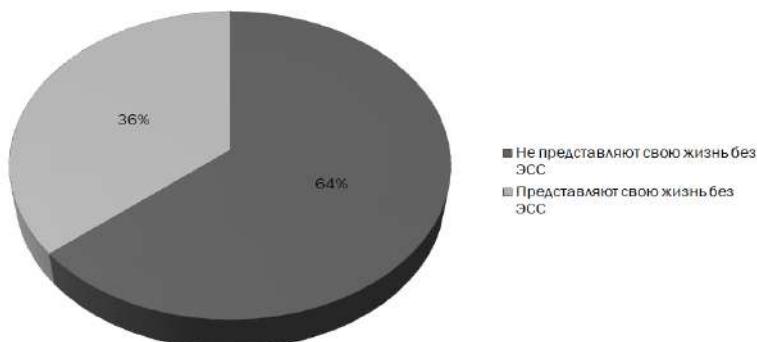

Рис. 3. Значимость социальных сетей в жизни студентов

Проанализировав ответы на вопрос, о том, как респонденты сами оценивают частоту посещения ЭСС, мы выяснили: 69 % опрошенных признают, что большую часть времени проводят онлайн, 31 % считает, что уделяет сравнительно мало времени социальным сетям (рис. 4–5).

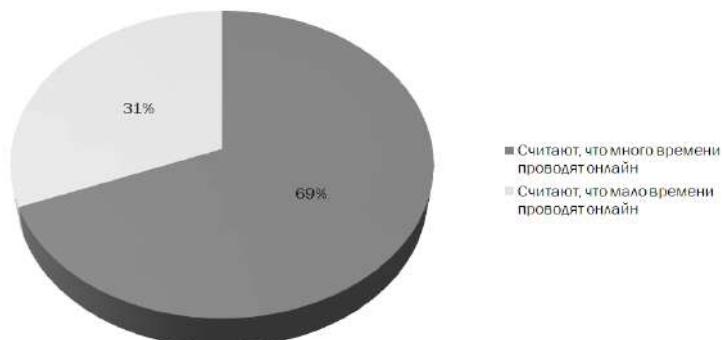

Рис. 4. Количество времени, проведенного в онлайн

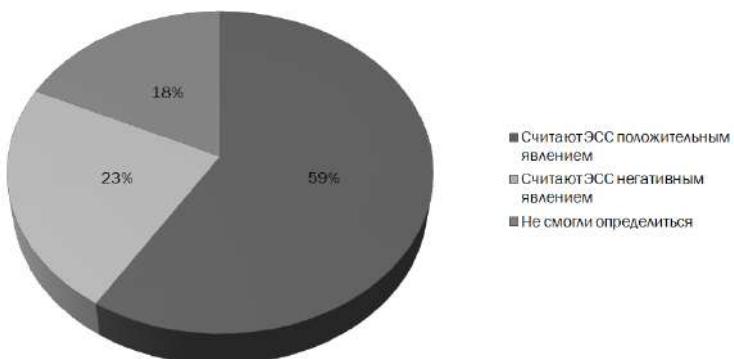

Рис. 5. Отношение студентов к социальным сетям

Кроме того, гипотеза о существовании зависимости между временем провождения в сети и наличием хобби подтвердилась. Анализ результатов показал, что респонденты, у которых нет хобби (21 %), больше времени проводят в Интернете (7 ч), но меньше в ЭСС (5 ч), в то время как студенты, имеющие хобби, используют Интернет в течение 5 ч, а ЭСС – 6 ч в день (рис. 6–7).

Полученные результаты эмпирического исследования демонстрируют разнонаправленные эффекты виртуализации современного человека. В соответствии с полученными результатами интроверты больше проводят времени в ЭСС. Соответственно, чем выше степень вовлеченности в сеть пользователя, тем более у него выражена обращенность в мир субъективных переживаний, сдержанность, замкнутость, тенденция к уходу в мир иллюзий и фантазий. У большей части студентов суще-

ствует виртуальная зависимость, так как по полученным результатам 64 % опрошенных не представляют свою жизнь без ЭСС.

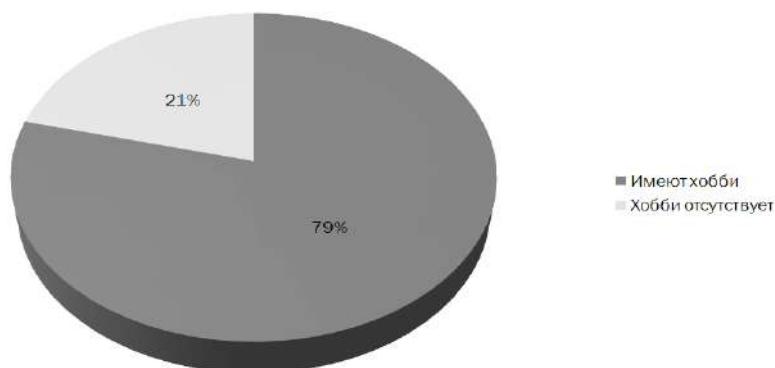

Рис. 6. Наличие увлечений у студентов, использующих социальные сети

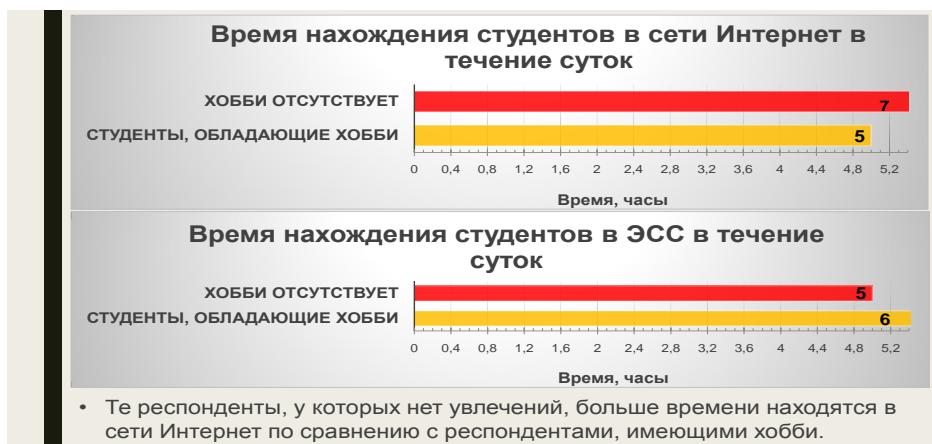

Рис. 7. Зависимость увлечений студентов (хобби) от нахождения в сети Интернет и в социальных сетях в течение суток

Явление ЭСС по своей природе неоднозначно.

Так, 30 чел. (23 %) относятся к ЭСС отрицательно, поскольку считают их «пустой тратой времени». Действительно, данная зависимость негативно сказывается на учебной деятельности студентов, так как согласно результатам анкеты респонденты тратят примерно 2–3 ч на выполнение домашней работы, в то время как на ЭСС – 5–6 ч в день. Но, с другой стороны, все-таки 77 чел. (59 %) считают явление ЭСС положительным, ведь сеть позволяет получить быстрый доступ к информации и является удобным средством общения и развлечения.

Анализ результатов показал, что респонденты, у которых нет увлечений (хобби) (21 %), больше свободного времени проводят в вир-

туальном пространстве, где осуществляют просмотр фильмов, чтение предложенного контента и играют в компьютерные игры online.

Предположение о том, что студенты ИрГУПС подменяют реальное общение виртуальным, не подтвердилось, поскольку только 12 % предпочитают общаться посредством ЭСС. Большинство студентов все-таки отдают предпочтение реальному общению.

Мы полагаем, что данное исследование должно быть продолжено для выявления типологических особенностей студентов с виртуальной зависимостью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Булавкина Л.* Сказка о рыбаке и рыбке в социальных сетях / Л. Булавкина // Маркетинговые коммуникации, 2010. – № 1. – С. 5–8.
2. Зависимая личность и национальная безопасность : монография / И. Б. Олехнович, Б. Е. Олехнович, С. И. Самыгин, Б. Б. Олехнович ; под ред. П. С. Самыгина. – М. : РУСАЙНС, 2016. – 208 с.
3. *Сергеева И. А.* Влияние Интернета на формирование особых коммуникативных и эмоциональных проявлений личности студентов / И. А. Сергеева, К. В. Варыханова // Наркомания – угроза безопасности России : материалы научн. конф. – Иркутск : ИрГУПС, 2010. – С. 174–177.
4. *Спиркина Т. С.* Особенности эмоционально-личностной сферы пользователей сети Интернет, склонных к интернет-зависимости [Электронный ресурс] / Т. С. Спиркина // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2011. – № 6. – Режим доступа: <http://medpsy.ru>.

УДК 625.11

Н. В. Никифорова, Н. В. Анциферова*

ВАГОНЫ ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Завершение строительства Сибирской железной дороги во многом облегчило тяжёлый путь переселенцев, но в то же время выдвинуло вопрос о приспособлении вагонов для перевозки таких пассажиров. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка установить типы вагонов, предназначенных для перевозки переселенцев по железной дороге.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *переселенцы, переселенческое движение, железные дороги, перевозка, вагоны, переоборудование, теплушка.*

N.V. Nikiforova, N.V. Antsiferova

CARS FOR TRANSPORTATION OF IMMIGRANTS

Completion of construction of the Siberian railroad in many respects facilitated a difficult way of immigrants, but at the same time put forward a question of the device of cars for transportation of such passengers. As a research task authors defined attempt to set types of cars of the immigrants intended for transportation by rail.

KEYWORDS: *immigrants, resettlement movement, railroads, transportation, cars, re-equipment, teplushka.*

На открытой исторической площадке детской железной дороги ВСЖД в Иркутске стоит вагон, тип которого можно видеть в старых художественных фильмах. Нас заинтересовало, а что это за вагон? На этот вопрос часто отвечают просто – это «теплушка», а при дальнейших, углубленных расспросах добавляются названия – «столыпинский», «переселенец», «вагонзак». При этом все названия запутываются, смешиваются.

Цель нашей работы – установить тип вагонов, предназначенных для перевозки переселенцев.

Предметом исследования выступает вагон как средство передвижения переселенцев по железной дороге в Сибирь и Дальний Восток.

* *Никифорова Наталья Викторовна, ассистент Иркутского государственного университета путей сообщения.*

Анциферова Никита Вадимовна, студент Иркутского государственного университета путей сообщения.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1) изучить материал по теме;
- 2) найти отличие в вагонах для переселения людей.

Сооружение железной дороги в Сибири, увеличение переселенческого движения вызвало со стороны правительства ряд мер, связанных с улучшением перевозки переселенцев по железным дорогам. С хлынувшим потоком людей железная дорога не могла справиться. В числе причин – недостаток подвижного состава. Для выработки предложений в Министерстве путей сообщения с 1896 г. было образовано Особое совещание из представителей заинтересованных ведомств, где наряду с организацией снабжения людей кипятком, организацией врачебного осмотра, рассматривался тип вагонов, наиболее пригодных для перевозки переселенцев. Получив право на льготный проезд по специальному удешевлённому тарифу, право на который давало специальное проходное свидетельство, они не могли, конечно же, ехать на тех же основаниях, что и прочие пассажиры. Тогда и был утверждён к строительству вагон 4-го класса и вагоны по типу воинских, но снабжённые дополнительно лестницей и железными печами.

В 1872 г. российские железные дороги пополнились новым типом товарного вагона, который получил официальное название «Нормальный товарный вагон» (НТВ). Он был предназначен для грузовых перевозок, но имел отличительную особенность: переоборудовался для перевозки людей и/или лошадей. В случае необходимости в вагоне устанавливались стойла или двух- или трехъярусные нары. Это сначала были двухосные вагоны, стены которых имели двойную обшивку и были утеплены войлоком. Пол тоже был двойным: пространство заполнялось опилками. Двери также утепленные, они отодвигались. В приспособленных для перевозки людей вагонах отодвинутый проём закрывался створчатой дверью. Под дверьми навешивались стремянки. В люковые отверстия ставили задвижные стеклянные рамы. В середине вагона стояла чугунная печь с выводом трубы в потолок. При перевозке людей на доски несъемного оборудования, размещаемого внутри вагона, укладывали съемные доски, образовывая нары [5, с. 34]. Назывались такие вагоны – «теплушка». Эти вагоны являлись основным транспортом для военных перевозок вплоть до Второй мировой войны.

Крестьян, мечтавших о сибирской пшенице в два человеческих роста, было так много, что перевозка их к местам расселения превращалась для них в настоящее испытание [4, с. 15]. Об условиях перевозки подробно написал в 1909 г. Сергей Швецов, который руководил статистическими обследованиями на Сибирской железной дороге. «Везут их, – писал Швецов о переселенцах, – в теплушках, или, как их ещё

называют, в “вагонах, приспособленных для перевозки войск”. Всякий, конечно, видел, как на последнюю войну везли солдат из России. Это все те же красные товарные вагоны, которые десятками стоят на каждой станции, и в которых обыкновенно возят и грузы, и всякую кладь, и даже скот. На них по этому случаю и надпись есть: “40 человек, 8 лошадей”. Разница лишь в том, что в тех вагонах, куда сажают переселенцев, посреди вагона поставлена железная печурка и устроены с обеих сторон в два ряда нары для лежания... Окон в таком вагоне четыре, но они совсем маленькие, вершков в 6 высотой, да вершков 10 шириной, да и те устроены под самым потолком. Поэтому в вагонах этих стоит полутора, особенно если закрыть двери, что в дождливую и холодную погоду приходится делать поневоле, так как иначе можно и самому простудиться, и ребятишек простудить. Теснота в вагоне бывает большая... оттого духота, грязь и вонь невозможные. Бабы часто во время стоянок моют белье и тут же в вагонах его сушат. Через открытые ворота ветром прохватывает, а случается, через них и дети, если за ними не присмотрят, выпадают на рельсы» [2, с. 251]. По свидетельству железнодорожного инженера М. Ю. Пашковского, испарения и выделения человеческих тел пропитывали обивку вагона так, что «если вагон занят несколько дней подряд, то под конец длинного путешествия ... делался запыленным, загрязненным и зловонным» [3, л. 90]. В. Г. Третьяков [1, с. 171] объясняет стеснённые условия перевозки по Забайкальской дороге наличием большого багажа у переселенцев, которое не соответствовало нормам приспособленных вагонов.

Неудобство перевозки в вагонах-теплушках побудило Управление железных дорог в 1907 г. поручить некоторым железным дорогам представить для испытания несколько типов улучшенных вагонов-теплушек. Особая комиссия в декабре 1907 г. осмотрела вагоны. Хотя они имели преимущества, но коренным образом изменить условия следования, в смысле удобств, не могли. Только полный переход от теплушек к вагонам пассажирского типа простейшего устройства, специально приспособленным для перевозки переселенцев, а также войск и рабочих.

Двухосный вагон 4-го класса постройки 1901 г. имел длину 12 м и вместимость 40 чел. С каждой стороны имелось семь окон с опускающейся верхней половиной. Крыша – плоско-выпуклая. Наружная обшивка – деревянная, кроме тамбуров, где она была обшита металлическими листами. Два туалета, причем один был специально оборудован для матерей с младенцем и две печи располагались в конце вагона. Скамьи были оборудованы подъемными спинками и откидными полками, чтобы число мест для сидения соответствовало числу спальных мест. У потолка находились широкие, поставленные с некоторым

наклоном полки для багажа, на которые забирались и пассажиры. Полки располагались в 3 яруса: так же, как сейчас в плацкартном вагоне. При этом все три яруса раскладывались в сплошные полати, по всей ширине отсека. Таким образом, на каждой полке было 3 лежачих места. Теоретически, в каждом отсеке было 9 лежачих мест, при 8 сидячих. Поэтому общее число – 40 чел. – принимают, исходя из расчета: по 8 чел. в каждом из 5 отсеков.

Меньшее распространение получил четырехосный вагон 4-го класса. Он имел длину 21 м, с каждой стороны по 13 окон и в него помещался 81 пассажир.

С 1908 г. начинается массовое строительство пассажирских вагонов 4-го класса, т.е. самого низкого класса в пассажирской тарифной сетке. Впрочем, по сравнению с товарными вагонами это был большой шаг вперед. Именно такие вагоны правильно называть «столыпинскими». Окрашивался по принятым нормам в серый цвет. Вагоны были тормозные и нетормозные. Кузова этих вагонов снаружи обшивали деревянными досками или стальными листами.

Таким образом, на Сибирской железной дороге появление жестких вагонов 4-го класса связано с переселенческим движением. Поскольку инициатором массового переселения был П. А. Столыпин, эти усовершенствованные вагоны стали называть «столыпинскими». Впоследствии переселенческий вагон улучшался и дорабатывался, в том числе увеличивалась длина, за счет чего добавилось дополнительное купе. В одной из модификаций по центру была добавлена большая дверь для загрузки негабаритного скарба переселенцев. К 1917 г. около 30 % пассажирского отечественного парка вагонов составляли вагоны для переселенцев.

Стоит отметить один специальный тип вагона. В 1904 г. на Верхне-Волжском заводе началось строительство двухэтажных вагонов для перевозки переселенцев, ехавших на Дальний Восток [5, с. 55]. При длине кузова 20 м в таком вагоне размещалось 106 мест для сидения. Вход на верхний этаж осуществлялся через наружные двусторонние лестницы, расположенные по концам кузова. На нижний этаж пассажиры входили и выходили через двери по середине боковых стен. Было построено небольшое число двухэтажных оригинальной конструкции вагонов 4-го класса, но в серию они не пошли.

Что же касается арестантских или спецвагонов, то заключенных с конца позапрошлого века возили в специально оборудованных вагонах, изготовленных на основе пассажирских 3-го и позже 4-го классов. На окнах купе крепились двойные решетки, перегородка, разделяющая купе и коридор, заменялась на решетку. Обустраивались купе для конвой-

ров. Именовались такие «спецперевозки» вагонзаками и уже в советское время, когда настоящих «столыпинских» вагонов не осталось, а спецвагоны оборудовали из современных на тот момент пассажирских, по неизвестной причине, вагонзаки среди заключенных стали называть «столыпинскими» или фамильярно «столыпинами».

С началом Первой мировой войны бум переселения стал сходить на нет, и в 1917 г. остановился совсем. Переселенческие вагоны использовали солдаты и нижние офицерские чины, а также «беженцы» во время Гражданской войны. В советское время принудительными переселенцами в Сибирь были раскулаченные во время коллективизации крестьяне, депортированные при сталинском режиме. Везли по этапу заключённых, проводилась эвакуация во время Великой Отечественной войны. Были в числе переселенцев и комсомольцы-добровольцы в период кампании освоения целины и строительства БАМ.

До настоящего времени сохранились считанные единицы таких вагонов, к тому же утратившие многие характерные черты (окна с крестовой рамой, деревянная обшивка и т. д.).

Таким образом, среди типов вагонов, предназначенных для перевозки переселенцев, выделяются:

- «теплушка» – утепленный вагон без удобств, временно переоборудованный из товарного;
- «столыпинский» – упрощенный пассажирский вагон с купе и удобствами, ориентированный на дальние переезды с большим количеством багажа; был разработан специально для массовых переселенцев начала XX в.;
- вагонзак – специальный вагон для перевозки заключенных, переоборудованный из пассажирского, ошибочно именуется «столыпинским», хотя никакого отношения к Столыпину и переселенцам не имеет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Железнодорожный транспорт Восточной Сибири из XIX в. : в 2 т. / под общ. ред. В. Г. Третьякова. – Иркутск : Облмашинформ, 2001. – Т. 1. – 416 с.
2. Организация перевозки крестьян-переселенцев и ходоков в России после 1906 г. / А. В. Хромых // Молодой ученый. – 2012. – № 10. – С. 250–252.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 273. Оп. 8. Д. 72. – Л. 90.
4. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. – М. : Памятники исторической мысли, 2001. – 302 с.
5. Шадур Л. А. Развитие отечественного вагонного парка / Л. А. Шадур. – М. : Транспорт, 1988. – 279 с.

УДК 159.9

И. А. Сергеева, А. С. Малов, А. В. Николаева*

ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ К ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРОИЗВОЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

В статье представлены результаты эмпирических исследований осознанной саморегуляции произвольной активности студентов разных специальностей ИрГУПС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: осознанная саморегуляция, активность, структурные компоненты саморегуляции, индивидуальные особенности.

I.A. Sergeeva, A.S. Malov, A.V. Nikolaeva

STUDY OF THE ABILITY OF STUDENTS TO CONSCIOUS SELF-REGULATION ARBITRARY ACTIVITY

The results of empirical studies of the conscious self-regulation of arbitrary activity of students from different specialties of IrGUPS are presented.

KEYWORDS: conscious self-regulation, activity, structural components of self-regulation, individual characteristics.

Меняющаяся социокультурная реальность приводит к необходимости понимания того, каким образом изменения в обществе влияют на личность, способна ли она к активному принятию вызовов, поиску и выбору адекватных ситуации решений. В связи с этим все большее внимание исследователей привлекают вопросы, связанные со способностью субъекта к осознанной саморегуляции произвольной активности.

По мнению К. А. Альбухановой-Славской, «саморегуляция – это тот механизм, посредством которого обеспечивается централизующая,

* Сергеева Ирина Альбертовна, кандидат биологических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

Малов Алексей Сергеевич, студент Иркутского государственного университета путей сообщения.

Николаева Александра Валерьевна, студент Иркутского государственного университета путей сообщения.

направляющая и активизирующая позиция субъекта. Она осуществляет оптимизацию психических возможностей, компенсацию недостатков, регуляцию индивидуальных состояний в связи с задачами и событиями деятельности. Она обеспечивает также целевое и смысловое соответствие действий субъекта этим событиям, своевременность, пропорциональность действий и т. д.» [1].

Л. М. Веккер выделяет три уровня саморегуляции:

1) непроизвольный (носит спонтанный характер, базируется на непроизвольных реакциях, не зависящих от желания субъекта);

2) произвольный (проявляется в намеренности, планомерности, осознании причин, сознательном контроле и управлении реализации действия);

3) волевой (предполагает, что «личность как интегральное психическое образование становится субъектом деятельности» (Цит. по: [2, с. 69]).

Последний уровень проявления возможен только тогда, когда человек использует личностные способы саморегуляции, что обеспечивает целенаправленность поведения и формирование волевых качеств.

Под осознанной саморегуляцией О. А. Конопкин понимает системно организованный динамический процесс построения и поддержания внутренней психической активности и управление ею для достижения намеченных целей [3]. Модель, предложенная О. А. Конопкиным, основана на сознательной организации действия с помощью средств, направленных на его оптимизацию. Таким образом, произвольная осознанная активность обеспечивает достижение принимаемых субъектом целей.

Общая концептуальная модель процесса осознанной саморегуляции включает пять регуляторных звеньев:

1. Принятая субъектом цель деятельности.
2. Субъективная модель значимых результатов.
3. Программа исполнительских действий.
4. Система субъективных критериев достижения цели.
5. Контроль и оценка реальных результатов.

В. И. Моросанова рассматривает осознанную саморегуляцию произвольной активности как целостную систему, состоящую из следующих функциональных звеньев: цели деятельности, модели значимых условий, программы исполнительских действий, критерий успешности, оценки и коррекции результатов. Каждое звено реализуется регуляторным процессом: планирование, моделирование, программирование и оценка результатов [4].

Планирование проявляется в индивидуальных особенностях целеполагания (насколько осознанно и автономно выдвигаются цели актив-

ности, их реалистичность, устойчивость). Чем лучше развиты процессы планирования у субъекта, тем более реальные цели он перед собой ставит.

Моделирование характеризует развитость представлений о системе значимых внешних и внутренних условий, необходимых для достижения целей, степень их осознанности, детализированности и адекватности.

Программирование отражает определение последовательности действий, развернутость и устойчивость разрабатываемых программ.

Оценивание результатов информирует об адекватности и автономности оценки личностью себя и своих действий и поведения, а также о том, насколько устойчивы критерии оценки успешности достижения результата.

В. И. Моросанова подчеркивает, что развитость целостной системы саморегуляции, зависит от уровня сформированности у субъекта личностно-регуляторных свойств, таких как самостоятельность, гибкость, надежность. Самостоятельность характеризует способность человека планировать свою деятельность и поведение, организовывать работу по достижению цели, контролировать ход ее выполнения. Гибкость позволяет быстро реагировать на изменение условий; легко перестраивать планы и программы исполнительских действий и поведения, вносить коррекцию. Надежность проявляется в устойчивости процессов саморегуляции. Личностно-регуляторные свойства определяют функционирование каждого звена саморегуляции [5].

По мнению В. Моросановой, осознанная саморегуляция не только обеспечивает высокую продуктивность в деятельности, но и является основой для формирования ее индивидуального стиля [6, 7]. В отличие от индивидуального стиля деятельности, характеризующегося темпераментными особенностями, индивидуальный стиль саморегуляции интегрирован характером человека и инструментальными свойствами личности.

В исследованиях показано, чем лучше развиты у студентов такие регуляторно-личностные качества, как самостоятельность, инициативность и трудолюбие, тем выше показатели в интеллектуальной и коммуникативной сфере. Студенты мотивированы на достижение положительных результатов в обучении, у них отмечается более высокая успеваемость, адекватная и устойчивая самооценка [8]. С другой стороны, при выраженной мотивации достижения высокий уровень осознанной регуляции позволяет компенсировать влияние личностных, характерологических особенностей, препятствующих достижению цели. Человек

легче овладевает новыми видами активности, увереннее чувствует себя в незнакомых ситуациях.

Практическая деятельность инженера требует от профессионала самостоятельного решения инженерных задач, специфических знаний и навыков, что предполагает высокую активность участия студентов в образовательном процессе [9]. Студент, как субъект учения, самостоятельно поддерживает и направляет свою активность, осуществляет организацию и управление ею в учебно-профессиональной деятельности. На основе сформированной учебной саморегуляции впоследствии может развиваться продуктивная саморегуляция в других видах деятельности. Однако если отдельные звенья саморегуляции оказываются недостаточно сформированными, целостная регуляторная система нарушается и продуктивность действий снижается. В исследованиях О.А. Конопкина показано, что низкий уровень или неразвитость различных аспектов саморегуляции могут лежать в основе трудностей обучения [3].

Цель настоящего исследования – изучить особенности проявления и степень развития структурных компонентов осознанной саморегуляции у студентов.

Выборку составили 100 студентов ИрГУПС в возрасте 19-22 лет. Для диагностики уровня развития осознанной саморегуляции применялся опросник ССПМ В. И. Моросановой [3]. Опросник включает 7 шкал и оценивает следующие показатели: планирование целей (П), моделирование значимых условий достижения целей (М), программирование действий (ПР), оценивание результатов (ОР) и двух личностных свойств – гибкости (Г) и самостоятельности (С), а также интегративный показатель общего уровня саморегуляции (ОУ).

Результаты исследования позволили установить, что почти 40 % респондентов характеризуется высоким общим уровнем саморегуляции произвольной активности, что в целом показывает их способность самостоятельно организовывать свою деятельность и управлять ею. Данные студенты чувствуют себя уверенно в привычных ситуациях, не теряются в незнакомой обстановке, легче овладевают новыми видами деятельности. Средний уровень интегративного показателя саморегуляции выявлен у 50 % испытуемых. Студенты могут испытывать затруднения либо в планировании и программировании поведения, либо в поиске условий, адекватных для выполнения деятельности. Низкий уровень саморегуляции отмечен у 10 % испытуемых. Эти студенты, скорее всего, более зависимы от условий действительности.

На рис. 1 представлен уровень развития структурных компонентов общей саморегуляции у исследуемой выборки.

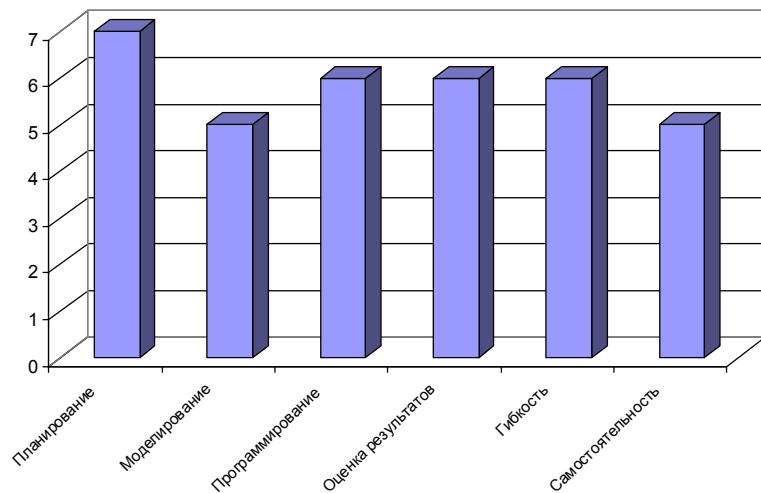

Рис. 1. Уровень развития компонентов общей саморегуляции студентов

Как видим, у респондентов достаточно хорошо развиты процессы планирования (рис. 1). Количество испытуемых, имеющих высокий уровень развития данного регуляторного звена, составляет в разных группах 40–60 %. Менее всего развиты процессы моделирования. Способность планировать при недостаточно развитом звене моделирования может проявляться в затруднении оценки условий и выбора варианта, необходимого для решения соответствующей проблемы. Поскольку не все значимые условия ситуации попадают в сферу внимания студентов при выполнении учебно-профессиональных задач, обучающиеся с трудом отказываются от выработанных алгоритмов решения, что препятствует развитию нестандартного подхода к решению. При этом студенты, не способные к быстрой перестройке саморегуляции деятельности (с недостаточно сформированной гибкостью), тратят значительную часть времени на оценку ситуации и принятие решений. В каждой группе таких студентов примерно пятая часть. Им требуется больше времени для включения в деятельность, особенно в изменяющихся условиях.

Обращает на себя внимание тот факт, что почти у трети испытуемых не сформирована самостоятельность. Такие студенты зависимы от мнений и оценок окружающих, следуют чужим советам, в учебной деятельности не всегда способны сами планировать работу и разрабатывать программу действий.

Примерно у 10–30 % студентов не развиты те или иные процессы произвольной активности.

Уровень общей саморегуляции произвольной активности студентов разных специальностей представлен на рис. 1.

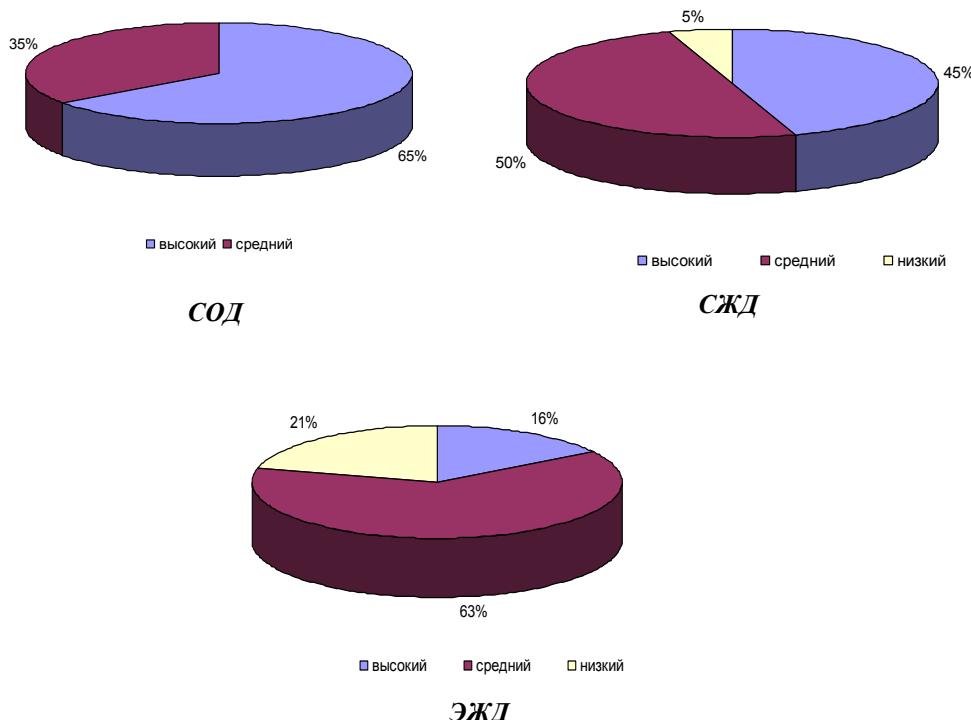

Рис. 2. Распределение студентов разных специальностей по уровням саморегуляции

Высокий уровень развития общей саморегуляции отмечается у студентов СОД и СЖД. В выборке СОД таких студентов оказалось 65 % (причем, не выявлено студентов с низким уровнем). В выборке СЖД с высоким уровнем саморегуляции наблюдается 45 % респондентов (низкий уровень выявлен лишь у 5 %). Следует отметить, что количество студентов, обладающих высоким уровнем общей саморегуляции, обучающихся на специальности ЭЖД составило лишь 16 % (рис. 2).

Уровень сформированности отдельных характеристик саморегуляции произвольной активности у студентов разных специальностей представлен в рис. 3–5 и табл. 1.

Неоднозначность выраженности различных компонентов осознанной саморегуляции исследуемой выборки (см. табл. 1), скорее всего, объясняется индивидуально-типическим своеобразием и реализацией произвольной активности, характеризующей ее стилевые особенности.

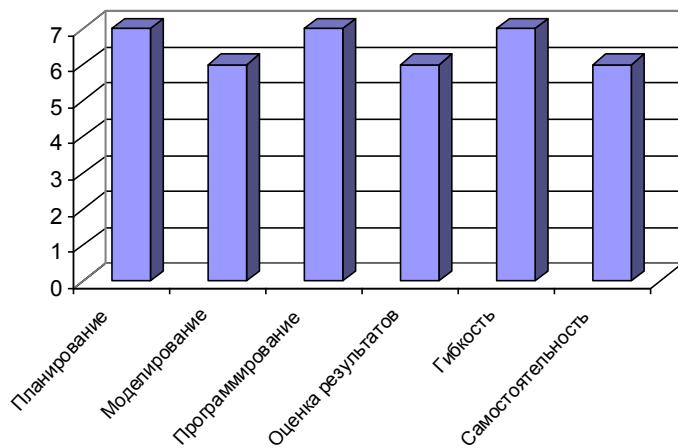

Рис. 3. Уровневые значения параметров саморегуляции у студентов специальности СОД

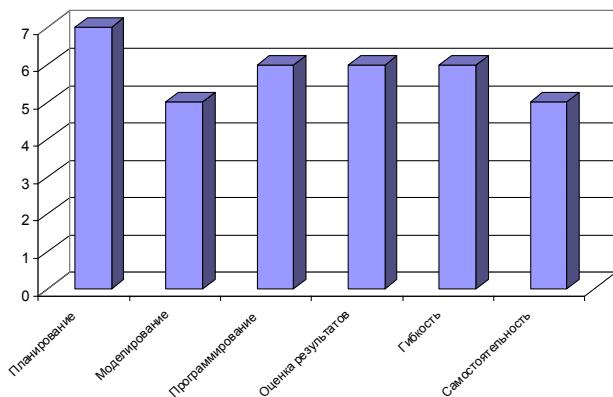

Рис. 4. Уровневые значения параметров саморегуляции у студентов специальности СЖД

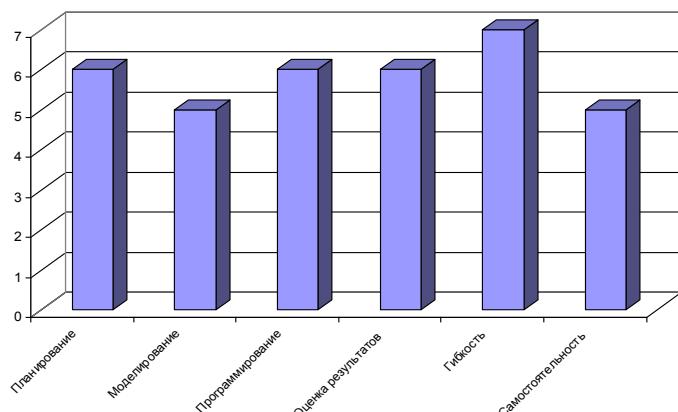

Рис. 5. Уровневые значения параметров саморегуляции у студентов специальности ЭЖД

Таблица 1

Распределение показателей структурных компонентов осознанной саморегуляции среди студентов

	Уровень	Количество человек, %					
		П	М	Пр	ОР	Г	С
СЖД	Высокий	55	20	20	30	20	20
	Средний	45	65	60	70	70	55
	Низкий	0	15	20	0	10	25
СОД	Высокий	59	29	29	29	41	17
	Средний	35	71	65	65	59	59
	Низкий	6	0	6	6	0	24
ЭЖД	Высокий	42	21	26	37	37	16
	Средний	37	58	58	42	42	32
	Низкий	21	21	16	21	21	52

Примечание: П – планирование; М – моделирование; Пр – программирование; ОР – оценка результатов; Г – гибкость; С – самостоятельность.

Компенсация одних параметров за счет других, более развитых компонентов саморегуляции позволяет обучающимся достигать высокой продуктивности деятельности. Так, у студентов специальности СОД существенной предпосылкой успешности деятельности является способность планировать деятельность (П), определять последовательность действий (Пр) и способность быстро реагировать на изменение условий (Г). У студентов СЖД такой компенсаторной характеристикой является целеполагание (П), у студентов ЭЖД – гибкость (Г).

Стилевые особенности саморегуляции формируются под влиянием требований деятельности. Полагаем, что использование педагогических технологий в образовательном процессе, мобилизующих ресурсный потенциал обучающихся, будет способствовать развитию как отдельных компонентов, так и интегральной саморегуляции произвольной активности студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбуханова-Славская К. А. Стратегия жизни / К. А. Альбуханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
2. Ишков А. Д. Учебная деятельность студентов: психологические факторы успешности // А. Д. Ишков. – М. : АСВ, 2004. – 224 с.
3. Конопкин О. А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности / О. А. Конопкин // Вопросы психологии. – 2008. – № 3. – С. 22–34.
4. Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): руководство / В. И. Моросанова. – М. : Когито-центр, 2004. – 19 с.
5. Моросанова В. И. Личностные аспекты саморегуляции активности человека / В. И. Моросанова // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23, № 6. – С. 5–17.

6. *Моросанова В.И.* Саморегуляция и индивидуальность человека / В. И. Моросанова. М. : Наука, 2010. – 519 с.
7. *Моросанова В. И.* Регуляторная роль отдельных личностных качеств в индивидуально-типических проявлениях саморегуляции произвольной активности / В. И. Моросанова, И. В. Плахотникова // Журнал прикладной психологии. – 2004. –№ 1. – С. 23–30.
8. Взаимосвязь мотивации и осознанной саморегуляции учения / В. И. Моросанова, И. Ю. Цыганов, А. В. Ванин [и др.] // Психологические исследования. – 2012 – Т. 5, № 24. – С. 23–30.
9. *Третьяков В. В.* К вопросу о мотивации выбора инженерной профессии первокурсниками ИрГУПС / В. В. Третьяков // Транспортная инфраструктура сибирского региона. Материалы 6-й междунар. научн.-практ. конф. 30 сент. – 3 окт. 2015 г. Т. 2. – Иркутск : Изд-во ИрГУПС, 2015. – С. 654–658.

УДК 378

В. В. Третьяков, А. Л. Рогозинская*

СЕМЬЯ В ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются отдельные аспекты мировоззрения современной молодежи. Ее отношение к семье и ценностям семейной жизни выступает одним из оснований для выяснения ценностных ориентаций юношей и девушек. Приводятся общие результаты проводящихся в ИрГУПС исследований по изучению отношения студенчества к важнейшему социальному институту.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юношество, студенчество, социальные ценности, ценностные ориентации, семья.

V. V. Tretyakov, A. L. Rogozinskaya

FAMILY IN VALUE ORIENTATIONS OF SCHOOLCHILDREN AND STUDENTS

Some aspects of the world outlook of modern youth are considered. Her attitude to the family and the values of family life is one of the grounds for clarifying the value orientations of boys and girls. The general results of the research conducted in IrGUPS to study the attitude of students to the most important social institution are given.

KEYWORDS: youth, students, social values, value orientations, family.

Поколения людей в своем стремлении к лучшему неизбежно порождают новые грани социальной реальности, привносят изменения в разные сферы жизни. Такие новшества критически принимаются их родителями, но дети обычно принимают их как факт. Они вынуждено осваивают то, что им предлагается, социализируются в данных им условиях, приспосабливаются к наличным социальным ситуациям. Через воспитание, обучение и образование молодые люди знакомятся с фрагментами социального опыта и приобретают навыки взаимодействия. А вместе с тем перенимают и ценностные установки – они определяют

* Третьяков Валерий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

Рогозинская Анна Леонидовна, студент Иркутского государственного университета путей сообщения.

отношение человека к ценностям, обуславливают восприятие индивидом ситуации. В своей совокупности такие установки порождают ценностные ориентации личности.

Понятие ценностных ориентаций личности активно обсуждается философами, психологами, социологами. Известный психолог Б. Г. Ананьев рассматривал ценностные ориентации как фактор, определяющий направленность личности на какие-либо социальные ценности [1, с. 251–252].

Многие исследователи отмечают специфику юношеского возраста, повышенное стремление к самопознанию, к оценке собственных возможностей, выбору собственного жизненного пути, – благоприятную для формирования ценностных ориентаций как устойчивых свойств личности. В работе А. В. Серого и М. С. Яницкого ценностные ориентации показаны как важнейший фактор, определяющий вектор развития личности; они выступают источником ее развития, оказывают влияние на формирование потребностей индивида [2]. Но все исследователи явно или неявно под ценностными ориентациями понимают явления культуры, имеющие для личности устойчиво высокий смысл и значение. Человек может воспринимать их как средства удовлетворения своих потребностей и достижения цели. Такие ориентиры определяют устремленность личности и ее интересы, обуславливают мотивацию, определяют жизненные приоритеты (См.: [3]). Ценностные ориентации обуславливают направленность личности на те или иные ценности, которые она рассматривает как смысложизненные, и допускает возможным и даже важным выстраивать под их достижение линии своего поведения.

В стабильных социальных ситуациях образование и воспитание имеют достаточно четкие ориентиры на определенные системы ценностей. Но для современности стабильность не характерна, а системы ценностей все более подвергаются фрагментации, утрачивают целостность. Факторы устойчивости таких систем все более размытаются, авторитетные мнения утрачивают абсолютную влиятельность. Даже родители социальных новаций затрудняются четко определить задачи образовательных и воспитательных институтов; заглавными признаются принципы прибыльности, рентабельности, конкурентоспособности и подобные, в целом важные для государства, но все же проблемно коррелирующие с задачами воспитания разносторонней личности.

Чему следует воспитывать современных детей, на что ориентироваться при выборе стратегии образовательного процесса, общественное или индивидуальное должно быть в приоритете и как их следует соотносить? Подобные вопросы не могут утратить своей актуальности в

любых общественных условиях. Очевидно, что в современном обществе задачи их решения возлагаются уже не только на воспитателей. Категория детства, претерпев известные трансформации, в современном обществе сужается в содержании специфическо-детского, а одновременно расширяется пространство «взрослости». А признаки раннего взросления нередко воспринимаются как основание для приближения детей к миру взрослых.

В современном воспитательном процессе изменения претерпевают не только способы передачи культурного наследия и ценностных установок, но и средства такой передачи; медиевые пространства делают границу между детством и взрослой жизнью менее актуальной для воспитателей, а, с другой стороны, активно провоцируют «маленьких взрослых» к расширению представлений о «взрослых» проблемах. Это взрослые энергично разрушают сложившиеся в XX в. субкультуры детства и юношества. Такая ситуация вряд ли может способствовать процессам формирования устойчивых ценностных систем личности. Да, из результатов различных исследований, посвященных изучению отношения современных молодых людей к жизни, следует, что большое значение среди социальных ценностей школьники и студенты придают семье. Однако ведь такое значение может меняться, да и можно ли гарантировать неизменность параметров ценностного измерения семьи?

Семья является одним из наиболее древних социальных институтов и известное выражение «семья – ячейка общества» ясно утверждает ее социальное значение. Она возникала в сообществе первобытных людей и развивалась в связи с изменениями систем общественных отношений и общественного производства, изменением образа жизни человеческих коллективов, с широким распространением идей гуманизма и повышением внимания общества к состоянию социальной сферы, а в определенной степени и в связи с развитием феминистского движения. Функции семьи имеют непреходящее значение. Однако, как замечают исследователи, «золотого века» семьи никогда не было, во все времена она предстает как очень проблемное образование. Конечно, в силу своей общественной значимости, тесной связанности с основными сферами жизни, семья живо реагирует на изменения в материальной сфере общества и уже хотя бы поэтому сама должна изменяться. Но не менее важными факторами изменений института семьи выступают подвижки в ценностных ориентациях, в элементах общественного сознания, в мотивации и установках, ожиданиях молодых людей, помышляющих об устройстве личной жизни.

В ИрГУПС на протяжении нескольких лет преподавателями совместно со студентами организуются исследования, направленные на

выяснение представлений современного студенчества о значении семьи в жизни человека. Нельзя не заметить, что особый интерес изучение таких вопросов вызывает у девушек, тогда как юноши предпочитают обращать внимание на иные стороны жизни студенчества – интересуются организацией свободного времени, мотивацией выбора инженерной специальности учащимися, ориентированностью молодых людей на ЗОЖ и др. По косвенным результатам одного из исследований 2017 г. видно, что юноши вовсе не безразличны к вопросам, связанным с отношением к семье, но в большей степени, чем девушки, склонны оставлять их решение «для себя». Девушки зато гораздо более склонны идеализировать семью [4].

В литературе можно заметить разные точки зрения на сущность изменений, происходящих с семьей. Одни склонны рассматривать их в контексте процессов развития демократических тенденций в сфере семейных отношений. Другие же такие изменения обуславливают глобальным кризисом семьи как ячейки общества, упадком значения этого социального института. Обе позиции заслуживают внимания. Несомненно, что в настоящее время в обществе наблюдается тенденция изменения в иерархии ценностей, что современный человек удовлетворение собственных духовных потребностей связывает с внесемейной сферой. В то же время, по результатам наших исследований в 2015 г., 76 % студентов отметили семью как первостепенную ценность (из них в браке состояли 4 %), а в исследовании 2018 г. таковых было 83 % (из них 2 % состоявших в браке). В исследованиях 2018 г. 53 % студентов подтвердили свой взгляд на семью как союз с любимым человеком, создаваемый для реализации своих личностных устремлений, 32 % отметили высокое значение семьи, но отсрочили ее создание до момента построения карьеры, 6 % отметили семью как организацию, накладывающую на человека обязательства и ограничивающую свободу, и практически никто (0,5 %) связали создание семьи с повышением своего личностного статуса, престижа. Подобные данные могут свидетельствовать о глубине сдвигов в ценностных ориентациях молодежи, наметившихся еще в 1990-е гг. Современные молодые люди, как видно, ценят семью не менее высоко, чем предшествующие поколения, но, очевидно, подвержены влиянию наличных тенденций в изменяющихся приоритетах общественного сознания.

Обратите внимание на выбор респондентами исследования 2016 г. самых главных ценностей в зависимости от того, воспитывались они в «одиночестве» (их в выборке 25 %) или в среде с родными братьями и сестрами (их в выборке 75 %) (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос анкеты
«Какие из перечисленных ценностей для Вас наиболее значимы
(выберите *три* наиболее важных)», %**

Наиболее значимые из выбранных ценностей	Респонденты, не имеющие братьев и сестер	Респонденты, имеющие братьев и сестер
Карьера	41,2	21,6
Образование	29,4	17,6
Любовь	23,5	64,7
Дети	35,2	43,1
Любимая работа	11,8	27,5
Деньги	35,3	21,6
Семья	82,4	78,4
Дружба	41,2	25,5

Исследования разных годов подтверждают известную тенденцию: если посмотреть на отношение между составом семьи, из которой вышли опрашиваемые, и их задумками о собственной семье, а так же на ее будущее устройство, заметно, что респонденты весьма склонны проектировать известный им опыт на свое будущее: большинство студентов видят свою будущую семью такой же, какой была их родительская семья. Так, дети из многодетных семей чаще выделяют репродуктивную функцию среди основных функций семьи, чем дети, выросшие в однодетных семьях.

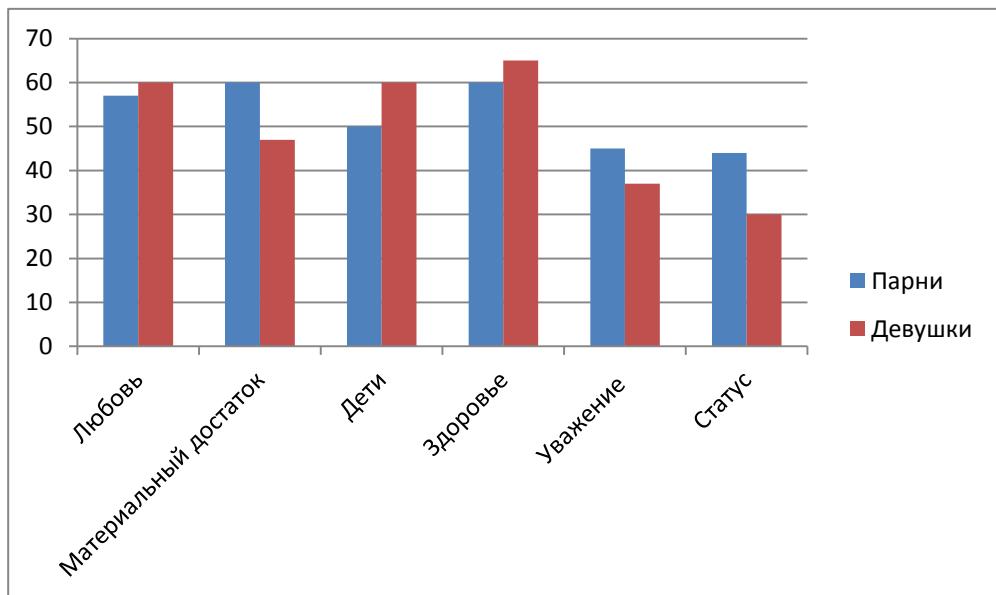
По результатам опроса 2015 г. выяснено, что наиболее важными функциями семьи являются функция содержания и воспитания детей, так считают 89,1 %, репродуктивная функция – 46,2 %, хозяйствственно бытовая функция на третьем месте – 45,5 %, особое значение сексуальной функции семьи отметили 43,6 %. Интересно, что практически все респонденты связывают семью, прежде всего с воспитанием детей, при том, что только половина из них считают важной сексуальную функцию. Причем, женщины гораздо реже, в сравнении с мужчинами, указывают на сексуальную функцию семьи как наиболее важную, они отдают приоритет хозяйственно-бытовой функции, рекреационной функции и организации досуга.

В 2018 г. было проведено исследование, респондентами в котором выступали как студенты ИрГУПС, так и школьники одной из общеобразовательных школ. По результатам опроса выяснили, что по выборке в целом наиболее важными функциями семьи являются функция заботы друг о друге и воспитательная (так считают 89,1 %). Многие как важнейшую отметили функцию поддержания родителей (76,2 %). Хозяйственно-бытовая функция вышла на третье место (45,5 %), а репродук-

тивная функция – на четвертое (43,6 %). Практически все респонденты, как видно, связывают семью с любовью, теплыми отношениями между членами семьи, в то время как только половина опрошенных указали на материальную обеспеченность как важнейший фактор стабильности семьи. Причем школьники чаще, в сравнении со студентами, указывают на материальную сторону семейной жизни как наиболее важную, и считают наименее важными репродуктивную функцию и рекреационную.

Интересно, что девушки-студентки и девочки-школьницы примерно одинаково относятся к семейным ценностям. Для девушек-студенток и девочек-школьниц ключевыми семейными ценностями являются любовь (29 и 28 % соответственно) и совместное время провождение (29 и 25 % соответственно), второстепенными – это дети (8 и 11 % соответственно) и общение с близкими родственниками (14 и 17 % соответственно).

Сравнение ответов юношей и девушек позволяет заметить, что мужская часть респондентов больше думает о материальном обеспечении семьи, а женская часть респондентов – о воспитании детей и поддержании уюта в доме. Результаты ответа на вопрос «Что для Вас в жизни является приоритетом?» представлены на рис. 1.

*Рис. 1. Результаты ответа на вопрос
«Что для Вас в жизни является приоритетом?»*

Подводя итог, можно заметить, что в целом семья, о которой мечтают современные молодые люди, относится к традиционной для рус-

ского типа культуры организации. Это проявляется и во взглядах на отношения супружов, где мужчина предстает хозяином и кормильцем, а женщина матерью и хозяйкой. В ценностных ориентациях и школьников, и студентов семья по-прежнему занимает ведущее место.

В то же время заметны определенные колебания молодых людей в отношении к браку. Так, многие из тех, кто не выделил семью как главную ценность (в исследованиях 2015 г. их было 7 %), считают вполне возможным «гражданский брак», признавая тем самым сожительство рациональной формой связи мужчины и женщины (при этом лишь две трети из них признали сексуальную функцию семьи важнейшей). По исследованиям 2015 г. среди тех, кто считает, что брак может быть свободным от формальных обязательств (таких оказалось 20,6 %), мужчин 64 %. Учитывая, что ныне в нашем обществе отношение к «гражданскому браку» все же скорее безразличное, чем приветственное, а добрачные связи хотя и допускаются, но все таки не одобряются, традиционные для россиян семейные ценности остаются прочными ориентирами при построении юношами и девушками собственных ценностных ориентаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
2. *Серый А. В.* Ценностно-смысловая сфера личности : учеб. пособие / А. В. Серый, М. С. Яницкий. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1999. – 92 с.
3. Проект «Национальная энциклопедическая служба». – Режим доступа: <http://didacts.ru/termin/cennostnye-orientacii.html>.
4. *Кустова В. В.* Готовность студентов вуза к построению гармоничных отношений в будущей семейной жизни / В. В. Кустова, С. В. Юцикас // Культура. Наука. Образование. – 2017. – № 3 (44). – С. 166–173.

УДК 159.922

В. А. Чичкалюк, А. С. Есауленко*

ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ, МОТИВАЦИОННЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ

В статье затрагиваются проблемы адаптации студентов к учебной деятельности в ИрГУПС. Рассматриваются внешняя и внутренняя мотивация к обучению в вузе. Оцениваются качества личности обучающихся первокурсников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: высшее образование, адаптация первокурсников, мотивация к обучению, оценка личностных качеств.

V. A. Chichkalyuk, A. S. Esaulenko

FEATURES OF COGNITIVE, MOTIVATIONAL AND PERSONAL INDICATORS OF FIRST-YEAR STUDENTS

The problems of adaptation of students to educational activities in Irugups are touched upon. External and internal motivation to study at the University are considered. The quality of personality of first-year students is evaluated.

KEYWORDS: higher education, adaptation of first-year students, motivation to study, assessment of personal qualities.

Динамика развития образования в России весьма неоднозначна и многофакторная. Исследования, проводимые ЦОМП ИрГУПС в течение последних лет, позволили оценить динамику адаптационных возможностей обучающихся 1-го курса. Такой интерес к потенциалу поступивших в вуз возник именно в связи с выраженной изменчивостью «правил игры» в школе и вузе по подготовке и овладению профессией. В результате исследований были выделены следующие группы обучающихся 1 курса:

1 группа – характеризуются отсутствием трудностей с самочувствием, настроением, здоровьем, взаимоотношениями в вузе, взаимоот-

* Чичкалюк Валерий Александрович, кандидат медицинских наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения, начальник ЦОМП ИрГУПС.

Есауленко Артем Сергеевич, студент Иркутского государственного университета путей сообщения.

ношениями с родителями, учебной деятельностью, отсутствием вредных привычек и достаточной степенью удовлетворенности выбранной профессии;

2 группа – испытывают незначительные трудности с самочувствием, настроением, здоровьем, взаимоотношениями в вузе, взаимоотношениями с родителями, учебной деятельностью, характеризуются незначительным беспокойством к своим вредным привычкам и имеют некоторые сомнения по отношению к выбранной профессии;

3 группа – испытывают выраженные трудности с самочувствием, настроением, здоровьем, взаимоотношениями в вузе, взаимоотношениями с родителями, учебной деятельностью, характеризуются выраженным беспокойством к своим вредным привычкам и имеют выраженную тревогу по отношению к выбранной профессии;

4 группа – испытывают очень выраженные трудности с самочувствием, настроением, здоровьем, взаимоотношениями в вузе, взаимоотношениями с родителями, учебной деятельностью, очень обеспокоены своим пристрастием к вредным привычкам и разочарованы в выбранной профессии.

Структура обучающихся выглядит следующим образом: более 60 % включено в первую группу, более 30 % – во вторую, в третью группу от 4 до 7 %, а в четвертую 1–3 %.

Мониторинг особенностей социально-психологической адаптации обучающихся в течение последних 5 лет показывает сокращение количества обучающихся, имеющих выраженные проблемы с самочувствием, здоровьем, а также снижается количество лиц, имеющих выраженные и очень выраженные проблемы в учебной деятельности, сомнительное и пессимистичное отношение к учебе, с наличием вредных привычек. Выделение данных групп адаптации позволит распределить методы психолого-педагогического воздействия для оптимизации процесса адаптации студентов. С обучающимися 1-й и 2-й группы необходимы психолого-педагогические мероприятия со стороны кураторов, зам. деканов по воспитательной работе, специалистов ЦОМП с целью профилактики возникновения выраженных проблем в вузе, с целью предупреждения попадания в 3-ю и 4-ю группы. Это могут быть специальные занятия в форме тренингов, собраний с группой по развитию сплоченности студенческих коллективов, информированности о правилах поведения в вузе, в период сессии и другие мероприятия.

С обучающимися 3 и 4 групп проводится индивидуальная работа со специалистами ЦОМП ИрГУПС для определения причин негативных состояний, низкой степени удовлетворенности выбранной специ-

альности и вуза и в заявительном порядке психокоррекционная работа [2, 3].

Преемственное и последовательное развитие исследований обучающихся первого курса было направлено на оценку их готовности к обучению в высшей школе. Исследование было проведено в соответствии с технологией интернет-тестирования обучающихся первого курса, разработанной НИИ мониторинга качества образования [1].

В сентябре-октябре 2018 г. более 800 обучающихся первого курса всех факультетов университета было обследовано для оценки мотивации учения, умственных способностей и личностных особенностей, а также знаний по математике. Применялись методики С. А. Пакулиной, С. М. Кетько, адаптированные и модифицированные для обучающихся всех профилей подготовки, тест интеллекта Р. Амтхауэра (вербальный, математический и пространственный интеллект), пятифакторный личностный опросник. Оцениваемые показатели представлены далее.

Характеристика внутренней мотивации учения, связанной с учебной деятельностью и ее содержанием. Внутреннюю мотивацию составляют:

- доминирующие мотивы поступления в вуз: интерес к профессии; желание получить высшее профессиональное образование; стремление заниматься выбранным для будущей профессии делом; желание стать высококвалифицированным специалистом;

- реально действующие мотивы учения (широкие учебно-познавательные мотивы и мотивы самообразования): стремление использовать приобретенные знания в своей жизни, успешно продолжить обучение на последующих курсах, успешно учиться; желание приобрести глубокие и прочные знания, получить интеллектуальное удовлетворение, участвовать в конкурсах и олимпиадах по изучаемым предметам;

- релевантные профессиональные мотивы: стремление достичь социального признания, уважения; стремление к самореализации, желание продолжить обучение в аспирантуре (магистратуре); самосовершенствование; стремление добиться успеха в профессиональной деятельности, построить успешную профессиональную карьеру.

Внешнюю мотивацию учения, не связанную с учебной деятельностью и ее содержанием, но обусловленную внешними факторами и обстоятельствами составляют:

- доминирующие мотивы поступления в вуз: бесплатное поступление, низкая оплата за обучение; семейные традиции, желание родителей; совет друзей, знакомых; престиж, авторитет вуза и факультета; стремление прожить беззаботный период жизни; случайность; нежела-

ние идти в армию; желание выйти замуж; стремление получить диплом о высшем профессиональном образовании;

– реально действующие мотивы учения (узкие учебно-познавательные мотивы): стремление не отставать от сокурсников, выполнять требования обучения в вузе, достичь уважения преподавателей, быть примером для сокурсников, избежать осуждения и наказания за плохую учебу; стремление получать стипендию; желание быть постоянно готовым к очередным занятиям, не запускать изучение учебных предметов;

– иррелевантные профессиональные мотивы: желание добиться одобрения окружающих, иметь гарантию стабильности; стремление получить высокооплачиваемую работу, работать в государственных структурах или в частных организациях; получить руководящую должность.

Вербальный интеллект предполагает развитие общей способности оперировать словами как сигналами и символами.

Математический интеллект включает комплекс интеллектуальных способностей, связанных с количественным моделированием явлений, основанным на оперировании математическими символами и числами.

Пространственный интеллект характеризует развитие наглядно-образного мышления, практических и теоретических конструктивных способностей, пространственного воображения.

Оцениваемые качества личности обучающихся-первокурсников:

– интроверсия (держанность, замкнутость, ориентированность не на общение, а на дело) – экстраверсия (общительность, оптимистичность, активность, продуктивное выполнение любой работы в компании, а не в одиночестве);

– эмоциональная устойчивость (спокойствие, уверенность, повышенная стрессоустойчивость, продуктивное выполнение работы в напряженных ситуациях) – нейротизм (бурное реагирование на любые жизненные события, высокая эмоциональность, меньшая устойчивость к стрессу, чуткость, отзывчивость);

– закрытость новому опыту (настороженное отношение ко всему новому и неожиданному, тяжелая ориентировка в неожиданных ситуациях, любовь к стабильности, стремление обеспечить ее в своей жизни) – открытость новому опыту (легкое восприятие нового, любопытство, гибкость и готовность к изменениям, склонность к творчеству, поверхность, неустойчивость убеждений и интересов);

– несобранность (беспечность, небрежность, слабоволие, лень, любовь к наслаждениям, жизнерадостность, легкое отношение к проблемам и неприятностям) – сознательность (усердие, пунктуальность,

целеустремленность, надежность, честолюбие, настойчивость, упрямство, желание всех и всё контролировать, мучительное переживание вины из-за своих реальных или мнимых ошибок);

– враждебность (настороженность, недоверчивость, склонность воспринимать окружающих как конкурентов, подозрительность) – доброжелательность (благожелательность, доверчивость, готовность к бескорыстной помощи).

Наиболее общие результаты свидетельствуют о высоких мотивационных показателях у большинства первокурсников, низких вербальных, несколько выше математических и достаточных показателях пространственного интеллекта. Выявленные личностные качества позволяют достаточно большому количеству обследованных, в случае их поддержания и развития, успешно осваивать программу. Положив в основу организации учебно-воспитательного процесса системообразующий фактор, основанный на мотивационно-личностных характеристиках, можно предположить постепенную компенсацию в начальном периоде обучения и последовательное развитие на последующих этапах интеллектуальных показателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оценка уровня базовой и психологической подготовки первокурсников к обучению в вузе/ссезе. – Режим доступа: <https://diag.i-exam.ru/>.
2. Чичкалюк В. А. Современные представления об адаптации студентов 1-го курса обучения (обзор и результаты исследования) / В. А. Чичкалюк, И. В. Козина, Н. А. Тетерина // Культура. Наука. Образование. – 2014. – № 4 (33). – С. 186–200.
3. Чичкалюк В. А. Управление развитием человеческого потенциала в региональном отраслевом университетском комплексе / В. А. Чичкалюк // Современные технологии, системный анализ, моделирование. Спецвыпуск, 2011. – С. 296–304.

УДК 625.1(09)

В. Г. Третьяков Д. В. Дунаев*

ИЗ ИСТОРИИ СТАНЦИИ НИЖНЕУДИНСК

Статья посвящена вокзалу на станции города Нижнеудинск, который имеет столетнюю историю. Рассказывается о первом пассажирском здании, построенным в период эклектизма. Приводятся сведения о реконструкции в 2004 году здания в стиле классицизма с элементами конструктивизма, построенного в советское время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: железные дороги, поезда, паровозы, вокзалы, здания, депо, архитектура, сооружения.

V.G. Tretyakov, D. V. Dunayev

FROM THE HISTORY OF THE STATION NIZHNEUDINSK

Article is devoted to the station at the station of the city of Nizhneudinsk, which has centenary history. It is told about the first passenger building, constructed in the period of eclecticism. Data on reconstruction in 2004 buildings are provided in style of classicism with elements of the constructivism constructed in Soviet period.

KEYWORDS: railroads, trains, engines, stations, buildings, depot, architecture, constructions.

Оживлению жизни в Сибири способствовало строительство сухопутного тракта, который прошел через Нижнеудинск. Здесь возникла почтовая станция, к которой примыкали постоянный двор, конюшня, трактир. Тракт способствовал активизации переселенческого движения. Рост населения в самом Нижнеудинске и появление новых сел вокруг него повышает административное значение Нижнеудинска. В 1780 г. ему был пожалован особый герб. А в 1783 г. Нижнеудинск получает статус города и уездного центра, в который тогда входили Братск, Зима, Тайшет, Тулун и Тофалария. Он фактически становится третьим по значению в губернии городом после Иркутска и Киренска. Это учитыва-

* Третьяков Валерий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.

Дунаев Даниил Владимирович, студент Иркутского государственного университета путей сообщения.

лось и при проектировании железной дороги, которая должна была пройти через Нижнеудинск.

Город с нетерпением ожидал завершения строительства дороги и начала движения. 9 сентября 1897 г. в Нижнеудинск пришёл первый поезд. Хотя жители города, которых на тот период было около 5 000 чел. и занимались они в основном земледелием и ремеслом, внимательно следили за ходом строительства дороги, но гудок паровоза все же поразил их даже больше, чем вид самой «адской машины». Как рассказывают очевидцы, народ, обступивший поезд, как рукой сняло, когда раздался гудок. Кто-то вообще убежал, кто-то отпрянул в сторону, подальше от «чудища».

Обыватели не сразу приняли железную дорогу, не спешили занимать рабочие места по обслуживанию линии. Железнодорожному начальству пришлось даже ввозить рабочих из тех мест, где «чугунка» прошла ранее и люди уже пообвыкли к ней. Потом люди потянулись к дороге, правда, многие не выдерживали, труд был непривычный – изо дня в день, с утра до позднего вечера, неимоверно тяжёлый, требующий большой физической силы. Все ремонтные и строительские работы велись вручную, без какой-либо вспомогательной техники, а не «раз-два взяли» [4]. Не было и депо как такового, а стояли обычные крытые ремонтные мастерские, куда вкатывались паровозы. Но уже к десятой годовщине были возведены необходимые станционные постройки, корпуса паровозного депо, которые сохранили свой первоначальный внешний вид вплоть до 60-х гг. XX в., когда паровозное депо обрело статус локомотивного. Была пущена первая электростанция [3].

Первый вокзал в городе построили в 1903 г. Это было деревянное, небольшое и одноэтажное здание III класса, в котором была касса, зал для пассажиров, а также медпункт и полиция. Здание было полностью симметрично, конструктивный материал – дерево. Он построен в период эклектизма, т. е. в его архитектуре смешаны различные стили. Над классическим строительным материалом и способом решения интерьера преобладает их имитация и лепные украшения [2].

В то время вокзал был одним из крупных сооружений в городе и соответствовал архитектуре города того времени, где здания были преимущественно деревянные и одноэтажные. Вокзал выглядел более масштабным, чем остальные сооружения. Не очень большие ленточные окна ровно тянулись по всей длине вокзала, что создавало определённый ритм здания. В целом вид вокзала и его архитектура мало соответствовали его назначению, хотя для него была характерна функциональность – удобство эксплуатации сооружения. Поскольку пассажирооборот был совсем небольшой, внутреннего помещения было вполне достаточно.

С развитием станции Нижнеудинск, с увеличением пассажирооборота потребовалось новое, более просторное и комфортабельное здание. Учитывая, что старое здание вокзала прослужило уже более 70 лет и было ветхим. Инициатором строительства нового вокзала выступил начальник отдела движения и пассажирской работы Нижнеудинского отделения Восточно-Сибирской железной дороги Г. М. Фадеев, будущий министр путей сообщения.

Строительство нового здания вокзала шло долго, но все же было завершено в 1975 г. Для первых пассажиров открылся просторный и вместительный (до 300 чел.) зал ожидания, освещённый лампами дневного света. За стеклянной стеной расположились билетные кассы, отдельные для пригородных и поездов дальнего следования. Разговор между пассажирами и кассиром осуществлялся через радиосвязь.

Это было одноэтажное бетонное здание. Оно было выстроено в классическом стиле, с четкими геометрическими формами и лаконичной планировкой. Стены как снаружи, так и изнутри членились мелкими пилестрами и карнизами. В композиции целого и деталей, объемов и планов преобладала симметрия. В целом сохранялся образ и пространственные особенности, характерные для классицизма, хотя ясно прослеживались и конструктивистские решения: большие ленточные окна, плоская эксплуатационная крыша [2]. Огромные окна, которые не характерны для климатической зоны Иркутской области, были легко прорубаемые, а потому просторное помещение зала ожидания было трудно обогревать.

Цветовая гамма не была яркой, преобладали темные и холодные тона, что придавало внешнему виду вокзала приземистость. В целом архитектура была характерна для того времени и не отличалась особым решением. Но это здание около 30 лет находилось в эксплуатации без капитального ремонта. Пассажирооборот среднесуточно составлял 600 пассажиров в пригородном, 300 в прямом и местном сообщении.

Вокзал стали готовить к ремонту лишь с тем, чтобы обновленным зданием встретить начальников железных дорог страны, которые собирались в Нижнеудинск на ассамблею летом 2004 г. 30 июля 2004 г. новый вокзал распахнул свои двери [1]. Начальником вокзала в то время была Булатова Елена Николаевна, штат вокзала составлял 23 чел., из которых было 15 кассиров.

В настоящее время это вокзал II класса, который находится на главном ходу Транссибирской магистрали. Он отличается чистотой, комфортностью и качественным обслуживанием. Охрана вокзала производится с помощью транспортной полиции и камер видеонаблюдения (всего 20: 13 – на улице, 7 – внутри вокзала). Новое здание имеет один

этаж, полусферический купол, высота которого 11 м. Металлические колонны и каркас рассчитаны на восьмибалльную сейсмичность. Двухэтажные здания встроены в восточное и западное крыло вокзала. В восточной части на втором этаже для транзитных пассажиров оборудованы комнаты отдыха на 12 чел. и номер-люкс. На первом этаже имеются комната быта и санузел. Западная часть предназначена для работников вокзала, там же расположены полицейский участок и медпункт [5].

Просторной и комфортной является центральная часть вокзала. Она очень хорошо освещена: на высоких потолках – люстры, на колоннах – светильники, на стенах – прожектора. Имеется два зала: первый – зал ожидания, где есть телефон, аптечный киоск и кафе; в другом зале расположены билетные кассы, расписания движения поездов, информационные стенды, бегущая строка. Улучшились условия работы обслуживающего персонала. У дежурного есть устройство наблюдения за пассажирами, он может дать полную информацию о прибытии поездов и стоимости билетов [5].

Современный вокзал Нижнеудинска – это ворота в город, гостеприимно встречающие каждого входящего и провожающие тех, кто уезжает. После реконструкции 2004 г. вокзал стал вполне способным обеспечивать постоянно растущие потоки всех видов перевозок и обслуживания пассажиров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восточно-Сибирский путь. – 2004. – № 21.
2. Кильпе Т. Л. Основы архитектуры / Т. Л. Кильпе. – М. : Высшая школа, 1984. – С. 66.
3. Протасова Н. И. Очерки о Нижнеудинске / Н. И. Протасова. – М. : Нижнеудинск, 2010. – 330 с.
4. Хобта А. В. Иркутск: Управление дороги, станция, город / А. В. Хобта, Н. В. Никифорова. – Иркутск : ОАО «Репроцентр А1», 2016. – 568 с.
5. Материалы Краеведческого музея г. Нижнеудинска.

Приглашаем к участию в нашем научном журнале. Здесь публикуются материалы, соответствующие следующим рубрикам:

• История• Философия• Культурология	• Психология• Право и управление• Теория и практика образования

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

Представляемые материалы (за исключением рекламных и информационных заметок о научных форумах, культурных мероприятиях, новых книгах) должны отвечать тематике журнала. Тексты статей присылаются на любом электронном носителе или по электронной почте письмом с вложением двух файлов:

1. Файл со статьей (должен быть назван по фамилии автора, например: «Петров. Статья.doc»).
2. Файл со сведениями об авторах включает: фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание и должность, полное название учреждения; контактный телефон и e-mail (должен называться, например: «Петров. Справка.doc»).

ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТА

На первой строке слева – индекс УДК. На следующей строке справа размещаются инициалы и фамилия автора(ов): строчными буквами, жирным шрифтом, 14 кегль (отсюда же ссылкой внизу страницы прописываются полностью ФИО, научная степень, должность и место работы, город, e-mail). На следующей строке – название статьи прописными буквами, жирным шрифтом, 14 кегль, выравнивание по

центру. Ниже – аннотация и ключевые слова на русском языке, выравнивание по ширине, 12 кегль, курсив.

Ниже, через одну строку, в таком же порядке прописываются все эти же данные на английском языке.

Через два интервала следует текст:

1. Параметры страницы: размер бумаги – А4; ориентация – книжная; поля: верхнее – 3 см,– все остальные 2,5 см.

2. Параметры основного текста: стиль – обычный (Normal); шрифт – Times NRC, размер – 14 кегль, интервал одинарный, отступ первой строки – 10 мм, остальные – 0; выравнивание – по ширине;

– **не допускается ручное** форматирование текста (абзацные отступы, переносы, выравнивание текста и др.);

– расстановка переносов устанавливается **автоматическая**, переносы в словах из прописных букв **запретить**;

– страницы **не нумеруются**;

– таблицы, рисунки и формулы **не должны выходить** за текстовое поле (необходимо выдерживать размеры полей по всей странице).

3. Рисунки должны быть введены в текст и подписаны; графики и диаграммы оформляются аналогично. Подрисуночные подписи выполняются в основном тексте. Формулы вводятся с помощью редактора формул в одном окне для каждой отдельной формулы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ оформляется в соответствии с действующим ГОСТом 7.1-2003 или ГОСТом 7.05-2008. Рекомендуем все же при оформлении источников не забывать указывать название издательства и полный объем источника (количество страниц в книге, статье и т. п.). Источники располагать в порядке их упоминания в тексте статьи. Список печатается через один интервал 12 кеглем.

ССЫЛКИ (сноски) оформляются **по тексту в квадратных скобках**, где указывается порядковый номер источника в списке и страница (том, описание, фонд, дело и др.), к которой автор желает направить читателя.

Примеры оформления статей можно найти на официальном сайте Иркутского государственного университета путей сообщения в разделе «Наука» – «Научные издания» – «Культура. Наука. Образование».

Редакция оставляет за собой право отбора и редактирования материалов для включения в очередной номер журнала. Электронные носители и рукописи авторам не возвращаются. По результатам обсуждения материалов редколлегией принимается решение: а) о публикации статьи, б) об отправке статьи на доработку в соответствии с замечаниями рецензента, в) об отказе в публикации статьи. Мотивированное заключение о необходимости доработки или об отказе в публикации направляется автору электронной почтой.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных (в том числе географических названий) и иных сведений энциклопедического характера, а также за точность данных списка источников и литературы.

Адрес для отправки материалов в журнал:
664674, Иркутск, ул. Чернышевского, 15,
Иркутский государственный университет путей сообщения, корп. Д,
каб. 621 (кафедра философии и социально-гуманитарных наук).
Телефон для справок: (тел. (3952) 638399+0147; 638310+0147).

- Материалы можно направлять электронной почтой:
- e-mail: tretvv@yandex.ru Третьяков Валерий Валерьевич, зам. главного редактора, кафедра философии и социально-гуманитарных наук,
т. 8-902-578-71-29
 - e-mail: natali.swatos@yandex.ru Никифорова Наталья Викторовна,
ответственный секретарь журнала,
т. 8-964-547-77-92

КУЛЬТУРА НАУКА ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (50) 2019

Редактор *A. B. Каверзина*
Оригинал-макет и обложка: *Н. Е. Кильдишиева*

Подписано к печати 19.03.2019. Дата выхода 29.03.2019.
Формат 70×100¹/16. Офсетная печать. Усл.-печ. л. 14,0.
План 2019 г. Тираж 500 экз. Заказ №

Бесплатно

ISSN 2410-1451

Зарегистрировано в Роскомнадзоре, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68123
(16+)

Учредитель: Иркутский государственный университет путей сообщения
Адрес издательства и редакции: 664674, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15 (ИрГУПС),
корп. Д, каб. 621, кафедра «Философия и социально-гуманитарные науки»
Тел.: (8-3952) 638-311 (01-47, 01-29)

Отпечатано в типографии ИрГУПС
Иркутск, ул. Чернышевского, 15
